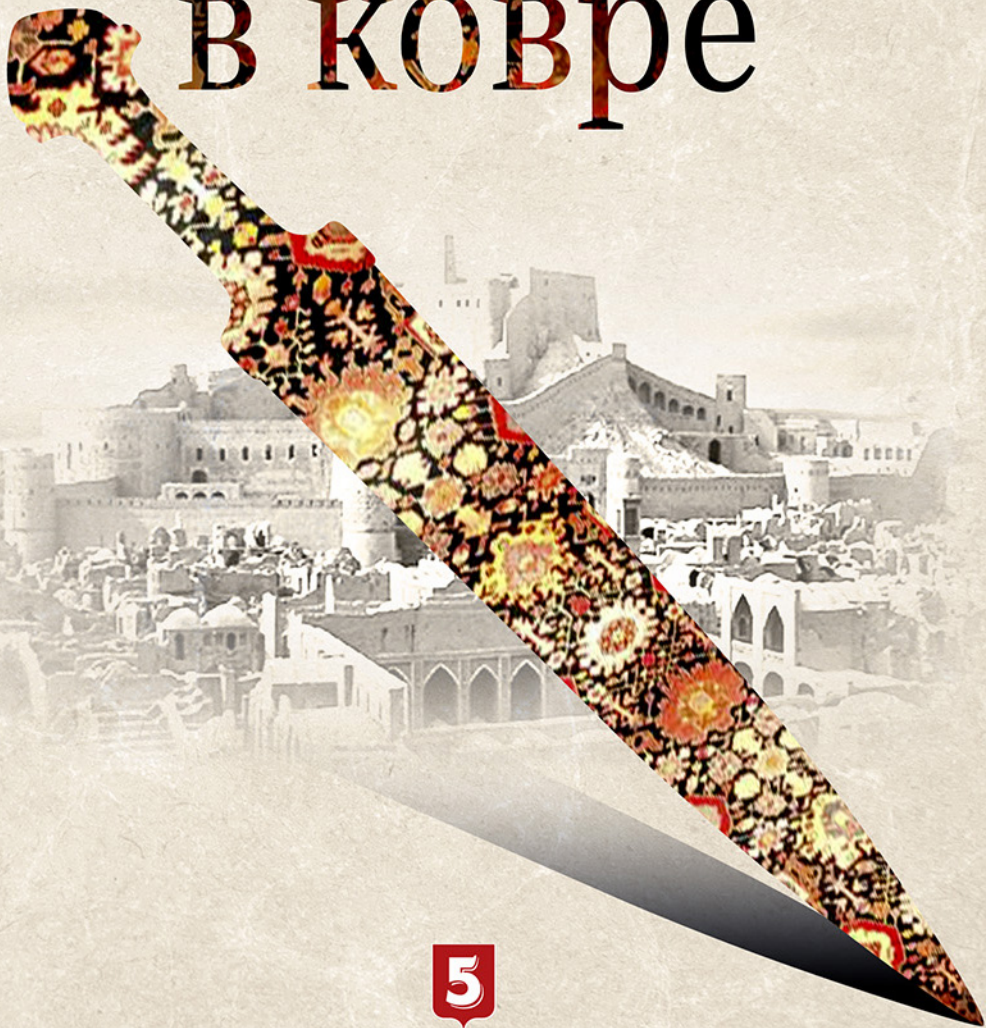

Что бы ты ни думал, ты будешь неправ

Заур Гасанов

Тайник в ковре

Тайник в ковре

Заур Гасанов

ПЯТЫЙ РИМ

Заур Гасанов

Тайник в ковре

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2019

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г 22

Литературный редактор Н. Курчатова

Оформление переплета М. Левыкин

Гасанов З.

Г 22 Тайник в ковре. — М.: Издательство «Пятый Рим»
(ООО «Бестселлер»), 2019. — 224 с.

ISBN 978-5-9500937-3-9

«Тайник в ковре» — это первая часть трилогии, которая описывает один из самых драматических периодов истории исламского мира, а именно, начало столкновения на почве противостояния суннизма и шиизма, двух великих империй — Османской и Персидской. В те годы на престолы обеих империй взошли молодые и амбициозные лидеры: Сулейман Великолепный и Тахмасиб I из династии Сафавидов.

У каждого из этих правителей были сокровенные секреты. Книга расскажет про первую интригу между правителями, их секретными службами, сопровождавшуюся заговорами и убийствами, и другими событиями, развивавшимися вокруг таинственного ковра. Как всегда бывает на Востоке, интрига непредсказуема: «что бы ты не думал, ты будешь неправ».

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Гасанов З., 2019
© Издательство «Пятый Рим»™,
2019
© ООО «Бестселлер», 2019

ISBN 978-5-9500937-3-9

Глава 1

Лучше вовсе молчать тем, кто речь не ведет о тебе.

Лучше все позабыть, если память пройдет о тебе¹.

Верблюд никогда не болел. Если уж говорить совсем честно, то почти никогда. Даже если и ухудшалось самочувствие животного, то кочевники и это почитали за благо. Существовала древняя легенда о том, как один верблюд отстал от каравана. Опытный проводник заподозрил, что тот болен. Заглянул ему в пасть, раскрыл веки, покрытые толстым слоем песка, пощупал бока и произнес: «Оставьте его здесь, ему не жить».

Через две недели, возвращаясь назад, торговцы нашли этого верблюда живым и невредимым. Он лежал в странной, дурно пахнущей черной грязи, чем-то походившей на мазь, которую используют для факелов и ламп. Но сколько ни старались ее поджечь, ничего не получалось. Вещество непонятного происхождения не горело. Караванщики из любопытства собрали грязь в бурдюк и забрали с собой, погрузив на чудом излечившегося верблюда. Позже выяснилось, что грязь эта лечит не только верблюдов, но и людей.

¹ Бейт из «Первого моления о наказании и гнев Божием», поэма «Сокровищница тайн» Низами Гянджеви в переводе К. Липскерова и С. Шервинского. Здесь и далее эпиграфы из поэм Низами Гянджеви.

Выходит, даже заболевая, верблюд был способен приносить пользу. Это было еще одно чудесное его свойство, помимо выносливости и неприхотливости. А еще — прекрасного зрения и чутья, способности стойко переносить долгие дни путешествий через бескрайнюю пустыню с ее свирепыми, внезапными ветрами и смертельно опасными змеями, пить соленую морскую воду или вовсе без нее обходиться. Все это делало верблюдов идеальными животными пустыни.

Нечто подобное можно было сказать и о нас. Мы не болели, никогда не жаловались и были безотказны во всем, с ранних лет воспитываясь в строгом военном духе. В истории не сохранилось о таких, как мы, практически никаких упоминаний, несмотря на то что многие считали нас главными ее вершителями, ну или попросту хотели в это верить.

Нас можно было встретить у каждого правителя, ни один без нас не обходился. Мы не сражались, не охраняли, не следили за здоровьем Шахиншаха — или, вернее, делали все это понемногу. Мы всегда находились рядом с Повелителем, словно его тень.

Ни одно из малых или больших предприятий избранника Аллаха не свершалось без нашего участия. При дворах могущественных шахиншахов нас называли на персидский лад — «бехишти афсар», что означает — воины рая. Лишь узкий круг приближенной к Повелителю знати был осведомлен о нашем существовании. Мы не были наемниками, скорее тайными слугами, которые подчинялись только Шахиншаху или его главному визирю. Однако и за воинами рая осуществлялся контроль. Век за веком пары невиди-

мых глаз постоянно следили за нами. Существовали и конкретные запреты. Нам нельзя было брать жен из семей приближенных Шахиншаха, занимать какой угодно официальный пост. И если вам скажут, что кто-нибудь из великих властителей пренебрегал нашими услугами — не верьте; даже у самых миролюбивых правителей были слуги моего рода, ибо такие люди необходимы во все времена — как в хорошие, так и в самые ужасные.

Нам отдавали приказы, а мы их выполняли. Мы делали все — убивали, резали, душили, насиловали без тени сомнения. Так выглядела страшная и не очень-то приятная сторона нашей работы. Но была и другая, более увлекательная. Наш Шахиншах не привык слышать «нет». Ведь он являлся первым из слуг Аллаха, а значит, мог все, чего не могли остальные. Время от времени подданные — от блистательных придворных до черного люда — должны были лицеизреть великолепие его власти. И здесь тоже были востребованы наши таланты.

Не имея ни титула, ни даже имени, я знал при дворе всё и обо всех. Знал, кто обладает настоящей силой и могуществом, а кто является всего лишь марионеткой или шутом; знал, кто имеет влияние на Повелителя, а кого он лишь терпит ради корыстных целей. Знал даже, к кому Шахиншах питает искреннюю склонность, а ведь таких было очень мало... Кого вспомнить? Вот разве что изысканная и умная Ханихан-ханум, мать Аликули-хана из племени шамлу, к этой женщине Повелитель относился с почтением. Знал я, и кого Шахиншах уже осудил в своем сердце, причем задолго до официальной немилости: так случи-

лось с покойными леле¹ Див-султаном, Чуха-султаном и пока еще здравствующим — но это не надолго — Хусейн-ханом. Все это были люди, приставленные к Повелителю с того момента, как он в десятилетнем возрасте вззошел на престол, и люди некогда чрезвычайно могущественные.

Дела при дворе никогда не шли хорошо. Жизнь здесь хоть и казалась благополучной, но на деле все обстояло совсем иначе. У Шахиншаха было не так уж много верных слуг и союзников. Во всяком случае, могущественных врагов у него было куда больше. И самым могущественным был османский султан Сулейман Великолепный, что вот уже не первый год вел игру, нацеленную на полное истребление Дома Сефевидов. Сулейман был десятым государем Османской империи, а Великолепным его прозвали в том числе за масштабные военные кампании против различных государств. Он совершал длительные завоевательные походы и почти всегда одерживал победу. Он умудрялся воевать и там, и здесь, и на Западе, и на Востоке — так что я бы скорее назвал его вездесущим. Также этот человек прославился как мудрый законодатель. Находясь на пике своей славы, в разгар европейской кампании 1529 года от Р. Х., или 935 года Хиджры, захватывая Балканы и приближаясь к крепостным стенам Вены, султан Сулейман не забывал и про нас.

Его подарок нашему Повелителю — великолепный ковер с изображением Хосрова и Ширин, героев по-

¹ Леле имел статус регента при малолетних Повелителях, пока они достигали совершеннолетия. Див-султан был вождем могущественного племени румлу, Чуха-султан из племени текали, а Хусейн-хан из племени шамлу, каждый из них защищал интересы своего клана.

эмы великого Низами — таил в себе немало секретов, которые не должны были покидать темные сундуки в дафтер-хане¹. Наши попытки приподнять завесу над этой тайной вовлекли людей из окружения Тахмасиба² в коварные интриги и превратили их в одержимых подозрениями безумцев.

Одному сказочно красивому ковру было предназначено изменить ход истории региона. А моей миссией было раскрыть тайну этого ковра, а еще лучше — понять, кто в действительности стоял за всей игрой, кто дергал за невидимые ниточки могущественных особ в столицах мира, играя ими как марионетками? Что это было — война за земли, за торговые пути, за гаремы, за лучшие умы, за власть и почести? Или мы опять, как это часто бывает, так ничего и не узнаем о том, кто нас вел, куда и зачем?

¹ Шахская секретная канцелярия.

² Тахмасиб (1514–1576) — второй шах Ирана шиитской династии Сефевидов.

Глава 2

*Шел он дальше без спутников, по неизвестной дороге.
Сам теперь он не ведал, куда приведут его ноги.*

Восток любит тишину.

В Империи серьезные дела делались если не молча, то, по крайней мере, вполголоса. У красивого трона Шахиншаха во время меджлис-и а'ла¹ собирались приближенные Тахмасиба. Чинно выслушивая всех, Шахиншах принимал важные государственные решения. Точно так же на этом троне принимал решения отец Повелителя, Шахиншах Исмаил², — человек, который навеки изменил судьбу мусульманского мира, встав во главе кызылбашей³, тюркских племен, что сделали своим знаменем шиизм. Еще полвека назад влияние секты шейха Джунейда⁴, деда Исмаила, не выходило за пределы их вотчины, города Ардебиля. Сейчас же его правнук Тахмасиб правил землями от берегов Евфрата в Ираке до Герата, что на границе с Афганистаном.

¹ Высочайший меджлис состоял из двенадцати ближайших соратников шахиншаха, представляющих административную, военную и религиозную элиту страны.

² Исмаил I (1487–1524) — первый шахиншах Ирана династии Сефевидов.

³ Буквально — «золотоглавые», названные так по головному убору из двенадцати золотых повязок.

⁴ Глава ордена Сефевийе в 1447–1460-х гг., дед шахиншаха Исмаила.

На севере его власть доходила до Дербента, на юге до портов Персидского залива.

Историю возвышения Сефевидов за последние полвека сложно было объяснить иначе чем благоволением Аллаха. Но люди практичные поговаривали, что секрет завоеваний этой династии нужно искать в их первом лидере, главе суфийско-дервишского ордена Сефевийе — Сефи ад-Дине¹. Слава этого ученого распространилась далеко за пределы Ардебиля. До сих пор при дворе пересказывали историю о том, как Амир Тимур, или Тамерлан, возвращаясь из похода в Османскую империю, решил на пути назад встретится с Сефи ад-Дином. Великий завоеватель был настолько поражен глубиной знаний и мудростью шейха, что по его просьбе освободил османских пленников и поселил их в окрестностях Ардебиля. Освобождённые пленники объявили Сефи ад-Дина своим духовным лидером. Через столетие потомки этих людей примут шиизм и станут главной силой внутри Османской империи в борьбе против султанов.

Мистические прозрения Сефи ад-Дина и его секретные замыслы, про которые многие говорили, но никто точно не знал, в чем же они состоят, были самым охраняемым секретом империи. Даже мне почти ничего не было известно про богословское и политическое наследие великого шейха. Говорили, что самые важные мысли и наставления Сефи ад-Дина передавали только устно и только взошедшему на престол новому Повелителю. Кто и как это делал — тоже было тайной за семью печатями.

¹ Основатель ордена Сефевийе в XIV веке, первый глава дома Сефевидов.

Империю Сефевидов населяли десятки народностей, но стержнем государства, его опорой были воинственные племена кызылбашей: афшары, каджары, румлу, варсак, шамлу, устаджлу¹. Их знать составляла гражданскую, военную и духовную элиту империи. Издавна жившие в пределах власти Шахиншаха персы и арабы, так же как тюркские племена Центральной Азии и горные народы Кавказа, тоже боролись за влияние на Повелителя. В этой борьбе особенный успех сопутствовал персам и арабам, на стороне которых была богатая военная, научная и религиозная культура, великая литература и искусство, которые в умных руках смогли бы хорошо послужить интересам династии Сефевидов.

Курчиев, стрелков-гвардейцев Шахиншаха на быстрых конях, знали и боялись по всей Империи. Их командиром был курчибаши, а главнокомандующий кызылбашским ополчением звался эмир ал-умара, на эту должность Шахиншах избирал вождей самых влиятельных племен. Менее заметен был халиф ал-хулафа, что управлял разветвленной сетью агентов ордена Сефевийе. Агенты-хулафы собирали важную информацию по стране и всему исламскому миру, к ним стекалась переписка внутри Империи, доклады о недовольстве на местах, сообщения о переездах и встречах местных чиновников и вельмож, о визитах христи-

¹ Тюрко-огузские племена, выходцы из степей Центральной Азии. С XI века огузы продвигаются на запад, занимая территории в Средней Азии, Иране и Азербайджане. Огузы приняли участие в этногенезе туркмен, анатолийских турок, хорезмийских узбеков, гагаузов и проч. Упомянутые здесь племена — непосредственные предки нынешних азербайджанцев.

анских миссионеров, которые были очень активны в наших провинциях. Данные о налогах и сборах, о ценах на важные ресурсы — особенно шелка-сырца и хлопка-сырца, собирали мустоуфии, чиновники шахского казначейства. Все это оказывало прямое влияние на доходы казны, которыми ведал мустоуфий ал-мамалик — главный казначей всех имперских областей. Доклады о количестве пресной воды, об урожае с полей правящей династии¹, казенных полей или земель вакфов — все это собиралось с точностью времени намаза².

Но мы, «бехишти афсар», не входили в эту очевидную для всех пирамиду гражданских, военных и духовных лиц. Мы не несли охрану во дворце, не сопровождали Повелителя в поездках и не атаковали неприятеля в конном строю. У нас, как я уже говорил, были другие задачи.

Последние несколько дней я находился в ожидании отъезда. Меня отправляли на юг Империи, в город Бам, что располагался близ границ слабеющей империи Тимуридов. Цели и задачи поездки я должен был узнать у главного визиря. Как всегда, они были разнообразны — настолько, что обычному человеку было трудно охватить своим скудным разумением их все. Но таков уж был легендар-

¹ В Империи земли дома Сефевидов называли арази-и хассе, казенные земли арази-и дивани, земли мусульманских религиозных учреждений арази-и моукуфа или вакфы.

² Сунниты совершают намаз пять раз в день, мусульмане-шииты намаз зохр и аср — обеденный и послеобеденный, а также намаз магриб и иша — предвечерний и вечерний, зачастую совершают совместно, то есть получается те же пять намазов, но трижды в день.

ный главный визирь Джахан Казвини — требовал многого с других, но более всего — с себя. Этот человек был воплощением всего, что ценится на Востоке — верности и ума, хитрости и целеустремленности, набожности и природной скромности. Когда всемогущие леле, наперсники и воспитатели тогда еще юного Шаха Тахмасиба бесчинствовали и интриговали, Казвини сидел тихо и выжидал. По мере того как Тахмасиб вырослел, он проявлял все меньше терпения к бесчинствам регентов, а позиции умного и почтительного Казвини, наоборот, укреплялись. К 935 году Хиджры из трех приставленных к молодому Повелителю леле не выжил ни один. Самого кровожадного из них — Див-султана, молодой Шахиншах убил стрелой прямо во время заседания высочайшего меджлиса.

— Что бы ты ни думал, ты не прав, — так оригинально напутствовал меня главный визирь перед дальним путешествием.

Его грозный взгляд заставлял трепетать многих, но только не меня. Я привык к этому взгляду, и меня куда больше интересовало, что еще скажет Казвини, после того как в очередной раз сообщит подчиненному о его неопытности. Визирь встал с ковра и пригласил меня подойти к карте.

— Вот наш Бам. Что ты тут видишь?

— Хорошую дорогу, великий Кази¹. Это прекрасный источник дохода для казны.

¹ Кази Джахан Казвини, один из главных сподвижников первых шахиншахов из дома Сефевидов.

— Она была хороша со времен Дария, и что? Что это дает Дому Сефевидов, нашим кормильцам, сейчас?

— Это дает бумагу Самарканда, кинжалы Мерва, золото Памира, красавиц Карачи, шелк Поднебесной, пряности...

— Ты не понимаешь сути моего вопроса. Все еще слишком молод и думаешь ногами, а не головой.

Таково было другое известное изречение главного визиря, которым он не оскорблял, а скорее намекал на мою незрелость. Для нашего великого кормчего существовали две категории людей — работающие ногами и головой.

Все свой путь начинали, работая ногами: носили за сардарами дорогие халаты, бегали по городу с записками и посылками, встречали и сопровождали гостей, следили за врагами на базарах, в харамхана¹ и караван-сараях. По прошествии нескольких лет те, кто мог работать головой, поднимались выше. Здесь не было экзаменов и конкретных сроков; у каждого — своя история успеха.

— Война на востоке с тимуридами никогда не закончится. Хорасан вместе с Гератом будут переходить от нас к ним, и наоборот. И каждый раз это ставит под удар наши традиционные торговые пути в Индию. Нужно найти другой важный форпост и перевалочный пункт для наших караванов. Но это должен быть не маленький тусклый городишко, а огромный цветущий город, слава которого была бы сродни славе Бухары, Самарканда и древнего Мерва.

¹ Гарем.

Визирь на секунду задумался. Его взгляд словно замер и устремился в глубину комнаты. Он над чем-то размышлял.

— Каких-то полсотни лет назад, — продолжал он, — сунниты правили всей мусульманский уммой от берегов Дуная до стен Китая. Это были многочисленные арабские племена и не менее многочисленные тюркские племена — сельджуки, кыпчаки, узбеки, огузы... Но сейчас, благословение Имаму Али¹, мы вклинились в сердце этого царства, разделив его прямо посередине.

— Да, мы предложили глоток свежего воздуха, новый порядок в доме, который трещал под грузом старых догм. Полвека назад никто не ожидал, что учение Сефевийе так ляжет людям на сердце. Дошло до того, что османы и тимуриды на наших границах заставляют людей клясться Кораном в том, что они не идут присоединяться к нам и менять веру.

Это было чистой правдой. Шиизм стал знаменем, объединяющим народы, люди со всех концов исламского мира прибывали в наши города и хотели стать частью новой державы. Люди хотели новой веры, новых возможностей и вдохновения, которые могли им дать только мы. Багдад, Мосул, Алеппо, Идлиб,

¹ Имам Али — Абú-ль-Хасан ‘Али ибн Абú Талиб аль-Кураши (7.03.599 — 24.01.661), двоюродный брат, зять и сподвижник Пророка Мухаммеда, первый из двенадцати почитаемых шиитами имамов. Шахиншах Исмаил I после восшествия на престол принял титул “сеги-дери Али» — страж, или, буквально, «собака дверей Али». На серебряной монете шаха Исмаила I было отчеканено: Призови Али, проявителя чудес, /Ты найдёшь его себе опорой в печали./Вся забота и горе исчезнут/С твоим покровительством, о Али, о Али, о Али!

даже далекий Хабеш¹ — все это теперь наше! Лучшие мастера по коврам, шелкам, миниатюрам, лекари, астрономы и алхимики — все они шииты, последователи имама Али и подданные дома Сефевидов.

— Нужно повторить этот успех на юге империи, верно ли я понял, великий сардар?..

— Ты понял меня правильно. Люди должны поверить в божественную силу нашей веры. Но на сей раз это будет не просто! Древние города Месопотамии, принявшие шиизм, всегда были величественны, а их жители — умны и изящны. Не то в диких просторах юга. Тебе придется измыслить что-то простое и эффективное, чтобы заставить жителей области добровольно припасть к нашим ногам.

Я знал, на что намекал, не говоря прямо, великий Казвини. Весть о шиизме нуждалась в деньгах, для того чтобы завоевать и удержать последователей. Без процветающей торговли вся затея была бесперспективна. Потому Сефевиды в самом начале священной войны направили свои взоры на богатейшие города Востока. Именно туда свозились товары всего мира по Великому Шелковому пути, там создавались состояния. Но даже в узком кругу приближенных к Шахиншаху не все понимали значимость Великого Шелкового пути. Одни видели в нем источник дохода путем торговли или прямого грабежа, другие — источник наслаждения, ведь по пути шелка двигались также караваны с рабами и всевозможными зельями, но великая суть Шелкового пути была в другом. Деньги, шелк, рабы, наркотики — все это было кровью, лимфой, желчью

¹ Абиссиния, ныне — Эфиопия.

большой торговой дороги, но звеньями этой цепи, ее скелетом были древние города Востока. Именно там из природных богатств создавались предметы, которые будут служить человеку веками. Красивая посуда, надежное оружие, изысканные украшения, чудесные ковры — все, что нужно для хорошей жизни, что ценилось, приносило владельцу радость и подчеркивало его статус — все это создавали города, умножая богатство державы. Ведь если шелк-сырец торговец брал за десять туманов, то уже готовую одежду мастера продавали за двести: основной заработок оставался в городе, который богател на глазах. Так разрастались и хорошели города Шелкового пути: одевались высокими стенами, украшались великолепными дворцами, хвастались друг перед другом искусными мастерами, знаменитыми поэтами и философами. Так они становились центрами притяжения и людей, и денег, и власти.

И если Герат или Мешхед в Хорасане были богаты и знамениты задолго до нас, то новое время и амбиции нашего Повелителя требовали создания нового безопасного форпоста, где жители могли бы богатеть под нашей защитой, а мы — собирать с них хорошую мзду и распространять влияние шиизма на сопредельные территории.

Прочел ли главный визирь понимание всего этого на моем лице или попросту у него закончилось отведенное на меня время, но после недолгой паузы он произнес:

— Бам должен стать южными воротами шиизма и центром торговли с Индией. А ты должен положить начало его величию. Теперь — иди.

Великий Казвини умел настроить на свершения, ничего не скажешь. Конечно, мне льстило, что именно меня выбрали для подобной миссии. Кажется, это было задание того рода, где нужно работать головой, а не ногами. Говорило ли это о том, что Казвини начал меня выделять?..

Выйдя во двор во власти честолюбивых мечтаний, я был тут же пойман в сети дурманящего аромата гашиша. Это Бабуджан, хитроумный и льстивый до неприличия помощник главного визиря, уже зазывал меня к себе. Все свои проделки мы обычно осуществляли вдвоем — ходили к танцовщицам, в лучшие гальяналты¹, хамамы, выезжали в богатые на дичь прикаспийские луга.

Бабуджан пронес легкий сверток перед моим носом.

— Ничего не говори, просто попробуй, — ухмыльнулся он.

— Что-то новенькое, Бабу?

— Сам только что... Если и тебе понравится, возьмем для наших вечерних утех.

Я не любил курить дурман в чистом виде, и Бабу частенько что-то придумывал. Он смешивал гашиш с различными добавками, которые делали его, во-первых, более легким, а во-вторых, у снадобья появлялся особый, пикантный вкус. Недавно при дворе завелся европейский обычай курить табак, его запасы имелись и у Бабу.

Первая затяжка была легкой. Я всегда так делал — хотел понять состав смеси. Сперва уловил тяжелый

¹ Места ночного отдыха, где можно курить легкие наркотики и развлекаться.

привкус табака и будто бы нотку лимона. Потом последовала более глубокая затяжка, и приятный дурман начал спускаться вниз. Как я любил эту ощущение! Ты не теряешь ясности ума, но при этом возникает чувство приятной расслабленности, которого невозможно достичь никакими другими способами. Затем появляется приятная легкость в мыслях. Я чувствовал род оживления, а внутри головы будто бегали, дразня, маленькие букашки. Тайные мысли и неожиданные прихоти выплывали яркими образами, будто их увлекали воды горной реки Панджер. Именно таким приятным способом я обычно находил ответы на самые сложные вопросы.

Глава 3

*Там, где лик ты явишь, там и лунный свет не нужен.
Тем, кого ты осчастливишь, сладостный шербет
не нужен.*

Самое сложное в пути — убивать время. Пока верблюды переваливают тебя с одного бока на другой, ты не можешь делать ничего другого — ни читать, ни писать, ни даже жевать... А теперь представьте себе бескрайнюю пустыню с ее невыносимой жарой, всяческой отвратительной живностью вроде грызунов и змей, растительностью в виде бегающих колючек и частыми песчаными бурями. Иногда бури появляются исподволь, тогда начинается страшное. Рабы и животные становятся неуправляемы. Одни пытаются убежать, другие — припрятать что-нибудь из каравана для своих нужд. Уследить за всеми невозможно. Каждый беспокоится только о себе. Я больше всего боялся маленьких песчаных пылинок, которые попадают под одежду, в уши, в нос, и — самое страшное — в глаза. Не успеешь закрыть лицо — и пылинки забиваются под веки, затем они дергаются всю дорогу, будто у тебя нервный тик. Тогда нужно как можно быстрее добираться до лекаря. Уложив тебя на спину, он тонким инструментом очищал глаза под веками, а затем омывал специальным раствором. Но Аллах всемогущий, если ты не мог найти лекаря по дороге! Тогда

через несколько дней пути глаза опухали, и вскоре путник начинал слепнуть.

Да, а ведь есть еще и разбойники из тех отчаянных, кого не контролируем даже мы! Разбойники, что понятно из их названия, промышляют набегами. И от их набегов могут быть неприятности — даже и от тех, кого мы знали... Ведь иной раз попадался тугодум, которому и не сразу объяснишь, что не с тем, ох не с тем он связался! Тогда, бывало, приходилось спасаться бегством. Но в этот раз, хвала Аллаху, таких случаев пока не было. Разве что в одной пыльной деревушке мы подверглись набегу настырных мух. Они сильно покусывали открытые части тела, из-за чего мне пришлось на некоторое время полностью укрыться. Но зловердные насекомые довольно быстро поняли, с кем имеют дело, и уже пару часов спустя их не стало.

Впрочем, в пустыне были и свои развлечения. Если попадался даровитый чавуш¹, он непременно всю дорогу напевал песни, смешил меня и всех остальных путешественников. Хороший индийский проводник, а большинство из них были индусами, сидя на ковре и соскребая грязь со своих ног, рассказывал про алмазы махараджей или про мудрецов и мобедов². А опытный торговец не только готовил крепкий кофе, добавляя к нему верблюжьего молока, но и открывал кое-какие секреты о жизни в далеких странах.

¹ Молодой человек, идущий впереди каравана и исполняющий религиозные песни.

² Мобед — ранее зороастрийский священник, здесь употреблено в значении волшебник, звездочет.

Раньше я передвигался исключительно на своем кровном теке¹ в сопровождении нескольких верных наукаров, однако путешествие от этого легче не становилось. Испробовав многие способы, я понял, что самый лучший — присоединиться к каравану под видом обычного торговца. Таким образом можно найти интересных спутников или, если не повезет, просто уйти в свои размышления, чтоб никто не досаждал вниманием к твоей внешне рядовой особе. Просто ехать и думать обо всем, что взбредет в голову: как раскрыть очередной заговор своих могущественных врагов, завербовать союзников, какой дурман стоит попробовать и какую красавицу выкрасть для утех. Главное — потом не забыть ни одной из этих ценнейших мыслей. Поэтому мой небольшой путевой дневник был весь исписан тайными знаками.

Мы двигались уже больше недели, и если до Йезда еще можно было повстречать что-то радующее глаз, то дальше начался настоящий ад. На восемь дней пути — всего два приличных караван-сарая — Рафсанджан и Махан... Но вот уже и мрачный Бам. Он мне не понравился с первого взгляда. Здесь все казалось противным.

Мой любимый Тегеран, где ты сейчас? Новая резиденция Шахиншаха с ее широкими улицами, вдоль которых ровным строем стояли красивые и высокие кипарисы — символы свободы и гордости... Там уже в конце апреля можно попробовать ранний тут и вишню. А мой родной квартал Дербент², полный красавиц, курящих ананасовый или яблочный кальян в закры-

¹ Конь ахалтекинской породы.

² Один из лучших районов Тегерана.

тых домах удовольствий! Где все это сейчас? Я уж не говорю про мой удобный дом, любимую наложницу и преданного пса по кличке Алабай, которого я держал вдали от любопытных глаз.

Я едва подавил крик отчаяния при виде мрачных окрестностей Бама, где мне предстояло провести немало времени. Пыль, бедность. Из деревьев — лишь финиковые пальмы. Прохожие одеты не просто жалко, а прямо убого. Так убого, что на них больно смотреть. Грязные дети прыгают в пыли, резвятся в грязных лужах, словно воробы.

Среди бедных лачуг будто бегемоты, засевшие в луже, выделялось несколько красивых двух- и трехэтажных домов. Они немного порадовали мой взгляд, напомнив Тегеран. В одном из таких домов и жил хаким, или управитель, города Бама. Довольно странным показалось, что он не вышел встретить меня прямо к воротам города, проявив явное неуважение. Я проехал узкими улицами в сторону базара, повстречав по пути мастерские, цеха, торговые лавки, склады и чайханы. Лишь увидев своими глазами, как обстоят дела, можно понять, насколько безнадежна эта дыра и обстановка, с которой мне придется иметь дело.

Заглянув в небольшую закусочную, я спросил, не найдется ли чего поесть. Одному Аллаху известно, что это было за угощение — кусок мяса красноватого цвета и черная-черная лепешка. Я уже вовсю жалел о том, что покинул родной город. На секунду промелькнула мысль — что если вся эта затея с миссией в Баме не что иное, как западня, а то и ссылка? Может, великий визирь таким способом решил избавиться от меня? Это старый трюк — поставить перед верным слугой

невыполнимую задачу, а потом свалить на него все неудачи и провалы. Я был так зол и обеспокоен, что даже не прикоснулся к еде — тем более что и выглядела она не особенно аппетитно.

Выйдя из чайханы, я подошел к коню, чтобы отвязать его. Тут ко мне подбежал мальчик в странном головном уборе, на котором висел колокольчик. Он произнес с угодливой улыбкой:

— Мой хозяин просит подождать его, сардар.

— А кто твой хозяин? — поинтересовался я.

— Не могу сказать, просто подожди его.

Я сдержанно улыбнулся мальчишке в ответ, обратив внимание на его необычный взгляд — слишком дерзкий и глубокий для мелкого слуги. На душе скребли кошки. В голове вертелись мысли, я изо всех сил пытался воскресить в памяти все детали прибытия в город — кого и где видел, с кем говорил, кого встретил по дороге на базар... Почему меня никто не встретил? Что это за мальчик? Где могла быть ловушка? Голова работала все быстрее, а рука крепко сжимала клинок под плащом.

Но вот в конце улицы показался всадник, толстый мужчина лет пятидесяти, богато, даже пышно одетый. Рядом с его конем бежали двое слуг. Подъехав, он тяжело спешился и так горячо меня приветствовал, что я устыдился своих подозрений. Агаи Ваис, так он представился, сразу пригласил меня к себе в дом. Это был тот самый дом, что я приметил, один из немногих приличных в городе, где, ко всему прочему, еще имелся и маленький бассейн.

Меня провели в просторную, светлую комнату, увешанную и застеленную дорогими коврами. Трапеза по обычаю была устроена на полу, прислуга подносила лег-

кие закуски. Я насчитал более десяти. Среди них была и баклажановая мосамма — закуска царей, как мы ее называли, хореш¹ с айвой, ревенем и сельдереем, холодный айран с крошечными листочками мяты, множество зелени и свежих овощей. Рядом с ними лежал вкуснейший овечий сыр с высокогорных лугов близ Тебриза.

Пока я с огромным наслаждением поглощал блюда, мы говорили о торговле и неизвестных народах по ту сторону Амударьи.

Агаи Ваис называл все народы по другую сторону реки не иначе как дикарями.

— Они не знают Аллаха и никаких ценностей у них нет, — говорил он. — Все, что эти люди могут, — выращивать рис и поклоняться деревянным куклам.

Слушать его было интересно, но меня отвлекали и одновременно манили запахи, доносящиеся из сада. Там в глубокой яме обжаривали баранину. По аромату я угадал, что это было мое любимое блюдо, называемое льявнги: распоротый желудок молодого барашка наполняют измельченными грецкими орехами, репчатым луком, густым соусом из дикой алычи, кишмишем, сухофруктами и, разумеется, шафраном. Все это зашивают и жарят в тандыре². Превосходная начинка смешивается с натуральным мясным соком барашка, что придает блюду тот неповторимый вкус, который гурман хочет получить, подсаливая еду.

Итак, наконец я сидел на добротном толстом ковре с удобно разложенными подушками и курупча — стегаными матрасами, а на красивую скатерть-дастархан

¹ Горячие закуски (*фарси*).

² Глиняная жаровня для выпечки хлеба и приготовления пищи.

передо мной вышколенные невольники хакима подавали блюдо, вид и аромат которого не поддавались никакому описанию. Но я все же попробую... Итак, сначала в большую общую тарелку положили ребрышки барашка. Мясо было таким нежным, что лишь прикоснись — само соскальзывало с костей и тотчас прилипало к пальцам. Рядом выложили маринованную и взбитую кислую сливу. Она была консистенции густого йогурта, красивого темного цвета, этим соусом нужно была смазывать каждый кусок мяса, отправляющийся в желудок. Взбитая слива добавляла нежному мясу пикантный привкус, которого было не много и не мало, а точно в меру. Наряду с кислинкой приправа еще и слегка холодила рот. О, это, без сомнения, была еда шахиншахов и их приближенных, этот вкус нельзя было спутать с чем-то еще... Раз попробовав, ты желал его снова и снова, но он был доступен только здесь и сейчас.

Все это великолепие мы красиво запивали молодым вином из Шираза, и чем быстрее убывал барашек, тем веселее и расслабленнее мы становились. Съев еще два ароматных куска, я почувствовал приятное успокоение. Мое тело было захвачено ощущениями покоя и удовольствия, а в желудке царило абсолютное умиротворение. Я давно заметил что если еда вкусная и хорошо приготовлена, то сколько ни ешь, не почувствуешь никакого отягощения. Именно это, хвала Аллаху, я сейчас и испытывал.

Завершив трапезу, мы решили выйти во двор подышать свежим воздухом. На улице заметно похолодало. Нам предложили накрыться одеялами. Ночи здесь были холодными, а дни достаточно жаркими,

подметил я на будущее и для пользы дела. А еще почувствовал, что у меня приятно кружится голова.

— Сардар, теперь, когда вы немного перекусили с дороги... Я готов поклясться, что вам еще никогда не приходилось пробовать такой опиум, какой есть у нас. Несомненно, это самый лучший дурман во всей Империи, — сказал мне Агаи Ваис.

— Не люблю опиум, он слишком тяжел для меня, — лениво ответил я.

— Поверьте, это нечто совсем иное, нежели то, с чем вы имели дело раньше... — заявил хозяин дома, описывая пальцами круги вокруг головы.

Кажется, до меня не совсем ясно дошло, что он хотел сказать. Но, когда мы вернулись обратно, я увидел заново застеленный дастархан, на котором нас ждали пряности и фрукты. Комната была освещена более скудно, чем прежде. Как только мы присели, послышались точные постукивания думбека¹, звук шел из темного угла. Вошел прислужник с подносом, на котором было пять тяжелых трубок. Все было готово к употреблению.

Частота ударов думбека увеличивалась; что-то назревало. Вот из темноты появился юноша — тот самый, с колокольчиком, что встречал меня около базара. В темноте я только и заметил, что он был почти полностью обнажен, разве что талию обвивала легкая шаль, на концах которой позвякивали монетки. Тело юноши блестело в темноте, вымазанное маслом. По запаху я узнал масло макадамии — этот ореховидный плод встречался в Странах Темных морей и служил средством возбуждения.

¹ Ударный инструмент.

Итак, юный слуга был мальчиком для утех. Как же я не догадался сразу, когда увидел его в первый раз? В ранние годы службы я, бывало, доставлял подобных юношей для важных гостей Шахиншаха. Но они всегда были полностью, с головы до ног, закрыты. Видеть их лица и тела я не мог. В моем воображении это всегда были грустные дети, которые никогда не смеялись, ведь их по обычаю кастрировали совсем юными и до лет ранней молодости подвергали всяческим истязаниям. Войдя в лета, такой юноша становился частью семьи и хозяин ставил его надзирать за гаремом; но только в том случае, если он себя хорошо показывал: был любезен, покорен, в меру игрив. И дальше до конца жизни он проводил время в спертom воздухе хозяйского гарема.

Но нет, наш танцор был явно из другого теста. Чувствовалось, что он не просто смирился со своей судьбой, но по-своему наслаждается вниманием зрелых мужчин и своей над ними властью. Он вышел к середине комнаты, поклонился. Его глаза сияли, в них горел яростный азарт и странная радость. Даже в темноте ночи я заметил, как он смотрел на меня, игриво поводил глазами, и улыбка не сходила с его лица.

Прислонившись к стене, я начал медленно затягиваться трубкой. Нужно было все делать медленно, мелкими затяжками: ведь я давно не курил, и очень большие порции могли вызвать тошноту. Дурман быстро делал свое дело. Я почувствовал струйку холодного воздуха, которая медленно потекла через рот в желудок, вызывая в горле легкое пощипывание. Последующие затяжки начали меня потихоньку заво-

дить, чувствовалось, как голова отрывается от тела, мысли начали блуждать, пришло безмерное, едва ли не бесконечное чувство расслабленности. Вскоре я совсем поплыл, тело будто бы было внизу, а я смотрел на него сверху. Никоткуда появились огромные персидские кошки светло-серого цвета. Мурлыкая, они проводили своими пышными хвостами по открытым частям моего тела, каждое их прикосновение вызывало небольшую щекотку.

Удары думбека, учатившись, вернули меня обратно. Сцена снова требовала нашего внимания. Я сделал еще несколько затяжек. В это время мои спутники скрестили ноги и уставились на танцора. Мальчик повернулся к нам спиной и, направив руки вверх, начал извиваться, словно ствол камфорового дерева¹. Правда, чем дальше, тем больше его танец напоминал не колебания ствола, но извивы древесного питона, который движется, будто бы лаская, лишь для того, чтобы задушить резким движением в конце.

Тут мальчик повернулся и резко уставился на меня; я снова поразился глубине и силе его взгляда — в темноте его глаза казались двумя яркими кругами, которые преследовали меня. Я пытался смотреть в сторону, но его очи все равно появлялись предо мной. Они ползли по ковру, мелькали в узорах посуды и в переплетах оконных решеток. Они то напоминали рисунок на хвосте павлина, то становились глазами тех больших кошек, которые появились словно ниоткуда. Кошки шли на меня, громко урча, и двигали

¹ Эфирное масло камфорного лавра издавна использовалось как возбуждающее средство.

пушистыми хвостами прямо перед моим носом, отчего хотелось то ли смяться, то ли чихать. Когда сознание на мгновение прояснилось, я понял, что юный танцор будто вынырнул передо мной и действительно водит маленьким нежным пером прямо под моим носом. Затем он отошел чуть дальше и стал, танцуя, гладить себя от живота до сосков. В комнате слышались тихие стоны. Теперь мне стало понятно, почему все гости с самого начала сели, скрестив ноги. Я тоже почувствовал возбуждение и скорее переменял позу.

Еще с тех малых лет, когда мы строчили суры Корана, не понимая его смысла, нас учили бояться. Все, что вызывало у нас беспокойство или волнение, — все это было происками шейтанов. Из-за того, что никто не видел шейтана воочию, он мог явиться к нам в любой форме — человека, верблюда, красивого цветка или Агаи Ваиса. Чем больше дурман кружил мне голову, чем ярче разгоралось желание, тем сильнее было подспудное беспокойство. Ведь шейтан был очень коварен, он мог запросто проникнуть в душу и овладеть тобою через мысль или страсть.

Дурман все больше забирал меня, и я уже смотрел на мальчика совсем по-другому, чем вначале: со страстью и тяжестью предвещаемого греха. Кажется, он тоже это чувствовал. Вскоре он оказался рядом со мной, сел рядом и положил голову на мои скрещенные ноги. Руками он трогал мои колени. И непрерывно что-то говорил — казалось, говорил на арабском. Этот проклятый арабский. Откуда он здесь? Будто устами мальчика заговорил наш проклятый мулла из медресе. Мулла, который ходил с длинной палочкой и говорил, что мы должны любить арабов по трем причинам: по-

тому что Коран был послан нам на этом языке, пророк Мухаммед сам был арабом, и даже в раю мы будем говорить на арабском. Душа противилась чужому, но мы боялись выступить открыто. То же самое было и сейчас: душа противилась искушению мальчиком, но могучая сила вела его в мои объятия.

И вот комната пуста. Погас звук думбека, пропали гости. Только полностью раздетый мальчик ласкает мои ноги, медленно поднимаясь, в ожидании когда я совсем потеряю голову. Вот танцор схватил меня за голову, смотрит дерзкими глазами в упор, хочет целовать. Я почувствовал его свежее, даже холодное дыхание. Будто не из этого мира. Все в нем было не из нашего мира — глаза, тело, движения, руки, запах... В этот миг пришло прозрение — человек не мог иметь такое холодное дыхание, такое гибкое тело, такие горящие глубокие глаза!

Это шейтан, и он пришел загубить мою душу, — так сказал я себе. И тут что-то во мне переломилось. Я отшвырнул мальчика, он ударился о стену и жутко застонал. Его крик боли был не похож на женский или на мужской, такого тона я не встречал ни у людей, ни даже в животном мире.

— Позови Ваиса! — в ярости крикнул я.

Аллах всемогущий! Как можно было такое допустить: один в комнате, опьяненный непонятным дурманом, да еще без кинжала. Хорошо, что мой яд сулеймания¹ зашит в рукаве. Он один должен был спасти меня в случае провала. А что, если это ловушка и Агаи Ваис вообще не тот, за кого себя выдает?

¹ Считался самым дорогим и безболезненным ядом на Востоке.

Первый день в городе — и уже неудача. Да еще этот мальчишка в моей постели! Я не относился к презренным аль-файльям¹, и в роду у нас таких не было.

— Ты, наверно, считаешь меня аль-файлем, не так ли, Ваис? — закричал я на хозяина дома, который продирает удивленные глаза.

Ваис смиренно опустил голову, не смея взглянуть на меня. Его помощники хотели зайти в комнату, но я их прогнал.

— Что за дурь ты подсунул мне? Где мои вещи? Где мой кинжал, где мой конь и моя одежда, презренный гяур?

— Сардар, у меня были только благие намерения. Это девственный опиум. Ты знаешь, он ведь только для самых дорогих гостей.

— Я буду твоим дорогим гостем, когда разрушу твой дом, все отниму у тебя, а твоих жен продам на рынке для черни! Каждый мелкий торгаш сможет вдоволь поразвлечься с твоими женами, Ваис.

Я ходил по комнате быстрыми шагами и кричал, вне себя от ярости. Я был страшен.

— Аллах проклянет меня, если я изменю Шахиншаху и его верным сардарам. Поверь, я просто хотел предоставить тебе все самое лучшее. Твои вещи прямо у дверей, вот же они, ты сам их сбросил, господин... Они в порядке, а конь вычищен, накормлен и отдыхает в конюшне.

Меня качало. Действие опиума еще не закончилось. Я еще раз посмотрел на Ваиса взглядом тяжелым, как у степного верблюда. Он продолжал стоять

¹ Так называли любителей мальчиков на Древнем Востоке.

с опущенной головой. Я сказал ему выйти. Он слегка поклонился, затем за дверью послышался тихий шорох удаляющихся шагов, и вскоре все стихло. Я присел у стены и только теперь начал понимать, что за дурман мне подсунули. Этот девственный опиум подавали избранным членам шахской семьи и самому близкому окружению Шахиншаха. Видимо, Ваис хотел произвести на меня неизгладимое впечатление, а я, глупец, едва не потерял контроль над своими чувствами. Провал был близок, но Аллах сжалился надо мной. Если бы это были другие люди, цель которых — заманить меня в ловушку, то я по своей беспечности подвергся бы длительным пыткам в надежде узнать, с какой миссией приехал в этот заброшенный уголок Империи тайный слуга Шахиншаха, а затем этого бедного слугу отыскиали бы где-то с переломанными руками, выколотыми глазами и перерезанным горлом. Или не отыскиали бы вовсе.

Заперев дверь, я плотно закутался. Тело трясло мелкой дрожью, дыхание была прерывистым. Дело было вовсе не в том что я потерял самообладание или испугался, совсем нет, — просто, как я уже говорил, ночи в Баме холодные. Но постепенно я начал успокаиваться, дыхание стало ровным...

Перед тем как мне уснуть, девственный опиум заявил о себе еще раз. На пороге дремы я почувствовал, как страстно желаю Мунизу, мою наложницу из кыпчакских степей. Ее упругое и соленое тело предстало предо мною в мечтах, я вспомнил, как она угадывала мои тайные желания, какие завлекательные позы умела принимать, о Муниза, как я люблю твою грушевидную, упругую грудь!..

Глава 4

*Разукрасил свой стяг небосвод бирюзовый, но тут
С ним решил состязаться прекрасный земли изум-
руд.*

Девственный опиум — вещь умопомрачительная. Попробуйте себе вообразить нечто для вас желанное — красивейшую одежду, великолепный индийский юшман¹, звонкую саблю из Герата с самоцветами на рукояти, тонкую миниатюру, нарисованную на самаркандской бумаге. Так вот, поверьте — все это полная ерунда по сравнению с девственным опиумом.

Обычно в курительный опиум добавляют измельченные до состояния порошка сухофрукты, травы и листья, чтобы при употреблении ощущался их привкус. Это может быть цедра апельсина, сушеный персик или что-то другое. Но несколько столетий назад эмир города Мерва взялся изобрести для себя самый сумасшедший опиум. Такой же сумасшедший, как и он сам.

Эмир приказал привезти ему девственниц из разных концов света, — белых, черных, смуглых; азиаток, африканок и индианок, — заплатив за всех хорошую цену. Далее он распорядился отвести девушек на свои

¹ Кольчато-пластинчатый доспех, распространенный в странах Востока и на Руси.

огромные маковые поля в то время, когда коробочки уже начинали созревать. Сделав на недозрелом плоде легкий надрез, собиратели опиума давали нектару мака выйти наружу, а затем заставляли раздетых до гола девушек бегать по полям под палящими лучами солнца. Надзиратель следил за тем, чтобы бегали они долго и без усталости, да так, чтобы пот с них лился рекой. Если какая-либо из девушек падала от изнеможения, ее тут же поднимали и опять гнали по маковому полю. Бывало, что даже тащили за волосы, били и злили. И все ради того, чтобы пот не остывал.

Маковый сок, который прилипал к телу девственниц, смешивался с их потом. Потом это грязное месиво соскребали с уставших до полусмерти девушек и сушили. Так получали девственный опиум. При первом же глотке дурмана человек испытывал всплеск возбуждения и был готов предаться горячей и пылкой любви с кем угодно прямо здесь и сейчас.

Я подумал, что место девственному опиуму именно в Тегеране. Где-нибудь в его тайных забегах что тонут в клубах дыма от многочисленных курильниц, в час расслабленных посиделок знати и духовенства, артистов и художников в компании смуглых, кудрявых, игривых танцовщиц с их тонкими талиями и пышными бедрами — вот там он пришелся бы ко двору. Ох, будь я сейчас там, как бы я развлекся с красавицами-рабынями!

Но я находился здесь, в Баме, и прямо в эту минуту стоял на одной из тридцати восьми дозорных башен городской крепости, построенных из смеси глины и пальмовых листьев мастерами-умельцами. Солнце обжигало мне лицо. Голая, безжизненная пустыня

простиралась до самого горизонта. Только большие и маленькие дороги, как змеи, окружали крепость со всех сторон.

Вот тебе и южные ворота Империи... — думал я. Непросто будет удивить этим городом весь мир.

Агаи Ваис ходил за мною по пятам все утро, а за ним плелся еще и ученый слуга-таджик, который в ответ на любой мой вопрос сообщал кучу ненужных сведений: кто и когда построил крепость, зачем одна башня выше другой и насколько, как долго можно выстоять в окружении и почему в городе так много живности, особенно кошек. Оказывается, двести лет назад, во время нашествия воинов Чингисхана, только благодаря кошкам горожане смогли сдержать осаду в последние месяцы. Такое времяпрепровождение смертельно надоело мне уже к полудню второго дня, но и дальше веселья не прибавилось.

Часы и дни в Баме тянулись медленно. Обильные трапезы в доме Агаи Ваиса были похожи одна на другую, а девственного опиума он мне больше не предлагал. С утра я знакомился с депешами в местной дафтер-хане: великий визирь расспрашивал о моих соображениях в отношении города. Я сочинял ему в ответ письма, исполненные почтения, в которых расплывчато убеждал в наличии у меня уймы прекрасных планов, которые нуждаются лишь в небольшой доработке. Иначе говоря — изображал все намного радужнее, чем было на самом деле.

А между тем мое настроение становилось все мрачнее. Похоже, Аллах испытывал меня. Ведь здесь не было даже чинаров, которыми в Тегеране я мог любоваться часами. Во дворе моей усадьбы рос красивый

высокий чинар, и я любил прислушиваться к шелесту его листвы. Когда-то давно его посадил мой отец, человек, которого я, увы, совсем не помнил. Он слишком рано ушел от нас, и лишь немногие друзья хранили добрую память о нем.

Чинар, посаженный отцом, был очень добрым. Когда в ущелье Дербента дул сильный ветер, листья дерева в один голос шумели... нет, скорее шептали, — все те умные, ласковые слова, которые не успел сказать мне отец. Казалось, что именно так он говорил бы со мной, если бы мог.

— Сардар, для тебя есть сюрприз, — вернул меня с небес на землю неожиданно подошедший в чаханнам¹ Агаи Ваис. Его толстое лицо лучилось удовольствием. — Хочу предложить тебе особенный ужин. Представь, местные контрабандисты доставили мне черный рис. Только представь! Черный, как помет наших рыб.

— Знаю про такой рис, — я зевнул, — он растет только в горах Тибета, я видывал его в шахском дворце.

— А пробовал?

— Нет, врать не стану. Его подавали только к столу Шахиншаха. Но я пробовал красный рис из долины кафиров².

— О, ты не представляешь! Сегодня постараюсь тебя удивить — я наказал приготовить хан-плов!

— Да, Агаи Ваис, у тебя действительно иногда получается удивить гостей, — с улыбкой ответил я.

¹ Ад на турецком.

² Неверующий, иноверец (арабск.).

Не каждый кулинар мог приготовить хан-плов, да и блюдо это предназначалось лишь для высоких особ. Чернь ничего не должна была знать о подобных яствах. Редкий черный рис, отменное мясо, молодой каштан и кишмиш заворачивают в специально приготовленное тесто и запекают в печи. Да, на этот раз повар Агаи Вайса заслужил похвалу: черный рис с легким привкусом ореха получился просто восхитительным. Возможно, после трапезы не помешала бы и трубочка дурмана, но и без того спалось этим вечером чудесно. А наутро пришло важное донесение.

В депеше мне предписывалось срочно собираться в дорогу. Следовало направиться еще дальше на юг, к нашему главному порту в Бендер-Аббасе, а оттуда — к Странам Темных морей¹. В письме отмечалось, что остальное я узнаю по прибытии на место — конверт, запечатанный шахской канцелярией, пришел вместе с первым распоряжением. Похоже, дело идет к войне, — невольно подумал я, — иначе как объяснить, что меня отрывают от важного задания, которое, еще немного, и было бы выполнено мною с обычным блеском?..

Под утро, проскакав без остановки несколько фарсангов², я все-таки не утерпел и распечатал второй конверт. В нем было письмо на турецком, написанное на редкость красивым почерком. Из него я узнал, что должен немедленно покинуть порт и следовать на корабле венецианских кафиров до их конечного пункта назначения, а по пути раздобыть как можно больше

¹ Так обозначали страны Юго-Восточной Азии.

² Путевая миля в Персии.

сведений о змеях. Интересовало буквально все: виды, размеры, повадки, а также использование у разных народов — употребляют ли этих тварей в пищу, как собирают, хранят и применяют змеиный яд, — то есть все, что я только смогу выяснить. Немного поразмыслив, я начал понимать, для чего это было нужно.

Еще до поездки в Бам мне было известно, что любимой женой Тахмасиба была дагестанская кумычка Мавзали Султан. Их первенец Мухаммед с трех лет страдал ночными кошмарами. Ребенок очень плохо спал. Лекари постоянно дежурили у его постели и наблюдали за странностями в поведении. Случалось, прямо посреди ночи, не открывая глаз, мальчик вставал с кровати и, заливаясь слезами, быстро полз на четвереньках к стене. Достигнув цели, Мухаммед в панике начинал стучать маленькими кулачками по красиво расписанным камням и успокаивался далеко не сразу. А спустя час или два все повторялось снова.

Лекари успокаивали Шахиншаха, предписывали мальчику пить настои из трав, принимать различные порошки и снадобья. Муллы ночами читали суры Корана, пытаясь изгнать злых духов, а повара готовили изысканные сладости и любимые блюда Мухаммеда-мирзы. Охотники приносили для потехи красивых животных. Время шло, однако ребенку ничего не помогало. Однажды наблюдательный мушавир¹ заметил, что болезненнее всего ребенок реагирует на змей. Когда при нем огромный удав заглатывал белого пушистого зайца или бился с ежом, ребенок

¹ Придворный, советник.

хвотался руками за няню. Змеи — вот источник его кошмаров, решили лекари.

Именно тогда и решили попробовать вылечить наследника любовью. Давным-давно, когда первые арабские завоеватели появились на просторах Персии, они принесли с собой тайны удивительных методов лечения. Оказывается, от многих болезней можно избавиться, попарившись в дымящихся банях с примешиванием различных пряностей, дурманящих растений и лекарственных трав, которые в несметных количествах растут на высокогорьях. Эти же лекари утверждали, что можно лечить и с помощью любви.

У великого Низами в поэме «Лейла и Меджнун» есть сцена, где Меджнун спокойно живет меж львов и тигров в открытой пустыне. Смысл истории прост — даже дикие звери чувствовали его влюбленность, настолько она была сильна, и не причиняли никакого вреда. Более того — они всячески оберегали его от врагов.

И теперь советники и лекари Шахиншаха решили отыскать что-нибудь, связанное со змеями. Все, что может понравиться наследнику. Вдруг это окажется действенным способом излечения?..

Глава 5

*Путь в неведомый край ты всегда, человек, ненавидел,
Потому что глазами его не своими ты видел.*

В порту меня уже поджидал степенный пожилой даруга¹, глава местной тайной полиции.

— За многолетнюю службу у меня было немало странных поручений, — покачал головой он, — но такое удивительное, пожалуй, впервые.

Седые волосы еще не признак большого ума, — подумал я. Этот даруга явно был одним из тех людей, о которых великий визирь отзывался как о работающих ногами, а не головой. Из тех, кто не понимает, что там, наверху, не существует больших или малых вопросов. Важны все без исключения. Я представил, что бы мог сказать великий Казвини по этому поводу, находишь он рядом со мной... О, он бы все разложил как по-писаному. Его словами могли бы быть:

«Многое сейчас на кону. Если Шахиншах в ближайшее время не отыщет лекарства для своего наследника, то Дом Сефевидов попадет под мощное давление. В центре интриг окажется, того не ведая, сам ребенок. Недруги, злорадствуя, обвинят Повелителя в слабости его наследника. Начнутся домыслы — якобы причина-

¹ Полицейский чин в империи Сефевидов.

ми странной болезни являются плохая кровь Мухаммеда, что это кара Аллаха за грехи и проступки отцов и дедов. Медленно, но верно начнет трясти сначала династию кызылбашей, а затем и всю державу...»

На Востоке во все времена хорошо понимали, что проблеме нельзя давать зреть. Все, что может считаться потенциально опасным, необходимо уничтожать в зародыше. Потому и существовала ужасная практика убийства детей и жен враждующих династий или даже неудобных представителей династии правящей. Как только одна семья сменяла на троне другую, предавали смерти всех родственников прежней — вплоть до младенцев. Как, например, произошло с Лал Би, любимой женой Умар-шейха, второго сына Тимура. Об уме и красоте этой женщины слагали легенды, но все изменилось, когда ее муж погиб на поле брани. В одно мгновение она превратилась в умную и красивую соперницу первой жены и ее взрослых наследников. И все почему? Лал Би при известном повороте могла стать причиной больших бед для тимуридов. И когда эта благородная красавица попыталась вместе с сыном сбежать из дворца, ее настигли, изнасиловали, а после убили. Не лучшей участи удостоился и ее сын — он был безжалостно заколот¹. Вспоминая эту историю, я каждый раз так расстраивался, что мне хотелось плюнуть на все, убежать в самый дальний уголок земли и не показываться на людях до конца своих дней.

¹ Вероятно, герой имеет в виду Лал Би Тукмак, дочь Ширваншаха Ибрагима I и одну из младших жен Умар-шейха. Впрочем, о печальной участи Лал Би после смерти Умара нам ничего не известно.

Пока же я продолжал слушать скучную речь главы местного истикбарата¹.

— А зачем проделывать путь в сотню дней, когда и в пределах державы водится достаточное количество змей, — недовольно проговорил он. — Вот, например, прибрежные воды Бакинского моря² просто кишат змеями! Видывал я, как они поднимаются над водой и стремительно плывут к незваному гостю, нагоняя на него страх!

Да, змеи Мазандарана очень опасны. Помню, как однажды мы с Мунизой уединились на берегу Анзали³, подальше от любопытных глаз. Обнаженная, она плескалась в теплой воде. Солнце ласкало ее мягкими лучами, а небольшие волны бились о крепкие бедра, струи соленой воды змейками стекали меж грудей и ног. Через пару минут она легла на живот, показав всю грациозность юного тела. Подперев рукой подбородок, призывно смотрела на меня и всякий раз, когда волны бились о ее бедра, заразительно смеялась. Пристальный взгляд словно говорил мне: хочу любви, дикой и необузданной. Нужно было быть мертвецом или евнухом, чтобы смотреть на все это безучастно.

Я не стал тогда долго мучить ожиданием свою любимую наложницу и уже через мгновение обнимал ее. Ноги Мунизы крепко сжались вокруг моего торса, когда вдруг она вскрикнула.

— Ай! Кажется, меня что-то ущипнуло.

¹ Одно из названий разведки в тюркских языках.

² Древнее название Каспийского моря.

³ Лагуна Анзали, или Энзели, на южном побережье Каспийского моря, сейчас — курорт.

В следующую секунду я увидел проклятую змею, стремительно взметнувшуюся над морской гладью, а затем исчезнувшую в волнах. Я отважно пренебрег опасностью, решив рассмотреть эту тварь повнимательней. Резко вынырнув, неизвестная рептилия с поднятой над поверхностью воды узкой головой стрелою направилась ко мне. Извиваясь всем телом, она плыла так стремительно, что я со страху отпрянул назад. К счастью, змея не пустила в ход свое грозное оружие, а лишь напугала мою спутницу. Тогда мы отошли к давно облюбованной нами прибрежной лачуге и вскоре забыли об этой твари. Рокот волн заглушал все звуки, поэтому никто не мог помешать Мунизе выразить свою ко мне страсть громкими протяжными стонами...

Как бы то ни было, приказы главного визиря не подлежали обсуждению, поэтому сейчас мой путь лежал не к ласковому Бакинскому морю, но в моря далекие и чужие. Аллах не послал нам больших кораблей, поэтому мы отправились из порта Бендер-Аббас на неказистом торговом судне. Лучшие места на нем уже занимали пассажиры из франкских кафиров — венецианские купцы да пара монахов из Генуи, что путешествовали от одной неизведанной земли к другой с непонятными целями. Со мною были еще четверо воинов из людей местного беглярбека¹. Я не доверял нашим спутникам, поэтому распорядился, чтобы мои мюриды дежурили по двое. Мулла, напутствуя нас перед плаванием, разрешил не молиться в пути и отпустить бороды, как во время священной войны с неверными.

¹ Наместник провинции.

Пока корабль отчаливал, я исподволь наблюдал за нашими попутчиками. Венецианцы даже в жарком климате побережья Персидского залива носили длинные шубы из темного меха. Монахи же выглядели намного скромнее, при этом их внешний вид заставлял задуматься, кем же они являются на самом деле. Для миссионеров они казались слишком высокими и сильными. Кроме ряс, крестов и четок ничто больше не говорило об их статусе. И всех этих людей объединяла в наших глазах одна неприятная деталь: и сами они, и их корабль жутко воняли. Впрочем, эти кафиры находились в пути уже несколько месяцев и наверняка мечтали о том дне, когда им удастся наконец-то принять теплую ванну. После отплытия из Венеции они уже успели познакомиться с сомнительными удовольствиями Кипра, спуститься в страну черных рабов, а уже оттуда, проследовав вдоль берегов ненавистных нам арабских земель, достигли благословенной Персии.

Мне и раньше доводилось встречать венецианцев и генуэзцев при дворе Шахиншаха. Каждый раз перед началом больших и кровопролитных войн с османами или тимуридами в глазах начинало рябить от их неопрятных лиц. Они бесконечно льстили Шаху и царедворцам, привозили богатые подарки: оружие, белокурых рабынь. Говорили, что в последние время во дворце видели и англичан, которые добирались до нас через земли русов. Чужеземцы были хитры, развратны и сребролюбивы, мы старались им не доверять.

С тех пор как эти проклятые кафиры увеличили объемы морской торговли, Шелковый путь, проходящий через наши города, понемногу стал терять былое величие. Нищали целые города; еще немно-

го — и начнут вымирать целые народы! Где сейчас великие Мерв и Ургенч?¹ Что стало со славой Бухары и Самарканда? А все почему? Да потому, что эти проклятые стали перевозить весь товар по морю, при этом обманывая нас и стравливая друг с другом!

Что можно было видеть здесь до того, пока венецианские купцы не появились при дворе прадеда Шахиншаха, главного врага османов Узун Гасана? Бескрайние земли, горные и степные местности, которые назывались Тураном, — огромный мир суннитов, простиравшийся от берегов Дуная до Памира, называемого Крышей мира. И что мы наблюдаем сейчас? Раздираемые войнами и междоусобицами две большие империи — Персия кызылбашей и Османский султанат.

За те столетия, пока мы воевали, теряя лучших полководцев, ученых, мастеров, мыслителей, эти безбожники добрались аж до самого Китая. Им оставалось совсем немного — выкрасть секрет производства шелка, и тогда нашему миру конец.

Мрачные мысли, что одолевали меня при виде франков, вдобавок гармонировали с унылым пейзажем за бортом. Так что я делался все более печальным и беспокойным. А еще — чем дальше мы продвигались на восток, тем более чуждые виды и странные нравы наблюдали во время наших вынужденных остановок. Тела людей были черного цвета, как у наших проводников в пустыне. Все порты, в которые мы заходили, кишели людьми в белых одеждах почти без различия

¹ Мерв и Ургенч сильно пострадали в ходе завоевательных войн монголов, но добила их природа — старый Ургенч будет покинут в конце XVI века, после того как изменилось русло Амударьи, Мерв — двумя столетиями позже.

пола. Франкских купцов всюду хорошо знали и встречали приветливо.

С начала октября погода начала резко меняться. Море все чаще штормило, начались дожди. Портов на нашем пути становилось все меньше. По берегам виднелись только густые леса да небольшие песчаные участки суши. Спустя несколько дней дожди усилились, почти не прекращаясь, и берега заволокло сплошным туманом.

Правда, находясь в открытом море, мне посчастливилось стать очевидцем одного необычного явления, которое заворжило меня с первой минуты. Когда я видел чарующую игру облаков над морем, мне казалось что ради одного этого зрелища можно перенести любые невзгоды. Во время хорошей солнечной погоды облака принимали самые причудливые формы: они то становились похожими на кавалерию Шахиншаха, состоящую из тысячи всадников, то вдруг начинали напоминать сеятеля, разбрасывающего зерна по бескрайнему голубому полю. Таких затейливых фигур я никогда не наблюдал на суше. А ночами посреди большого скопления облаков появлялись глубокие черные дыры — словно открывалась пасть в преисподнюю. С каждым днем мне становилось все интереснее, чем же сегодня меня удивят облака.

Как-то ранним утром я вышел на палубу. Снизу доносился жуткий запах протухших припасов. Было довольно прохладно, а весь горизонт застилал коричневый туман, напоминающий слабый кофе. На палубе столпились люди. Мне это показалось подозрительным. Я спустился вниз, чтобы предупредить своих спутников, что нужно быть наготове. Мюриды

прислушались к моему совету и начали вооружаться. Но не успели мы опомниться, как корабль налетел на что-то твердое. Всех здорово качнуло в сторону.

— Пора подниматься наверх, — тихо произнес я.

На палубе тем временем все пришло в движение. Порта нигде не было видно, и мы причалили к берегу с несколькими десятками небольших, разбросанных тут и там лачуг. Вода была мутная и грязная, повсюду плавали обломки и ветки деревьев с широкими зелеными листьями, а также множество плодов, по форме напоминающих дыню и покрытых твердой чешуей. Таких плодов я раньше никогда не видел.

Ступив на землю, мы почувствовали, что ноги нас почти не держат. Сказались три месяца, проведенные в море с редкими остановками. Мы двигались по песку вразвалочку, покачиваясь из стороны в сторону. Лица у нас были изможденные, но счастливые, ведь Аллах смилостивился над нами и даровал безопасный путь к заветной цели.

— Аллаху Акбар, Аллаху Акбар! — полупшепотом проговорил я.

Все эти длинные холодные дни и ночи одна мысль не давала мне покоя: а если меня убьют или я утону, где тогда омоют тело и завернут ли его в белый кафан¹? Думал я и о том, кто предаст меня земле, кто прочитает суру из Корана над моей могилой, попросив Аллаха простить все прошлые грехи. Меня совсем не устраивало такое окончание жизни — исчезнуть без следа, повторив историю отца.

¹ Полотнище белой ткани, в котором хоронили усопшего в мусульманском мире.

От размышлений меня отвлек голос одного из моих воинов:

— Сардар, эти гяуры направились в глубь леса, даже не дожидаясь, пока корабль разгрузят!

— Быть может, они хотят, чтобы мы последовали за ними и не смогли разглядеть, что за товары выносят на берег? — предположил я. — В таком случае надо вести себя тихо, чтобы ненароком не вызвать подозрений. Пожалуй, ты, Рашхдат, и ты, Джавад, оставайтесь здесь и проследите за грузом кафиров, а мы с Керманом и Рази отправимся посмотреть, что они задумали! И возьмите мой походный сундук с подарками, он может пригодиться при встречах с местной знатью.

Мы шли по лесной тропинке, спускаясь с холма на холм, уже часа два, когда перед нами будто вдруг открылась широкая долина. Посреди ее, окруженная сотнями аккуратных деревянных хижин, возвышалась черная каменная крепость. Было похоже, что ее строили надежно, на века.

Крепость огибал мутный поток реки. Обливаясь потом от жары и усталости, мы направились в долину, по дороге разглядывая неизвестные доселе деревья и странных животных. По деревьям без устали прыгали крикливые существа, чем-то напоминающие собак. Когда они приближались к нам, я и мои спутники приходили в ужас: их страшные клыки и наглые выходки могли испугать любого. Рази хотел прибить одного из них, но я не знал, будет от этого лучше или станет только хуже — этих тварей было очень много. Потому я запретил ему, решив терпеть причиняемые ими неудобства до конца.

Должен признаться, никогда еще я не видел таких темнокожих людей, странных домов, которые словно висели на упругих ветвях деревьев, и таких причудливых домашних животных. Тут и там слонялись голокожие чудовища с длинными тупыми рылами и множеством рогов, некоторые из которых росли из пасти, некоторые из носа, а другие как будто уже из лба; за ними семенили их детеныши с такими же уродливыми мордами, только без рогов, из чего я заключил, что рогами они обрастают постепенно, с возрастом.

Мы смотрели на все это широко раскрытыми глазами. Но еще сильнее удивились, когда заглянули на местный рынок. Нас тут же окружили маленькие, черные и грязные торговцы. Не давая нам прохода, они лепетали что-то на непонятном языке, тыкали пальцами в лицо, шею, грудь, дергая при этом за руки. Как будто каждый из них считал своим долгом до нас дотронуться. Медленно пробираясь сквозь толпу этих навязчивых лилипутов, мы старались двигаться вперед, не замечая их мельтешения и постоянно доносящихся окликов.

Наконец мы вышли к реке, за которой виднелся дворец. Он был сложен будто из огромных черных валунов. Необходимо было переправиться на другой берег, и Керман отобрал у какого-то грязного туземца лодку. Вода реки, так же как и прибрежные воды темного моря, была тепловатой и мутной. О Аллахах, почему нет ничего светлого и чистого в этих краях? Я чувствовал, что устал от бесконечного путешествия, и думал лишь о том, что, быть может, во дворце смогу найти здешнего беглябeka и за

приятным ужином наконец расспросить его об употреблении змей.

Лодка причалила, мы сошли на берег и направились ко дворцу, где нам тут же преградила дорогу стража.

— Я слуга Шахиншаха, властителя Ирака, Ширвана, Персии, Грузии и других земель... Нам нужно срочно попасть к вашему вождю, к самому главному из ваших вождей, — значительно сказал я, указывая рукой вверх. После чего повторил ту же фразу на фарси и на арабском. Но, увы, этот урод с толстой тростью в руках меня не понимал.

Тогда я приказал Керману открыть мой чудесный сундук, достал оттуда маленькую жемчужину и протянул старшему из охранников.

Подарок он принял, хотя, возможно, и не осознавал, что держит в руках. Вскоре подошли еще стражники, окинув нас недовольными взглядами. Пришлось поделиться и с ними. Это растопило сердца стражей, и они нас пропустили.

Перед нами предстала необыкновенная картина. Сам дворец состоял из нескольких помещений очень красивых форм. Атмосфера внутри усадьбы была уже совершенно другой, как бы наполненной светом и свежим, благоухающим воздухом; кажется, чувствовался даже легкий ветерок. Подобные строения я видел впервые в жизни. Насчитал их порядка двадцати, не меньше, и лишь в некоторых имелись двери. Остальные стояли на круглых, массивных колоннах со сверкающими, устремленными в небо куполами. Мне показалось, что все крыши покрыты золотом, как в гробнице отца Шахиншаха у нас в Тебризе.

Чем больше я разглядывал дворец с прилегающими к нему постройками, тем сильнее им очаровывался. Здесь многое казалось необычным.

«Как такое может быть? — задавал я сам себе вопрос. — Там, на улице, сырость, духота, грязь, а здесь чудесная погода и сияющая чистота. За воротами — нищета и разруха, а внутри все утопает в роскоши и чувствуется гармония».

Вскоре показались придворные. Они были легко одеты, носили накидки желтого цвета, аккуратно перекинутые через плечо.

Нам было предложено пройти в большую комнату для тщательного досмотра. Мы решили, что в скором времени хозяин дворца примет нас, но оказалось, что сейчас он занят более неотложными делами. Поэтому пришлось ожидать его приглашения в месте, специально отведенном для гостей.

В комнату внесли бочки, наполненные теплой водой, в которых плавали большие, испускающие чудесный аромат алые лепестки цветов. Затем появились красивые служанки и очень вежливыми жестами пригласили нас погрузиться в принесенные сосуды. Моя охрана посмотрела на меня, а я — на нее. Эти девицы никак не напоминали кровожадных убийц, желающих заманить нас в западню.

— Они всего лишь хотят нам послужить. Не станем им мешать, — сказал я.

Мы весело и дружно залезли в бочки, а девушки, рассмеявшись, под бодрящую песню на незнакомом языке начали тереть наши огрубевшие мужские спины. Это было божественно. Ароматная вода теплыми струйками стекала по нашим телам, а ее цвет будора-

жил воображение. Он напоминал дыню, разрезанную пополам, вот только с совершенно иным запахом. Руки каждой из служанок были обернуты большими зелеными листьями.

Они поглядывали друг на друга, хохотали, подмигивали, а мы достигали долгожданного расслабления, ощущая непреходящее блаженство. После долгих месяцев пути, при постоянной качке и без какой-либо возможности смыть с себя дорожную грязь, мы словно в раю очутились. Наш рай, изображенный в хадисах, был полон юных девственниц с чистейшей нежной кожей и большими миндалевидными глазами. Именно такими сейчас казались мне эти служанки. Вскоре воду в бочках сменили, и купание продолжилось.

Когда банные процедуры подошли к концу, нам принесли национальную одежду. Только полотно, и больше ничего. Мы долго смеялись, не зная, как облачиться в странный наряд: то перекидывали его через плечо, то пытались повязать вокруг талии, то соединяли первый способ со вторым, но ничего не выходило. Наконец одна из девушек знаками показала нам, как надо.

Как быстро, сменяя одну крайность другой, преобразается мир. Пока мы шли сюда, все виделось мрачным и неприятным. Люди же во дворце оказались совсем другими — богатыми, ухоженными и одетыми во все чистое. По оказанному вниманию и всеобщему хорошему расположению духа совсем нетрудно было догадаться, что с любовью здесь все в порядке. Стоило подумать об этом, и мне до одури захотелось новых, захватывающих ароматов, движений, страсти — всего того, по чему я успел соскучиться.

Глава 6

*Как змея, небосвод изовьется лазурным кольцом,
Чтобы землю пожрать пред своим неизбежным кон-
цом.*

Хозяин дворца и сопредельных земель смог принять нас только на следующий день. Это был изящный, достаточно молодой человек с небольшими усиками на смуглом лице. Его приближенные лежали на полу и, если им нужно было что-то сказать своему господину, подползали ближе, извиваясь как змеи. Слава Аллаху, нам при Шахиншахе хотя бы разрешалось стоять на собственных, данных Творцом, ногах. Все говорило о том, что встреча будет очень короткой и не совсем для нас удобной. Я тщетно пытался объяснить, из каких краев и зачем мы прибыли. Но никто не мог перевести местному правителю моих слов.

— Досточтимый! Мой Шахиншах, Покровитель обоих святых городов мусульманского мира, Медины и Мекки, глава Дома Сефевидов Тахмасиб выражает тебе свое глубокое почтение! — произнес я громко и членораздельно.

Такой тон был выбран неслучайно, так как в душе я надеялся, что хотя бы по форме или манере обращения хозяин дворца сможет уловить всю важность произнесенной мною речи. Однако он не выказывал

никаких эмоций, а лишь с любопытством скользил взглядом по чужеземцам. Иногда лишь поворачивался к своему помощнику, который мигом подползал к нему за распоряжениями.

Поняв, что словами здесь ничего не добиться, я велел принести сундук и начал медленно извлекать оттуда дары один за другим. Сначала я преподнес джайпурский набор посуды для завтрака цвета голубого неба, затем последовал серебряный кувшин в технике фирузе-куби, покрытый бирюзой из Нишапура — родины Омара Хайяма. Увидев сверкающий кард¹, сделанный из дамасской стали, рукояткой которого служил рог тура, хозяин оживился. Но самый главный бакшиш² я оставил, как говорится, на десерт. Это были доспехи «чахар-айне», известные как «четыре зеркала», которые надевали на Шахиншаха перед боем. Они состояли из прямоугольных металлических пластин с тонкой гравировкой, соединенных с помощью ремней и петель.

То, что я не смог выразить словами, красноречиво сказали за меня заморские дары. Ценные подношения были разложены перед хозяином дворца, он принялся внимательно их разглядывать. Расширенные от изумления глаза местного властителя перебегали от одного предмета к другому. Совершенно не обращая на нас внимания, он брал их в руки, прижимал к груди, поглаживал, а кувшин с бирюзовыми вставками даже чуть облизал языком. Слуги в изумлении наблюдали

¹ Иранский тип ножа, используемый также в качестве боевого оружия.

² Бакшиш — слово, происходящее из языка пехлеви (среднеперсидского), означает большой дар или подарок.

за своим господином. Отношение к нам сразу же переменялось. Нас тут же пригласили пройти в другую часть дворца, из окон которой открывался вид на дивный сад, наполненный птичьим пением. Вскоре явились придворные вместе с испуганным человечком, который немного говорил на фарси, — интересно, где они его прятали раньше, — сели вокруг нас и начали расспрашивать про Персию. Их интересовало буквально все — начиная от природных богатств, обычаев, обрядов и заканчивая национальной кухней. Также просили на своих картах показать границы нашей Империи. Карт было две — китайская и венецианская — и обе неточные: ни на одной из них мы не обнаружили Персии. Как же так? Могущественная Персидская империя, которая простиралась аж до берегов Тигра и Евфрата, не была известна туземцам?! Похоже, соседи как с Запада, так и Востока не прочь были предать забвению нашу великую цивилизацию!

После многочасовой беседы, которая из-за трудностей понимания оказалась весьма изнурительной, нам разрешили вернуться в свои покои, предупредив что поздно вечером в нашу честь будет дан большой ужин.

Так и случилось. Когда стемнело, за нами пришли слуги и толмач. Угожливо улыбаясь и коверкая фарси, он пригласил нас следовать на пир. Нас повели через бесконечные залы, переходы и внутренние дворы. Даже после того, что мы уже видели во дворце, их красота поражала воображение. Я-то думал, что видывал в жизни уже почти все, а все-таки нашелся на земле край, которому было чем меня удивить!.. Особенно меня поразил храм с огромным изваянием тучного человека, который сидел, даже не скрестив, а будто

переплетя ноги. Вероятно, это был их главный идол. Сооружение, в котором была помещена статуя, также не имело дверей, а его колонны были необычайно высокими, с богатой резьбой.

Когда мы дошли до нужного места, перед нами открылась небольшая четырехугольная площадка. Над нею был навес, который соорудили из высоких толстых стволов неизвестного дерева. Стволы были прямыми и гладкими, отшлифованными до абсолютного блеска.

— Свита очень расслаблена, наверное, будем трапезничать без господина, — предположил Рази.

Нас встретил один из вельмож, не из самых приближенных — я помнил, что, когда мы встречались с хозяином дворца, он находился не рядом с тронном, а в некотором отдалении. У придворного была добрая улыбка и абсолютно лысая голова.

Широкий стол, установленный под одним из навесов, был полон различных украшений. При этом часть стола была накрыта черной парчой и под ней что-то дергалось. Что именно — в полутьме разглядеть было трудно.

Нас отвлекло мычание огромного быка. Трое слуг ввели его на веревках в залу, едва справляясь с могучим животным. Когда бык упирал копыта в землю, лишь многочисленные толчки побуждали его идти дальше. При этом никто из слуг ни разу не ударил быка.

Когда вся группа остановилась перед нами, человек десять зацепились за ноги животного, словно бык собирался провалиться под землю. Один из слуг даже натянул его хвост. А другой положил под брюхом деревянный таз. Затем появился жрец с небольшим

ножом. Он быстрыми движениями сделал три надреза в области брюха животного: одно большое сразу под брюхом и два по сторонам. Быка начало мотать из стороны в сторону, а из его огромного уда заструилась моча. Разрезы жреца были такими искусными и правильными, что крови было немного, а шкуру оказалось легко приподнять. Так и сделали. Кожу быка оттянули и начали вырезать из-под нее маленькие кусочки мяса. Бык бился и жалостно мычал, но слугам было все равно. Они тихо, со знанием дела продолжали свое занятие. Зрелище было не из тех, что доставляет удовольствие. Перед тем как предложить нам свежее мясо, его посыпали крупной солью. На вид тонкое до прозрачности, мясо оказалось очень жестким. Мы сосредоточенно жевали, показывая одобрительные знаки, чтобы не обидеть хозяев. К нашему счастью, вскоре быка убрали с глаз.

Теперь нас подвели к столу, сдернув черную ткань. Под нею оказались те самые отвратительные животные размером с небольших собак или крупных кошек, которые в изобилии скакали по деревьям прибрежного леса. Они были живыми, но черепа их были раскрыты, как пасть верблюда. Внутренности их голов слуги радушно предложили нам отведать. Как не старались мы сохранить спокойствие, цвет лица, вероятно, выдавал нас с потрохами. Это было одно из самых неаппетитных зрелищ, какое я видел в жизни; особенно отталкивающе выглядели глазницы животных, где вместо глаз застыли белые, бездвижные месива.

— Почтенный сардар, — запинаясь, обратился я к вельможе, — прости, но наша религия запрещает есть животных, которых мы не знаем.

При этом я указывал руками вверх, давая понять что есть вещи выше моих сил. Вельможа проявил понимание и пригласил нас к другому концу стола, где ждал очередной сюрприз. Здесь под черной тканью оказался огромный чан, заполненный фруктами, что были похожи на яблоки или куриные яйца. Из мешка, который стоял рядом, прислуга начала доставать огромных змей. От одного их шипения обдавало холодом. Слуги открывали гадам рты специальными щипцами и заталкивали внутрь яйцевидные фрукты, предварительно очищенные от кожуры. Затем змею брали за хвост и начинали беспорядочно вертеть: вверх-вниз, кругами, как попало. Зрелище было странным и не обещало ничего хорошего.

Пока слуги обрабатывали змей, я спросил у вельможи о свойствах плодов, что они пихали в рот исчадиям ада. Толмач ровно в эту минуту куда-то запропастился, и собеседник только улыбался, не понимая моего вопроса. Тогда я на свой страх и риск взял из чана таинственный фрукт. Плод размером чуть меньше обыкновенного яблока был покрыт твердой оболочкой, похожей на чешую змеи. Я провел рукой еще раз — действительно, под пальцами ощущались будто бы чешуйки. Быстро достав кинжал, я решительно разделил плод на две равные части. Под грубой кожей оказалась белая мякоть. Съесть ее или нет? Чем только не рискнет верный слуга Шахиншаха ради своего Повелителя! И все же для начала я провел языком по срезу. Мякоть была приятной на вкус, и я решился. Слегка надкусил, медленно разжевал и, мысленно попросив Аллаха уберечь меня от беды, проглотил. По вкусу плод был кисловат, будто ранний

мандарин, но плотностью больше напоминал яблоко. Мне захотелось еще. Я очистил и с удовольствием съел еще несколько плодов, после чего почувствовал умиротворение. Казалось, все мои мысли и чувства выстроились в определенный, последовательный ряд, раздраженность исчезла, куда-то подевалась тревога, которая в пути меня сопровождала постоянно, а голова стала ясной, как после глубокого сна.

А что, если именно этот плод станет панацеей от странного недуга сына нашего Шахиншаха и поможет ему избавиться от злой напасти? Не снадобья лекарей и заклинания чародеев, а этот чудодейственный плод в змеиной шкуре! Чем дальше, тем больше мне нравилась эта идея. Кажется, я наконец-то нашел то, ради чего прибыл в этот забытый богом край. Не отводя глаз, я смотрел на это удивительное творение Аллаха, которое было послано его верному слуге, с тем чтобы он наилучшим образом исполнил задание Повелителя.

Тут как раз слуги закончили свои пляски со змеями. Измочаленных гадов разложили перед нами и распорили по всей длине. Из чрева змей слуги извлекли те самые плоды и с поклоном предложили нам их отведать. Желудочный сок пресмыкающихся, слизь, кровь — все это так и стекало с блюда. О Аллах всемогущий, когда закончатся эти испытания, — сказал я себе. Не то что отведать угощение, но даже взять его в руки было выше моих сил. Увидев наше замешательство, вельможа сам взял мокрый, скользкий плод и с улыбкой откусил от него. Я посмотрел на свою небольшую свиту и понял, что устремления наши схожи.

— Прошу простить нас, но настало время намаза, — твердо заявил я вельможе, воздев вверх руки.

Вельможа, как умный человек, не стал спорить и распорядился проводить нас в отведенные покои.

Перед сном я много думал об этом странном фрукте — пугающем на вид, приятном на вкус и явно имеющем ряд неочевидных полезных свойств. Полезных в том числе и для меня. В таких делах очень важно, как преподнести свою находку. Важно даже, как назвать ее. В моем случае решение лежало на поверхности — не долго думая, я решил окрестить этот фрукт змеиным яблоком. А уж расписать его удивительные качества — за этим дело не станет! Теперь мне предстоит тем или иным способом приобрести как можно больше змеиных яблок, и лучше слегка недозрелых, ведь путь нам предстоял длинный. Также необходимо было побольше разузнать про змеиный фрукт — где еще он произрастает, когда созревает, как размножается: черенками, семенами или отводками? И на этом можно считать мою миссию завершенной!

...Утром за нами пришел вчерашний вельможа с толмачом и слугами. Со всей любезностью он дал понять, что нам хотят показать красоты окрестностей. Итак, нам предстояло трехдневное путешествие по ужасной жаре, во влажной духоте здешних лесов и долин.

Мы побывали и на юге, и на севере, прошлись с запада на восток и чего только ни увидели! В одних селениях нам предлагали попробовать странные снадобья, после которых у нас здорово кружилась голова, а кто-то даже начинал громко смеяться без всякой причины. Случались и другие странности! Одним из самых необычных четвероногих обитателей, коих здесь встречалось немало, было покрытое густой тем-

но-серой шерстью животное, похожее на сытую кошку. Местные называли его мусангом и обращались как со священной особой. На блюде ему подавали красные спелые зерна кофе, которые он глотал, не разжевывая, а спустя некоторое время естественным образом выпускал из себя наружу. После этого помет мусанга отмывали, обжаривали в больших чанах, постоянно помешивая, чтобы он не подгорел, а затем... заваривали, словно обычный кофе! Напиток дали продегустировать и нам. Мои помощники наотрез отказались пить «дерьмо дикой кошки», однако я рискнул — и не нашел в напитке ничего особенного.

Затем нам показали священную гору, в которой я по некоторым приметам узнал потухший вулкан. Мои догадки подтвердили жители, которые рассказали о том, как давным-давно излившаяся лава сожгла все селения на своем пути. С тех пор местные племена относились к этой горе с особенным почтением.

Вокруг горы теперь находились храмы — одноэтажные сооружения, время от времени заполнявшиеся людьми. Они с тоненькими свечками в руках приходили сюда молиться своим многочисленным идолам, среди которых были тотемы быка, летучей мыши и еще каких-то собакообразных мифических существ. А я лишь пытался скрыться в тени от палящих лучей солнца, и храм виделся мне для этого самым подходящим местом. Здесь меня и поджидало очередное удивительное открытие.

Оказавшись на ступеньках древнего строения, я вдруг почувствовал слабый, прохладный ветерок. Он дул откуда-то снизу, по всей вероятности из подвала, куда вела грубая каменная лестница. Я снял обувь

и начал спускаться. Сквозняк поднимался вверх по ногам, медленно обвивая их — словно змея.

Пол был очень холодным. А движение воздуха все усиливалось. Сбросив с себя накидку, я голым торсом лег на пол, сложенный будто из маленьких кирпичиков. Чуть приподняв голову, заметил отверстие, сквозь которое в полутемное помещение проникал сноп света, а также каменного идола, что держал перед собой крепко прижатые друг к другу ладони. Но не это меня поразило. Главное заключалось в ощущении полета. Будто холодная река воздуха протекала между моими лопатками и маленькими серыми кирпичами, на которых я лежал, а надо мною находился еще один слой воздуха, напитанный запахом благовоний, во множестве сжигаемых местными идолопоклонниками в верхнем храме.

Я пока не понимал истинной природы своих ощущений, однако это было на редкость приятное чувство. Оно вызывало необычную легкость и хорошо влияло на расположение моего духа. Я замер, стараясь продлить блаженное состояние. Мозг тихо засыпал, пальцы ласкали грубые кирпичи, все успокаивалось. Может, это и есть рай?.. даже если и нет, хотелось, чтобы он был именно таким, — мелькнула мысль. До полного счастья не хватало только шума реки из белого мускуса, того самого, который нам обещали на десятом слое небес¹. Еще минута в таком состоянии — и уже никуда не захочется уходить. И тут меня осенило: вот что нужно нашему Шахиншаху в Баме!

¹ Рай по поверьям мусульманского мира находится на десятом слое небес.

Покои, где он мог бы так же наслаждаться прохладой и покоем — независимо от времени года! Нужно построить в Баме дворец, в залах которого создать атмосферу разных сезонов года; ради этой затеи можно даже привезти к нам тех мастеров, которые строили этот храм, — ведь стоит только Шахиншаху приказать, как все необходимое достанут из-под земли и дело пойдет на лад. Что за прекрасная идея в очередной раз пришла в эту умную голову!..

Ну как не похвалить самого себя, как не сказать, что я самый умный и находчивый?

К сожалению, эти светлые мысли владели мною недолго. Тело на прохладном полу начало замерзать. Увы, приятные моменты в жизни — как чувственная разрядка, легкое опьянение или чувство выполненного долга — длятся считанные мгновения. Придя в себя от пережитого блаженства, я решил, что пора бы нам собираться в обратный путь. До этого оставалось еще переговорить с местной знатью о возможности привезти к нам здешних мастеров для строительства «Дворца четырех времен года» в Баме, как я уже начал называть его про себя.

Глава 7

*Правосудия десницу ты поддержкой укрепляешь,
Ты врагов смиряешь гневом без плетей, оков
и тюрем.*

Спустя три недели я сошел с корабля на берег в Бендер-Аббасе и сразу же отправился в Тегеран. За воротами возле дома меня встретил верный пес Алабай, начал возбужденно и весело кружиться вокруг. Алабай чуть похудел, выглядел одновременно и радостным, и грустным. Кажется, он был по-собачьи счастлив, но лишь тихонько поскуливал, словно догадывался, что лаять нельзя. Содержание собаки подданным Шахиншаха строго запрещалось: как и свинья, собака считалась нечистым животным, которое может осквернить одежду и пищу человека.

Муниза, легонько оттолкнув пса, бросилась мне на шею. От ее густых и красивых волос приятно пахло галием¹, под тонким атласом одежды скрывались упругие груди. Она целовала меня, терлась, даже обнюхивала. Пока я отдыхал в саду, наложница незаметно согрела воду в хамаме, наполнив ее ароматом свежего персика, и, когда я уже собирался заснуть, чуть ли не силой затащила меня туда. Горячая вода из чистых

¹ Дорогая ароматическая смесь из мускуса и амбры.

источников позволила мне избавиться от усталости, накопившейся за долгие месяцы отсутствия. Спать захотелось еще сильнее, причем не было даже желания вылезать из удобной ванны. Муниза, раздевшись, присоединилась ко мне и стала водить языком по шее и ушам, время от времени нежно их покусывая. Затем она начала медленно опускаться вниз. С каждым движением ее стоны становились все сильнее, а во мне нарастало возбуждение. Ей нравилось то, что она делала. Я до сих пор не мог понять, что меня больше сводило с ума — ее ласковый и проворный язык или томные стоны. В ее искушенной ненасытности и заключался секрет моей привязанности к Мунизе, ведь почти два года у меня не было никакой другой женщины, я о них даже и не задумывался. Впервые в жизни у меня была наложница, которая читала мысли, а временами даже их опережала. Когда я отлучался по делам, она в сопровождении старой служанки бродила по базару в поисках интересных ароматов, затем их смешивала, нанося на тело, чтобы каждый раз пахнуть по-новому, особенно. Она также посещала тайную школу любви, — была и такая в Тегеране, — уголок, где местные сутенеры, евнухи, торговцы рабынями наставляли и даже оценивали самых красивых куртизанок империи. Время от времени эти ценители выбирали пять самых искусных и красивых наложниц.

После этой тайной школы Муниза преобразилась; она выучила десятки поз, о которых я никогда не слышал, а некоторые так и не смог испытать на себе, и теперь уже она разжигала мою страсть, а не я приручал дикарку, как было в первые месяцы моего

обладания ею. Последний день перед моим отъездом в Бендер-Аббас стал пиком нашей связи. Тогда я открыл дверь, зашел в комнату за вещами и первое, что увидел, — обнаженную Мунизу, находящуюся в моей любимой позе.

— А у меня для тебя хорошая новость, хозяин, — промурлыкала она. — В этом году я получу титул самой красивой любовницы.

— Да? Но подарить большой дом или корабль не смогу, — ответил я, смеясь. — Даже если бы и смог, то все равно не стал бы этого делать.

Лет пять назад один вельможа в честь победы на ежегодном конкурсе красавиц подарил своей юной грузинской пассии корабль. Тогда это стало самой громкой новостью города. Настолько громкой, что весть долетела аж до самого Шахиншаха, вконец разозлив его. Ведь такие оригинальные и дорогие подарки мог делать только наш Повелитель. Корабль утопили на глазах у придворной публики, а наложницу перевели в гарем Шахиншаха.

После этого скандала конкурс не проводился несколько лет, но вскоре его возобновили и начали тайно собирать женщин, горящих желанием отличиться в любовных утехах. И вот Муниза готовилась принять в нем участие. Покуда эти ее шалости не причиняли мне головной боли, я поддерживал свою красавицу, как мог. Тем более, что все это потом с лихвой окупалось в постели.

...Через два дня после моего возвращения великий визирь повелел зайти к нему. Я надеялся, что он встретит меня с распростертыми объятиями, ибо мне уже успели донести, что наследнику помог таинственный

змеиный фрукт. Лекари, наблюдающие за затянувшейся болезнью Мухаммеда, в скором времени смогли убедиться в благотворном влиянии заморской панацеи на состояние ребенка. После такой ошеломительной новости у меня словно крылья за спиной выросли, и, видимо, многие это заметили.

— Началась большая игра, — нервно начал великий визирь. — Запомни, наши предыдущие успехи не являются залогом будущих побед. Все, что я и ты, мои и твои предки сделали для Дома Сефевидов, совершенно не берется в расчет.

— Причем тут это, сардар? — настороженно спросил я.

— Последние удачи тебя будто ослепили. Выглядишь самодовольным, держишься на людях чересчур заносчиво, ходишь с горделиво поднятой головой. Запомни: мне это совсем не нравится.

— Почему?

— Да потому, что это мешает тебе принимать верные решения.

— Еще скажите, что все, что я думаю, — неправильно, да?

— Да! Что бы ты ни думал, ты не прав. А теперь о самом важном. Давно у нас не случалось подобного.

Казвини замер, словно прокручивал в уме свою же фразу.

— Да, давно, — продолжил великий визирь с оттенком какой-то грусти, понятной только ему одному. — Султан Сулейман стоит сейчас у ворот Вены. А его гонцы приносят нам подарок, который везли издалека на двух упряжках. Можешь себе представить, что это такое?

Я догадывался, что мог султан прислать Шахиншаху. Из всех известных мне увлечений Повелителя лишь ковер соответствовал описаниям великого визиря. Книга, драгоценности, оружие — это не то. Тахмасиб был помешан на коврах. Вступив на престол, он сразу же взял под свое покровительство всех мастеровых, художников, производителей шелка, шерсти и станков, а также земледельцев что выращивали множество разновидностей трав и разводили кошенильных червецов, которых использовали для производства краски ки́рмиз, она окрашивала нитки и пряжу в чудесный красный цвет.

— Сейчас мои люди проверяют ковер — не пропитан ли он ядом или дурманом. Да-да, не удивляйся, и такого не следует исключать. Надеюсь, что напившийся сегодня со страху до полусмерти Бехзад¹ завтра будет в состоянии ответить на вопросы Повелителя, которые тот собирается ему задать. А они точно возникнут.

¹ Кемаль-ад-Дин Бехзад (1455/60–1535/1536) — знаменитый персидский художник-миниатюрист гератской школы. Считается, что манера Бехзада непосредственно повлияла на искусство ковроткачества и стиль узоров персидских и азербайджанских ковров, особенно ковров типа «Герати», где растительные узоры соседствуют с астрономическими мотивами. О периоде жизни Бехзада при дворе Тахмасиба I историк Будаг-мунши сообщает следующее: «Его привезли [ко двору] из Хорасана, и в течение ряда лет он состоял при государе в качестве собеседника. Он всегда вёл благопристойные беседы. [Вместе с тем] он постоянно прихлёбывал [вино] и ни мгновения не мог обойтись без рубинового вина и ярких губ виночерпия. Он дожил до семидесяти лет и таким образом поддерживал себя молодым. Несмотря на запрет пить вино, [его не трогали, так как] в нём нуждались, а его величество полагал: мастер был старцем с чистым образом жизни».

— Сам Шахиншах будет принимать подарок? — неуверенно спросил я.

— Нет, ковер принял я, и должен тебе сказать, что лучшего в жизни не видывал. Возникает вопрос: как дикарям-кочевникам удалось соткать ковер такой изумительной красоты? Ведь должно быть этому разумное объяснение! И самое главное — ковер соткан из шелка. Как султан Сулейман этого добился?

Пока великий Казвини говорил, выражение его лица менялось несколько раз. Вскоре он побагровел, а его взгляд устремился вдаль, хотя обычно визирь предпочитал смотреть собеседнику прямо в глаза.

— Откуда у дикарей-кочевников такие знания и умения? Мы сами только недавно перестали ткать ковры из шерстяной пряжи, перейдя на шелк. И ты только представь — на ковре изображена вся история любви шаха Хосрова и принцессы Ширин! Вся, ты понимаешь, сынок? От начала до конца! — почти прокричал Казвини.

Тут его точно прорвало. Вскочив, почтенный визирь принялся швырять об стену все, что попадалось под руку, — рабочую чернильницу, посуду, даже любимую чалму. Я никогда еще не видел визиря таким разгневанным. У него явно лопнуло терпение.

— Этот подонок Сулейман погубит нас! Он уже стал владыкой всего мира, так ему и этого мало! Теперь он хочет, чтобы кони его полудиких янычар топтали копытами наши поля и сады, разрушали библиотеки, разоряли наши дома, превращали красивые дворцы в казармы, как они делают это сейчас в Европе.

Высказав все, что накопилось в душе, великий визирь бессильно осел на ковер. Бедный старик! Столько

сил он сам лично и его род отдали, защищая дом Сефевидов. Уже сто пятьдесят лет они воюют с османами, и все без толку. Только прадед Шахиншаха Узун Гасан был относительно успешен в этой борьбе. А что сделал его зять Шейх Гейдар? Да ровным счетом ничего. В свои двадцать восемь лет был убит под Дербентом. А сын Гейдара — Шах Исмаил, внезапно умер в неполные тридцать восемь в Ардебиле, и никто так и не узнал причину его смерти. Просто ушел в мир иной — и все. Жизнь его старшего сына и брата нашего Шахиншаха, Султанали, оборвалась еще раньше, в пору ранней молодости — ему было всего шестнадцать! Трудно было найти другой род, которым было бы пролито так много крови в соперничестве с османами. И все перечисленные несчастья — лишь малая часть тех, что пришлось перенести представителям дома Сефевидов.

Великий визирь повидал многое на своем веку. Но шелковый ковер в подарок от османского султана стал для него ударом в самое сердце. А ведь Казвини было с чем сравнивать! Однажды отцу Тахмасиба преподнесли в дар дорогую книгу. Когда Шах Исмаил раскрыл ее, то внутри не оказалось ни одной страницы, лишь отвратительные дохлые насекомые. А чуть ранее отцу самого Исмаила подарили якобы дорогой кинжал, но из ножен вместо стального клинка вынули деревянный муляж. Все эти жесты имели значение в большой политике. Да и мы сами делали то же, когда хотели унижить или оскорбить других правителей.

— Все не так просто. Тут замешаны европейцы, — произнес, немного придя в себя, великий визирь. — Именно они предавали нас в самые трудные минуты.

Помнишь битву при Отлукбели¹ под водительством великого Узун Гасана? Он ведь думал, что победа уже за ним, но османы неожиданно пустили в ход пушки. Пушки!.. Да пошлет Аллах проклятия на головы коварных венецианцев! Ведь это были те самые пушки, которые были якобы отправлены нам из Венеции, но ввиду непогоды надолго застряли на Кипре. А после этого таинственным образом оказались в руках османов!

— Да, и здесь явно не обошлось без них, — добавил я твердо. — Верю, как в суры Корана, что в этом деле с ковром снова замешаны франки. Если не венецианцы, то папский двор уж точно имеет к этому отношение. Мне случалось возить секретные депеши на Кипр, где нам часто встречались странные люди разных званий, — кстати, среди них были и монахи Святого Престола.

— Да, не исключено, что они принимают участие в этой игре, как и во всех предыдущих интригах, касающихся наших интересов, — в кои-то веки согласился со мной великий Казвини.

¹ Важная битва (1473 г.) между войсками Османской империи и армией государства Ак-Коюнлу, завершившаяся поражением Узун Гасана и гибелью его сына Зейнал-бека.

Глава 8

*Мастерская земная великих изъязнов полна,
Посмотри, ведь она тяжких бед и обманов полна.*

Утро выдалось прекрасным. Над Тегераном стояло безоблачное весеннее небо. Казалось, что именно за ним начинается рай правоверных, а снежные склоны горы Точал, опоясавшие столицу, являются его вратами.

В Дербенте, самом северном районе Тегерана, в этот час уже вовсю бурлила жизнь. Торговые ряды приводились в порядок. Чайханы и небольшие лавочки приветливо распахивали свои двери для посетителей, и улица наполнялась приятными ароматами свежее испеченного лаваша, молодого сыра, молочного йогурта сюзьма, пряной мяты-нанэ и различных специй.

Пребывая в хорошем настроении, я добрался до дворца, что находился в верхней части города. Здешний воздух был намного приятнее того, которым мне приходилось дышать почти каждый день.

Новый шахский дворец состоял из двух частей¹. В одной из них жили и работали придворные живописцы, скульпторы и другие мастера. А в другой, огороженной огромной стеной, принимали гостей;

¹ По всей видимости, имеется в виду Голестан (в переводе «Дворец роз»), построенный при Тахмасибе I.

там же находились покои Повелителя и его семьи. Мне особенно нравился въезд в сам дворец: он не был особенно широк, зато по обе его стороны росли тесно посаженные благородные кипарисы. Сильные и ухоженные, как на подбор, деревья казались целым рядом братьев-близнецов — одинаково высокие и статные, они словно стояли на страже дома Повелителя.

Великий визирь не заставил себя долго ждать. Вошел, окинул меня критичным взглядом, а затем осмотрел досконально, не забыв проверить швы одежды — бдительность, ничего личного. После чего достал благоухающий платок и предложил протереть шею, лицо и даже уши. Шахиншах ужасно не любил, когда его слуги выглядели неопрятно. Рядом стоял и знаменитый Бехзад. Его Казвини проверял еще дольше. Даже залез пальцем в рот и попросил дыхнуть. Лицо великого визиря скорчилось, изобразив недовольство. Он распорядился принести веточки тархуна и заставил Бехзада при нем же их разжевать.

Передо мной стоял человек-легенда. Но Казвини обращался с ним, как с обычной чернью, продавцом зелени или грузчиком. Еще двадцать лет тому назад в местах, где приходилось проживать великому мастеру, он тотчас становился центром внимания. Все завоеватели, какой бы город они ни брали, что бы ни разрушали, кого бы ни убивали, одним из первых выдвигали требование — видеть Бехзада живым и здоровым, а главное — находящимся в полной безопасности. Такое можно было наблюдать в Герате, Бухаре и других городах.

Вскоре нас позвали, и мы прошли к воротам внутреннего корпуса. Я не знал того, что он опоясан еще

двумя защитными стенами. Это можно было увидеть, лишь находясь внутри. Здесь все поражало воображение. Прежде всего в глаза бросалась идеальная чистота. Как будто все было вылизано целым караваном верблюдов. В садах, окруженных небольшими изящными изгородями, нашли пристанище различные птицы и неизвестные мне животные. А как красиво выглядели слуги в богатом убранстве! Они больше походили на господ из высшего общества, чем на представителей низшего сословия. Хорошо, что все это скрывалось от простых людей. Мой народ не пережил бы такой помпезности и роскоши.

Ковер уже висел в центре внутреннего двора на специальной деревянной раме. Я не разбирался во всех тонкостях этого дела, но, как говорил мне один знаток: «Ковер — это любовь с первого взгляда. Если он тебя сразу зацепил, значит, товар получился. Из каких нитей он соткан, по какому эскизу и кем, что за сюжет на нем изображен, — все второстепенно. Ковер, если работа удалась на славу, должен приковать любой взгляд своим совершенством».

Этот ковер сразил меня наповал. Пока я пожирал глазами тончайший шедевр, ко мне незаметно подошел Казвини.

— В конце встречи Повелитель, быть может, поблагодарит тебя за лекарство для наследника, — шепотом заговорил он. — Просто опусти голову и ничего ему не отвечай.

— Понял вас, сардар, — ответил я, продолжая смотреть на ковер.

Он сверкал, нет, скорее блистал под лучами солнца, которые нежно скользили по его поверхности, точ-

но шелковая шаль по лезвию ножа. И это не было шуткой. Вся история Хосрова и Ширин по мотивам одного из главных шедевров Низами представала в рисунке ковра. Вот Хосров на охоте с прекрасной косулей у ног, вот друг Шапур рассказывает ему о Ширин в расписном шатре, вот Хосров узнает о смерти отца, а затем восходит на трон. Тут и его венчание с Мариам из Рума¹, а вот он в окружении свиты и многочисленных мифических существ: крылатых коней, гигантских рыб с человеческими лицами. Все эти эпизоды расположились по краям ковра, а в самом центре выделялась сцена смерти Шахиншаха, но лица самого Хосрова не было видно, а Ширин стояла в стороне и с достоинством оплакивала любимого. А около принцессы какой-то человек в белом читал Коран. Станным было то, что над последней сценой смерти великого Шаха соткались зловещие темные тучи с молнией, едва не настигающей самого Хосрова. Главная часть ковра была создана в мрачных, темных тонах, между тем как все остальные сцены были светло-желтоватого цвета и выглядели как живые. В любом случае, творение неизвестных мастеров тронуло мое сердце.

В это время придворный чавуш объявил о приближении Повелителя в сопровождении свиты.

Шахиншах находился от меня в нескольких шагах, настолько близко я видел его впервые. Я смотрел во все глаза, это был высокий молодой человек с каштановыми волосами. На нем красовалась великолепная накидка, украшенная золотой цепочкой, на груди у Шахиншаха

¹ Название Византии, бытующее в станах Востока времен Низами.

было драгоценное ожерелье, а на поясе висел кинжал в роскошных ножнах. Повелитель держался спокойно, словно хотел показать всем — даже самая худшая новость не может его поколебать. Однако видимое спокойствие могло быть обманчивым. Мне не раз приходилось слышать о том, что Шахиншах легко впадал в гнев и имел привычку публично наказывать приближенных, если что-нибудь шло не так, как он хотел.

Тахмасиб недолго, но очень внимательно смотрел на ковер, все еще не выказывая никаких эмоций. Он прошелся взглядом по всем сюжетам полотна.

— Где, ты думаешь, соткали этот ковер, Бехзад? — вдруг спросил Повелитель.

Свита застыла в нервном ожидании, так как вопрос не предвещал ничего хорошего.

— Не думаю, что подобное могло быть сделано в пределах Анатолии, о Великий Сардар. Предположу, что ковер соткали или в одном из городов Средней Азии, или же прямо здесь, в ваших персидских владениях. И скорее всего, это дело рук одного из моих учеников.

— Ты хороший учитель, великолепный мастер, но при этом явно неумен. Как так может быть?.. Твои ученики отлично усвоили все твои уроки и познали даже больше того, что ты собирался им дать. А потом они предали тебя.

Шахиншах сделал паузу и строго посмотрел на Бехзада. Бедный мастер мгновенно побледнел. Одно слово Повелителя — и ему конец. В лучшем случае его повесят вверх ногами или подвергнут порке. А в худшем сдерут кожу с живого. Я внимательно наблюдал за Шахиншахом, и наконец мне показалось, что Тахмасиб все же не рассчитывал заходить так далеко. Все-таки

перспектива прослыть в истории чудовищным тираном не входила в его планы. Хотя... кто знает мысли обладающих такой огромной властью? Великий Тимур был настоящим чудовищем. Ну и что? Разве оттого его меньше любили и боготворили подданные?

Шахиншах молчал. Все взгляды были устремлены на Бехзада. Гениальный мастер выглядел овечкой, окруженной голодными волками. Один знак — и стража разорвала бы его на части. Слово «предательство» было самым страшным словом в Империи. Услышать его все равно что съесть свинину, а то и пустить христианина в Мекку или Медину.

Повелитель продолжал молчать. Он знал, как создать напряжение. Мирно водя пальцами по поверхности ковра, Тахмасиб вдруг спросил:

— Здесь пятьдесят узлов¹, не так ли?

— Да, о Великий, — облегченно вздохнул мастер.

— Вероятно, его ткали на одном станке?

— Да, он был разложен на полу, чтобы было удобно работать сразу десяткам ткачих.

— И сколько на это ушло лет?

— Думаю, года три, не меньше.

Лицо Шахиншаха вдруг покрылось красными пятнами. Казалось, вся кровь тела прилила к его щекам. Взгляд заметался по ковру, но в какой-то момент вдруг остановился в одной точке. Мне трудно было определить, что так привлекло его внимание, но, кажется, это был эпизод, повествующий о конце истории Хосрова.

¹ 50 узлов на 1 квадратный сантиметр — самая высокая плотность для ковров того времени.

— Загадка заключается даже не в том, что именно султан Сулейман нам прислал, но в том, как мы ему ответим, — наконец произнес Тахмасиб, и в это время легкая, но будто с железным привкусом улыбка прошла по его губам.

Свита расслабилась, но тут Шахиншаха вдруг слегка качнуло в сторону; словно неведомая сила подкосила помазанника. Собравшись с духом, он нашел силы двинуться в сторону своих покоев. Прошел несколько шагов, остановился, его тут же окружили советники. Послышался тихий шепот. Видимо, Шахиншах раздавал поручения. Спустя непродолжительное время он продолжил путь, но снова сбавил шаг. На этот раз сразу несколько придворных замахали мне, жестами давая понять, что необходимо подойти к Повелителю. Быстрыми шагами, практически бегом я направился в его сторону.

— Ты сослужил нам хорошую службу, верный азат¹, — обратился ко мне Тахмасиб.

Только я хотел произнести, что такие, как мы, всегда были верны Дому Сефевидов, как вспомнил слова великого визиря и смиренно опустил голову.

— Прими мой подарок и продолжай нас радовать в дальнейшем.

Я почувствовал, как кто-то дернул меня за рукав и, раскрыв мои ладони, положил в них тяжелый мешок со звенящими дирхамами².

Тахмасиб убедился в том, что подарок передан, и, сказав что-то вполголоса великому визирю, медлен-

¹ Азатами называли лично свободных жителей Персидской империи, в основном представителей класса мелких феодалов.

² Золотая денежная единица в Иране.

но удалился в окружении свиты. Я застыл на месте и, признаться, не сразу пришел в себя от завороченности не человеком даже, а носителем огромной власти. Тогда мой взгляд опять заскользил по ковру и остановился на сцене, в которой Фархад¹ рассекает огромную скалу, чтобы открыть воде путь ко дворцу Ширин. О да, сейчас у меня как раз было ощущение, будто я тоже расколол что-то большое, монолитное, и меня с ног до головы окатила огромная живительная волна самодовольства, даже избранности.

Впрочем, расслабляться было рано — на прощание Казвини шепнул мне о деле, которым следовало заняться безотлагательно. Покинув дворец, я тихонько последовал за Бехзадом.

¹ Один из героев произведения «Хосров и Ширин», влюбленный в Ширин и убитый впоследствии Хосровом.

Глава 9

*Только малость испивший из чаши неверного пира
С головою утонет в кольце ненадежного мира.*

На следующее утро, в приподнятом настроении, почти счастливый, я вновь предстал перед великим визирем. Впрочем, было очевидно, что Казвини моей радости вовсе не разделял. Пожалуй, вид у него был еще более хмурый, чем накануне. Он снова нервно мерил шагами комнату, я же украдкой поглядывал на его небольшой рабочий стол, молясь про себя, чтобы какой-нибудь тяжелый предмет не полетел в мою сторону.

— Начну с хорошего. Повелитель пригласил тебя на празднование Навруза во внутреннем дворце. Там будут только самые приближенные из знати и некоторые европейские гости. А теперь важное: вчера ночью Бехзад исчез. Курчие проверили все уголки Тегерана и пока не нашли его. Какая ирония судьбы!.. Каких-то пятнадцать лет тому назад шахские курчие умудрились уберечь мастера в разгар жаркой битвы с османами. Сейчас же османские агенты выкрали его у нас из-под носа!

— Мы точно знаем, что это османы?

— Вечером точно будем знать. Если не найдем мастера в каком-нибудь грязном галйаналты, если его не спрятали наши или он, глупец, не решил затаиться,

опасаясь гнева Повелителя, значит, это дело вражеских рук. В любом случае, ты понял, почему Шахиншах был зол на Бехзада?

Ответить я не успел; да что там, великий визирь даже не дал мне возможности раскрыть рот. Хотя я-то знал лучше многих историю о том, как еще отец Тахмасиба, Шах Исмаил, однажды приказал охране любой ценой спасти Бехзада, не дать ему попасть в плен при Чалдыранской битве¹.

— Я уверен, что наш молодой Повелитель мысленно прошел через все круги ада, глядя на этот проклятый ковер. Но он просто не показал виду. Даже передо мной не выказал своего беспокойства. А такого никогда еще не было между нами. Султан Сулейман задел сердце Шахиншаха чем-то очень личным.

— Вы поручили мне разузнать, где мог быть куплен шелк...

Казвини задумчиво кивнул, и я, ободренный, продолжил:

— Самый качественный шелк мы получаем у себя на родине в Шеки и Ширване. Но этот ковер также мог быть соткан из китайского или ферганского шелка. Впрочем, чутье подсказывает мне, что это маргиланский² шелк. Мои догадки подтвердил и отъявленный пьяница Бехзад, когда я после аудиенции у Шахиншаха

¹ Переломное сражение между сефевидской и османской армиями, произошедшее 23 августа 1514 г. к северо-востоку от озера Ван. По легенде, во время этой битвы, неудачной для сефевидов, Шах Исмаил прятал Бехзада вместе с каллиграфом Шах Махмудом Нишапури в пещере, словно сокровища.

² Древний город Маргилан, территория нынешнего Узбекистана в Ферганской долине.

угостил его стаканчиком. Ох и напуган был Бехзад, его едва держали ноги от страха! Это он сказал мне, что такие нити и краски бывают только в Маргилане.

— Я слышал, что туда давно наведываются представители многих суфийских орденов, которые размножились, как шелкопряды, — уверенно произнес визирь.

— Они как-то связаны с нашими врагами?

— Да это они и есть. Ты забыл, что прадед Шахиншаха, Шейх Джунейд¹, каких-то сто лет назад был главой маленького ордена? А кем теперь являются его потомки? Они правят половиной исламского мира, стали самой богатой семьей Персии, и это не предел их могущества. Многие им завидуют, в том числе и Тимуриды и Шейбаниды². То, что они сунниты, сближает их еще больше. Не стоит недооценивать даже маленький тарикат!

— Кто-то очень хорошо играет на наших противоречиях, сардар. Я мечтаю о том дне, когда мы будем диктовать правила, а все эти маленькие тарикаты будут создаваться у нас и через них мы сможем распространять наше влияние по всему миру.

¹ Глава движения кызылбашей, превративший его в военно-политическую организацию.

² **Тимуриды** — тюрко-монгольская династия, правившая в Средней Азии и некоторых землях Ближнего Востока с 1370 по 1507 г. Основатель — великий завоеватель и государственный деятель Амир Тимур (1336–1405), или Тамерлан (от персидского Тимур Лянг — Хромой Тимур). Позднейшая ветвь Тимуридов правила до 1585 года в Бадахшане. Тимуридом также был основатель династии Великих Моголов в Индии, падишах Бабур. **Шейбаниды** — узбекская династия, привившая в Бухарском ханстве на протяжении XVI века. Основателем считается чингизид Мухаммед Шейбани.

Великий визирь слегка ухмыльнулся. Видимо, ему понравилась моя мысль, а возможно, он тоже когда-то задумывался над этим вопросом. В молодости Казвини был принят почти при всех соседних дворах, участвовал во многих походах самого Шаха Исмаила. Говорили даже, что он был среди той горсточки смельчаков, кто освобождал из заточения семью Исмаила, видел живым старшего брата Шахиншаха, Султанали, даже застал византийскую бабушку Повелителя, Деспину-ханум¹. Поистине, великого визиря можно было назвать человеком-историей!

— Знаешь, почему подаренный ковер так пугает меня? Каждый раз я нахожу в этом проклятом полотне что-то новое. Все последние годы мы отстраняемся от наследия персов-Сасанидов. Мы строим не только новую религию, но и новое тюркское государство. А посмотри, что говорит подаренный ковер? То, что знаменитый Хосров был персом. Пока я не понял, почему султан Сулейман выбрал именно этот сюжет, ведь у Низами много других произведений.

— Может, они знали, что отец Шахиншаха не доверял персам и не любил их? — спросил я с сомнением.

— Я думал про этот вариант. Но он очень прост, здесь какой-то другой подвох.

¹ Деспина-хатун, или Феодора Комнина, — дочь императора Трапезунда Иоанна IV от жены тюркского происхождения. Была отдана в супруги Узун Гасану, впоследствии правителю кочевого государства Ак-Коюнлу, для того чтобы завоевать поддержку этой тюркской конфедерации. Славилась необычайной красотой, также считалось, что имела большое влияние на мужа. Зять Деспины-хатун и Узун Гасана стал одним из основателей династии Сефевидов (шахиншах Гейдар, отец Исмаил I). Личность Феодоры/Деспины наряду с другими византийскими принцессами, ставшими женами тюркских владык, лег в основу мифа о «принцессе Трапезунда», распространенного в европейском искусстве.

— Сардар, у меня есть еще одна версия. Может, османский Повелитель намекал не на произведение, а на величие автора?

— Может быть. Ведь кто такой Низами не только для персов, но и для нас, подданных Сефевидов?

— Это столп нашего сознания.

— Правильно! Это столп всей нашей цивилизации! Если отнять у нас Низами, кем мы тогда будем в этом мире? Что отличит нас от других, мелких и презренных народов? Сулейман же заявляет, что Низами, может, и писал на фарси, но сам являлся турком. Ты понял, куда это нас ведет? Это еще один намек на то, что все, что сегодня мы считаем своим, завтра может принадлежать османам!

Пережив эту вспышку, Казвини задумался, а затем перешел к деталям. Необходимо тщательно изучить каждый нюанс — цвет ковра, использованные красители, качество и вид шелка, установить тип станка, на котором ткали, и даже способ, которым соткан ковер. Ну а его дальнейшие слова буквально заставили меня трепетать. Только сейчас до меня дошло, какую отравленную стрелу султан Сулейман направил нашему Повелителю.

— Ты помнишь ту часть ковра, где Хосров встречается с Ширин в первый раз?

Я утвердительно кивнул.

— Что-нибудь там тебя удивило?

Пока я соображал, стараясь вспомнить, в какой части ковра вообще находится эта сцена, Казвини продолжил:

— На Хосрове была накидка цвета песка в пустыне, под накидкой — голубая рубашка с помятыми рукава-

ми, а на голове — чалма белого, как папирус, цвета. Песок означает, что мы владеем всеми пустынями, а голубой цвет — символ морей, мол, мы владеем и ими. А вот почему небо над Хосровом белое? Ты видел когда-нибудь белое небо? Такого в природе не бывает. А ответ в том, что белый цвет в поверьях этих варваров суннитов — знак Всевышнего. Они уже преподносят Хосрова в нужном для них свете, как человека, который жил и верил так же, как они.

— О да, но ведь это невозможно. Не может один из столпов персидской империи быть суннитом¹.

— Это сейчас кажется сумасшедшей идеей. А кто мог поверить, что «Шахнаме» Фирдоуси, святая книга персов, будет посвящена турецкому правителю Махмуду Газвини?² Если бы кто-нибудь сказал бедному Фирдоуси, что под конец жизни его главное творение, то, над чем он работал десятки лет, будет приниматься турецким шахиншахом государства Газневидов, он бы сам сжег свое творение!

Все становилось запутаннее и запутаннее. Я не был хорошим знатоком летописей и не мог достойно ответить визирю. Но то, что в Средней Азии всегда шла жесткая борьба между персами и турками, ни для кого не было секретом. Последние триста лет, со времен падения персидской династии Саманидов, в землях Центральной Азии персы владели жалкое существование. Да и у нас им приходилось несладко. Дошло до того, что при дворе Сефевидов персов называли таджиками, намекая на их чуждость. Осо-

¹ Строго говоря, Хосров II Парвиз не был даже магометанином.

² Тюркский шахиншах государства Газневидов с 998 по 1030 год.

бенно недолго любил персов Шахиншах Исмаил — он приказал в свое время отказаться от дипломатической переписки на фарси и перейти на азербайджанский, его родной язык.

— Все очень запутано, сардар! — стараясь придать важность своим словам, заключил я.

— Впрочем, кто сейчас помнит, кому именно преподнес Фирдоуси законченное «Шахнаме»?.. Все знают ее как книгу царей древней Персии и помнят только это. Но нам сейчас важен другой вопрос: чего добивается султан Сулейман своим подарком? — вернулся Казвини к теме, которая занимала его более всего.

Беседуя с великим визирем на одну и ту же тему уже больше часа, я почувствовал, как мною начинает овладевать жуткая усталость. Казвини все говорил и говорил, одна гипотеза сменяла другую; ему уже мерещился всемирный заговор против нашего молодого Повелителя. Я стал подумывать о том, что, если даже никакого заговора с ковром не было, этот мудрец обязательно бы его придумал.

— После Навруза ты отправишься в Ферганскую долину, где тебя будут ждать наши люди. Будь внимателен, обязательно смотри по сторонам. Ступай лишь туда, где увидишь наши секретные знаки, — сказал он под конец. — Теперь иди и не забывай моих советов.

Я вежливо поклонился и вышел.

Да, забудешь тут твои советы. Это на всю жизнь. Хорошо, что последние наставления были очень конкретными. Значит, здравый разум не покинул его окончательно, — сказал я себе.

Утомленный, я покинул дворец. Было бы неплохо после такого разговора оказаться там, где из гор-

ного ущелья всегда доносится прохладный, свежий ветер.

Но так же сильно хотелось домой, где меня ожидал хороший прием. Домой, к Мунизе и Алабаю, вкусной еде, приготовленной прислугой, к угощению из ранних фруктов и ягод — алычи, черного тута и черной вишни. А после всего съеденного и выпитого посидеть в том углу сада, где мой отец когда-то посадил чинар, и раскурить кальян. У меня была приготовлена чудесная смесь ананаса и яблок. Пара затяжек — и получаешь полное успокоение души и тела.

Так я и сделал. Покончив с ужином, засел в саду с кальяном. Алабай лежал у моих ног, а я тихонько поглаживал его по голове. Ему, как и мне, сейчас не хотелось более ничего.

Под вечер обычно становилось холоднее. Ветер усиливался, но я не спешил покидать мой шатер в саду. Накинул на плечи теплое одеяло, чтобы согреться, и прикрыл им Алабая. Однако самое интересное только начиналось. Чинар будто снова собирался поговорить со мной. Сотни его листьев трепетали на ветру, то усиливая, то приглушая свой шелест. Мне нужен был этот разговор именно сейчас, потому что дерево полно сил, и его мысли тоже должны быть сильными и разумными, такими, какими были мысли моего отца. Отчего меня так тянуло к этому чинару? Почему я думал, что шелест листьев — это и есть речь моего отца?

Только с наступлением ночи тяжелые раздумья покинули меня. В это время небо усыпано огромным количеством больших и крохотных, размером с точку, звезд. Бескрайний, далекий и холодный мир. Наверное, такого не должно быть, но этот запредельный

мир в эти минуты будто соприкасался с моим миром. Я даже чувствовал холодный ветер небес, так красиво описанный в хадисах¹. В эту звездную даль устремился Пророк Мухаммед на чудесной крылатой лошади Бораке с головою прекрасной женщины, чтобы поглядеть на нас сверху и приблизиться к престолу Аллаха². Каким он видел этот мир? Зовущим к познанию его тайн, ждущим великих открытий, предопределенных Всевышним?..

Мои мысли все больше рассеивались, а взор затуманивался. Но я был счастлив. Сладкий сон обнимал и ласкал, пока полностью не завладел мною.

Утром я проснулся от странного шума в ушах. Не двигаясь, словно предчувствуя опасность, слегка приоткрыл глаза и увидел кружившего на месте и тихо, словно про себя, скулившего Алабая. Он преданно смотрел мне в глаза, но почему-то боялся подойти. Мой мозг моментально проснулся. Я почувствовал, что надо мной кто-то стоит. «Нужно сбить его с ног», — подумал я. Но в это время незнакомец сам нагнулся ко мне и, как мне показалось, что-то собирался запихнуть мне в ухо.

Секунда — и незванный гость оказался в моих объятиях; другая — и он уже висел вверх ногами. И кто, вы думаете, это был? Деревенщина Муниза! Я быстро схватил ее за шиворот и, допытываясь, начал трясти изо всех сил. На-

¹ Сборник с объяснением сур и аятов Корана.

² Исра́ и Ми'ра́дж — ночное путешествие пророка Мухаммеда из Мекки в Иерусалим в сопровождении архангела Джабраила. В Иерусалиме он встретил пророков Ибрахима, Мусу и Ису, а также отца человечества Адама, руководил их общей молитвой, выбрал из чаш с вином и молоком чашу с молоком (на этом в частности основывается запрет на вино для мусульман), а после вознесся к престолу Аллаха. Ныне празднуется как ночь Мирадж с 26 на 27-е число священного месяца Раджаб (приходится на весну).

ложницу так сильно качало из стороны в сторону, будто конь мчал ее галопом по проселочной дороге.

— Проклятая женщина, что ты делала над моей головой? — орал я, не давая ей ответить.

Напуганная Муниза приняла смиренный вид, который выражал сожаление и раскаяние.

— Хозяин, я принесла тебе теплую воду для утреннего омовения и всего лишь хотела, чтобы ты помылся, — запинаясь от страха на каждом слове, проговорила она.

Но я видел, что Муниза лгала, и потому, оттолкнув ее к стене, начал колотить девушку руками. Она заревела на весь дом. На помощь прибежала прислуга, но боялась подойти, чтобы успокоить меня. А я кричал, дико кричал и бил наложницу по голове кулаками.

Через некоторое время, выпустив пар и дав Мунизе напоследок хорошего пинка, я ушел к себе. Успокоившись, вызвал управляющего.

— Она что, колдовала надо мной, пыталась спрятать джаду?¹ Отвечай!

— Мы не видели, как она оказалась в твоем шатре и что делала над тобою, хозяин, но, скорее всего, ты прав, — удрученно произнес слуга.

Я решил, что разберусь со всем этим, когда вернусь из дворца. Сумасшедшая Муниза испортила мне весь праздник. А ведь знал, что нельзя давать ей слишком много свободы. Сколько бы эта деревенщина ни шлялась по базарам и хамам, мозгов и чутья для жизни в большом городе у нее не прибавится.

«А может, ее подкупили?» — невольно подумалось мне.

¹ Колдовство с применением различных снадобий.

Глава 10

*О как бы сладкий сад, сад жизни, был прекрасен,
Когда б осенний хлад был саду не опасен.*

Никоим образом нельзя было омрачать наступление Навруза¹. Это был еще доисламский праздник, который боялся отменить сам Повелитель. Вместо того чтобы запретить Навруз, он решил использовать новогодние торжества для возвеличивания многовековой истории Персии, ее государственности и достижений.

Толпы народа собрались вокруг стен дворца, где был построен деревянный амфитеатр. Его возвели так, чтобы Повелитель мог видеть сцену прямо из своей крепости. Чтоб он наслаждался зрелищем, находясь в своем красном шатре в окружении свиты. На всех дорогах, что вели ко дворцу, были сооружены другие большие шатры, куда торговцы из разных концов Империи привезли все самое лучшее — еду, украшения, оружие. Каждый старался показать свое мастерство на месте — прямо здесь ткались ковры, кузнецы в черных накидках ковали железо и из него выделывали узорные мечи и щиты, а женщины в больших чанах

¹ День весеннего равноденствия, отмечаемый в Иране со времен зороастрийцев-огнепоклонников.

готовили блюда из только что забитого скота. Людскому морю не было видно конца.

Где-то вдали шуты развлекали гуляющих. Одетые в чудаковатые наряды из яркого тряпья, они расхаживали по высоко натянутому в воздухе канату и сбрасывали с себя вещи вниз. Толпе только это и было надо — люди подпрыгивали, залезали друг на друга, толкались, давились, даже иногда дрались, чтобы успеть ухватить в воздухе разноцветную материю.

Вскоре с высоких стен крепости донеслись грубые, будто прорезающие слух звуки больших труб, которые были заранее привезены из Центральной Азии. Их называли карнай¹. Вот-вот должно было начаться представление, и вся толпа хлынула к сцене. Сперва вынесли большую кожаную карту империи Ахеменидов, затем разыграли битву Дария с Александром Великим. Сасаниды и Хосров героически сражались с византийцами, Тахириды — с арабами, и, как ни странно, побеждали и тех, и других. Казалось, бедный Фирдоуси написал «Шахнаме», придя в неописуемую радость от персидских побед. Хотя все было как раз-таки наоборот, и по большей части он читал свое произведение тюркским властителям, победителям персов.

Но все это сейчас не казалось таким уж важным. Народ гордился собой и своим правителем-тюрком и ликовал от нахлынувшей гордости и восторга. Кавалерия скакала перед зрителями, поднимая тучи

¹ Древнейший азиатский духовой инструмент; медная труба до трех метров длиной с коническим «ртом» на конце. Использовался как военный сигнальный инструмент, а также как церемониальный.

пыли, лучники пускали стрелы по чучелам врагов, и те сразу же падали, приводя толпу в экстаз. Чернь взревела, когда притащили большую клетку и в нее запустили одновременно и льва, и свирепого черного быка. То, что творилось дальше, уже не выглядело безобидным весельем. Бык стремительно пошел на льва, зажал его в угол и, поддев хищника рогами, подбросил высоко вверх. Лев пытался вывернуться, и каждый раз, когда бык настигал царя зверей, беднота приходила в буйное возбуждение, орала в негодовании и проклинала хищника. Спустя короткое время лев был измотан. Он падал и вставал, стараясь когтями зацепить врага, но все его попытки были тщетными. Еще один заход противника — и лев жутко зарычал. Рык истерзанного зверя раздался еще несколько раз с небольшими паузами. Наконец все кончилось. Бык, закончив кровавое дело, отошел в угол клетки. Было видно, как из его ноздрей валит горячий пар, а тело обливается потом. Кто бы мог подумать, что домашняя скотина повергнет самого царя зверей!

Бабуджан появился из ниоткуда:

— Давай, двигайся, это зрелище для дураков. Все самое интересное происходит внутри дворца.

— А что там? — с нескрываемым любопытством спросил я.

— Все для того, кто ужасно голоден. Там закололи и жарят на вертеле целого быка. Приготовлено огромное количество прекрасных блюд, начиная с плова и заканчивая ребрами барашка в соусе из сливы. Короче, все самое изысканное, чтобы ты мог почувствовать себя избранным.

Когда мы прошли через охрану и попали внутрь, я почувствовал себя гораздо лучше. Так, словно сделал глоток свежего воздуха в горячий полдень. Тело расслабилось и будто воспарило. По ту сторону стен остался мир, где люди лезли друг другу на шею, толпились под палящими лучами солнца и к тому же дурно пахли. А здесь — простор, тень и чистый воздух.

Широкий дастархан посредине дворцового зала был уставлен яствами. Рядом, как и говорил Бабу, на вертеле жарился бык. Прислуга проворно отрезала небольшие куски мяса и подавала их гостям. Среди угощений был и черный рис, который мне однажды довелось попробовать в Баме, а также рис других видов. А еще можно было насладиться и зажаренной антилопой, и бескостной рыбой с берегов Каспия, и красными крабами из Персидского залива. Множество голодных ртов запивало эти лакомства винами из Шираза и с предгорий Кавказа, которые потреблялись почти без остановки, так как гостям хотелось все больше и больше этих сладких, холодных, пьянящих напитков.

Бабу и я наполняли желудки, запивали еду вином и всматривались в гостей, коих было не менее сотни. Делились мы и последними новостями. Дворец, как всегда, был полон слухов, сплетен и интриг. Участились нападки на духовенство. Нынешнего садра¹ упрекали в том, что он недостаточно энергично продвигает шиизм на восток от Империи. Вину ему ста-

¹ Главное религиозное лицо империи Сефевидов; при Тахмасибе I они менялись несколько раз, причем эту должность могли делить двое сановников.

вили и то, что он это якобы делает со злым умыслом, в интересах врагов правящей семьи. Дела на наших восточных границах и впрямь шли не очень хорошо. Отчасти поэтому меня и отправляли в Бам. Но не все было так просто. Нездоровые амбиции садра стали главной причиной для готовившейся опалы. Некоторые сановники никак не могли понять одного — ни в коем случае нельзя путать власть Повелителя со своей властью, ибо власти, подобной шахской, ни у кого не было и не будет. Это почти беспредельная власть одного избранного Аллахом человека, а он не ишак Ходжи Насреддина — все видит и слышит. Когда Повелитель наделяет кого-то властью, он в первую очередь наблюдает за тем, как поведет себя этот человек. Куда он ходит по вечерам, какие гости к нему заглядывают на огонек, о чем они говорят промеж собою. И человек вроде великого визиря Казвини, наделенный умом, получив власть, становился тише воды и ниже травы, скромнее маленькой букашки, он был со всеми вежлив, старался каждому услужить. Мог по приказу Шахиншаха без тени сомнения истребить целый вражеский род, однако в жизни держался без вызова, и чем выше поднимался по должности, тем скромнее становился. Видимо, нынешний садр этого не понял. Вопрос заключался только в том, насколько строго, когда и в каких пределах Шахиншах его накажет.

Вскоре в толпе раздался веселый хохот. Так выражали свою радость гости, увидевшие танцовщиц. Они появились будто бы из ниоткуда и, пройдя между нами, направились к центру площади. Та, что проскользнула мимо меня, успела дотронуться до плеча

и зажечь во мне огонь. А вино и женщины, как говорится, — смертельная смесь.

На всех были надеты шелковые накидки, а вокруг тонкой талии красовались цепочки из серебряных монет, которые громко звенели при каждом движении. Под прозрачными накидками девушек вырисовывались пышные груди и красивые, мощные бедра.

— Держи себя в руках, Повелитель присматривает за ними, — шепнул мне на ухо Бабу.

Это охладило мой пыл, и мы направились в гущу толпы, уступив место в первом ряду заморским гостям. Но даже отсюда танцовщицы приковывали к себе все наше внимание.

— Почему их семь? — вдруг спросил я.

— Это в честь произведения Низами «Семь красавиц», — ответил мой друг-всезнайка.

Танцовщицы тем временем создали какую-то только им одним понятную фигуру: две из них встали в первом ряду, три девушки расположились посередине, а еще две — позади остальных. Под журчащий звук воды фонтана все они одновременно начали танцевать. Их руки плавно, точно змеи, извивались, и это движение передавалось талиям и бедрам. Похожие движения повторялись несколько раз подряд. После чего они резко остановились и улыбнулись гостям.

— Шад башид¹! — громко, в один голос, закричали красавицы и медленно стали стягивать накидки с пышных бедер, все больше и больше обнажая их. Когда эти прекрасные части тела были максимально

¹ Радуйся (фарси).

открыты, они бойко повернулись спинами к зрителям и каждая принялась трясти задом.

О! Это были самые красивые женщины большой Империи — арабки Евфрата, Ливана и Йемена, рыжая красавица из Абхазии, темнокожая индианка, белоснежная кумычка и сильная дочь кыпчакских степей. Но по всему чувствовалось, что только три арабские танцовщицы, которые находились посередине, в совершенстве владели своим телом. Их плоть не тряслась, а возбужденно переливалась, словно воды Амударьи.

Я почувствовал нарастающую в воздухе страсть. Гости вокруг один за другим теряли голову, но боялись это показать. Мне вдруг подумалось, — как наш Повелитель наслаждается этими красавицами — по одной или же они ублажают его все сразу?..

Но самое интересное только готовилось. Позади послышался дробный стук барабанов, который зазывал нас в противоположную сторону внутреннего дворца. Танцовщицы как будто только и ждали этого сигнала. Быстрым шагом двинувшись на звук барабана, они повели нас прямо к месту главного события.

Здесь был устроен огромный искусственный водоем. Он примыкал к стене дворца, где располагалось большое деревянное колесо, создававшее небольшой водопад. На башнях вокруг площади стояли барабанщики, одетые в форму турецких янычар — длинные белые халаты. Такая символика была неспроста, ведь янычары веками наводили ужас на крупные прибрежные города. Во время набегов они дико кричали, и их голоса смешивались с сильной барабанной дробью, которую отбивали специально натренированные сол-

даты. Люди, засевшие в крепости, в страхе думали, что на них идет целая армия, хотя реальная численность осаждавших была намного меньше. Шахиншах же хотел показать, что эти грозные барабанщики хороши только для того, чтобы пугать гостей на его пирах.

И вот появилась она — красавица из красавиц, жемчужина гарема, прекрасная Райхана, о которой все говорили, но никто не видел ее в глаза до этого момента. Райхана была словно вся выткана золотыми нитями на дорогом шелке. Все в ней было идеально. Полные, но упругие груди, которые, казалось, пахли свежестью утренней росы, прямая осанка, присущая только людям голубых кровей, тонкая талия, точно нарисованная мастером миниатюры, и этот вызывающий взгляд. Так учат смотреть только в лучших гаремах Востока: содержательный, волнующий и загоняющий в угол взгляд должен стать первым и самым грозным оружием рабыни.

Обнаженное тело Райханы было покрыто тонкой накидкой, сквозь которую просвечивали черные соски.

— Как она осмелилась появиться в таком виде перед мужчинами? — задыхаясь, спросил я Бабуджана.

Это не было праздным вопросом. Из века в век на Востоке существовало золотое правило: если мужчина увидел те части тела девушки, что должны быть сокрыты, она сразу же становилась его собственностью, и он мог делать с ней все, что захочет.

— Не знаю, но я теряю голову, мой друг, — ответил Бабу.

Вскоре он просто исчез. Наверное, пошел в очередной раз затянуться, чтобы снять напряжение.

Все остальные находились в нестерпимом ожидании танца Райханы. Повернувшись к нам спиной, она медленно шла к водопаду и, смеясь, выкрикивала:

— Как чистый снег вершин, сверкает мое тело сейчас, Хосров...

Слово «Хосров» она произносила как стон, звучащий в конце близости, вкладывая в имя великого Повелителя всю свою страсть. И в этот момент барабанная дробь усиливалась.

— И дрожит, как лунный луч в струистой влаге, Хосров...

И снова барабанная дробь слышалась в воздухе. Каждый раз, когда барабаны умолкали на время, танцовщица выкрикивала какое-нибудь интригующее изречение, словно стараясь показать, что главная ее сила не в идеальных ягодицах и упругой груди. Пока Райхана очаровывала публику словами о своих жасминоподобных персях, которые способны открывать двери дворцов, струи холодной воды стекали по ее телу, еще соблазнительнее вырисовывая все прелести.

Гости сходили с ума; если бы не охрана, то они разорвали бы танцовщицу, которая не только страстно говорила, но и не менее страстно ласкала себя. Аллах всемогущий, зачем ты проводишь нас через это испытание?!..

Когда возле меня упал один из гостей, а другой пролепетал что-то невнятное, Райхана выкрикнула:

— Не поражает лев уже сраженной дичи, Хосров!

Необходимо было все это остановить, и вот Райхана так же резко исчезла, как и появилась. Она просто перешагнула через льющуюся струю и будто растворилась внутри водопада.

Все замерли в ожидании. Красавица не появлялась. Начали доноситься недовольные возгласы на чужеземных языках. Танцовщицы все не было и не было. Лишь когда толпа, обозлившись, поползла назад, вновь раздался сильный перестук барабанных палочек. Нужно было видеть лица этих несчастных, сколько радости и надежд было в их пьяных и голодных глазах.

Райхана не позволила публике разочароваться в себе и вскоре появилась за струями водопада абсолютно обнаженной. Сначала показалась ее точеная рука, потом выступили красивые ноги. Толпа заревела так, будто взорвался вулкан. Райхана повернулась спиной к людям и начала медленно и плавно вращать бедрами. Увидев это, я потерял дар речи и поймал себя на мысли, что сердце бьется так, словно это последние секунды моей жизни. И тут настал час истины — она выпрыгнула из воды, полностью показавшись на мгновение, и опять крикнула в толпу:

— Не поражает лев уже сраженной дичи, Хосров!

Эти слова стали искрой в бочке с порохом. Гости сорвались с мест и двинулись на танцовщицу. Но не тут-то было. Откуда ни возьмись появились стражники и встали стеной между нами и Райханой. Чужеземцы кричали и рвались к ней, а она, находясь в безопасности, лукаво посмеивалась над ними.

Глава 11

*Был мне указан край; когда ж достигли сада,
Нашли проклятых в нем; взяла меня досада.*

Я пришел домой полностью разбитый. Нет, Райхана не была женщиной. Нет, нет и еще раз нет. Она была высшим воплощением того, что веками оттачивалось в гаремах, — искусства обольщения, достойного одного Повелителя. Только сейчас заморские гости поняли, кто такой Шахиншах и какой Империей он правит.

При этом такой искушенный ум, как мой, не мог не озадачиться вопросом о политической подоплеке праздника. Что должно было нам сказать представление, напомнившее народу о временах могущественной персидской империи? Ведь даже танцовщицы обратились к гостям на фарси! Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять — это дело рук персидской группировки. Именно она заинтересована в том, чтобы связать Сефевидов с Сасанидами и другими персидскими династиями. Моя интуиция говорила о том, что история с ковром тоже может быть связана с новыми веяниями — иначе почему выбран сюжет о Хосрове. Да, персы никогда не забывали о своем былом величии, и даже при дворе тюркского Шаха пытались исподволь проводить свою линию. Но зачем Повелитель потакает им? Вот в чем был главный вопрос.

Но сегодня все-таки был день страсти, и этот рок не отпускал меня. Сняв одежду, я повалился в постель, и тотчас заметил, что среди десятков теней, отбрасываемых в мою комнату деревьями, одна была какая-то необычная. Эта тень не менялась и не принимала форму ведьм, гигантских птиц или кораблей. Она застыла в углу, будто ожидая своей очереди. Но вот мгновение — и тень оказалась у моих ног. Теперь она стала похожа на моего Алабая, смирно сидящего рядом с хозяином. Вскоре тень еще раз пошевелилась. Во тьме сверкнули глаза. Сверкнули и загорелись таинственным светом, состоящим из десятка оттенков драгоценного изумруда. Разумеется, это была Муниза. Обнаженная, с распущенными волосами, едва скрывающими ее свежие груди и изящные линии тела, она казалась просто обворожительной.

Когда холодные руки наложницы коснулись моих ног, я невольно отдернул их.

— Прости меня, хозяин, прости меня, я твоя, — шепотом проговорила рабыня.

Захотел ей ответить и почувствовал, что Муниза снова придвинулась. Теперь рабыня страстно облизывает пальцы моих ног, а ее руки ласкают мои бедра. Она бесподобна.

Муниза в тот же вечер была прощена. Крепко обхватив меня сзади, прильнув к моей спине, она заснула. Этой ночью я тоже спал сном младенца, чувствуя себя в райских садах среди прудов с лотосами и цветущих акаций, что так красиво представлены в хадисах.

А наутро мои мысли были заняты новым поручением великого визиря.

Я получил приказ двигаться в сторону Самарканда, где должен был вручить подарки от нашего Повели-

теля главе Дома Шейбанидов Кучкунджи-хану¹. Хан последние два года был нездоров, и это очень ослабило его власть. Нужно было разузнать, кто имеет больше всего шансов заменить старого правителя. А из Самарканда мой путь лежал в киргизские степи. Но все это было внешней, видимой стороной дела. Главное заключалось в том, что мне поручили тайно добраться верхом на лошади в Маргилан и разузнать, кто из местных мастеров получал заказ на дорогой шелк, когда это произошло и кем были те люди, которым он требовался. Необходимо собрать любые сведения, касающиеся даже наших торговцев, а скорее всего — именно их. Эти жадные на деньги глупцы, сами того не ведая, могли стать прекрасным орудием в руках врагов.

Это задание необходимо было исполнить негласно. Кто и когда заказал объем шелка, нужный для изготовления сулейманова ковра? Куда он был направлен затем? Кто был покупателем? Какие перекупщики, мастера и мастерские могли быть причастны? Чтобы получить ответ на каждый их этих вопросов, требовалось проделать большую и довольно кропотливую работу.

Я попросил сардара Казвини дать в помощники тех ребят, что плавали со мной в Страну Темных морей. Визирь сказал, что кроме Рашхдата, Джавада, Кермана и Рази в моем распоряжении будет как минимум пятнадцать человек.

¹ Кучкунджи-хан — с 1510 по 1530 год правитель Бухарского ханства из династии Шейбанидов. Неудивительно, что Казвини беспокоится о его здоровье — к началу 1530-х годов, на которое приходится время романа, Кучкунджи-хан уже несколько лет как умер (1530-й).

— Чем вас больше, тем больше вероятность, что, разбившись на группы, вы сможете вернуться назад живыми, — произнес он.

Хорошее напутствие, ничего не скажешь. Я вспомнил своего отца. Ведь он тоже не вернулся с задания. Какое поручение ему дали и что с ним случилось? Тяжелые мысли угнетали меня.

Так-то Самарканд считался прекрасным местом для беззаботной жизни. Со всех сторон его окружали красивейшие и богатые деревни, сам город выглядел цветущим и гостеприимным, а рядом протекала полноводная река. Людей на улицах было так много, как у нас после пятничных молитвенных дней, которые считались праздничными днями. Да и сами базары мало чем отличались от наших — площадки для ремесленников, портных, торговцев рабами и коврами. Прибыв в город, мы первым делом помылись в бане, затем отведали чудесного барашка в рисе, а уж потом отправились на поклон к местному правителю.

Хан согласился принять нас в одном из медресе Регистана — главной площади города, его жемчужины. Красота здесь была неопишуемая, подобную можно лицезреть только в столицах больших империй. Неподалеку, на возвышенности, окруженный стенами, виднелся Куксарай¹, или Голубой дворец, главный дворец Амира Тимура, с примыкающим к нему Бустансараем — Цве-

¹ Куксарай (построен в 1370-е) и Бустансарай не дошли до наших дней; они сильно пострадали во время междоусобиц в начале XVIII века, а после утраты Бухарским эмиратом независимости были окончательно уничтожены по решению российских властей. Последним виды дворца запечатлел Василий Верещагин в своей «Туркестанской серии» (1870-е).

точным дворцом. Резиденции других восточных владык не шли ни в какое сравнение не только с Куксарам, но даже и со зданиями медресе и мечетей, что открылись нашему взору. Поспорить с этим великолепием могли только дворцы нашего Шахиншаха.

На площади нас встретил один из вельмож двора с небольшой свитой. Он сообщил, что нас примут в новом медресе Шейбани-хана с позолоченной кровлей¹. Рядом находилось знаменитое медресе мирзо Улугбека², построенное более столетия назад.

От меня, разумеется, не скрылся тот факт, что место приема было выбрано с умыслом. Бухарские чингизиды хотели напомнить нам, посланникам Шахиншаха, сразу о нескольких вещах — о своей связи не только с Чингизом, но и с Тимуридами, — ведь Улугбек был внуком великого завоевателя, а также о славе Самарканда как научной столицы исламского мира, ведь при Улугбеке здесь был собран цвет мусульманской учености — великие астрономы, математики, историки и врачи, а сам Улугбек стал не только автором превосходных астрономических таблиц, но и прославился как поэт. Ну а то, что принимали нас в новом

¹ Медресе Шейбани-хана было построено в начале XVI века, первое известие о нем относится к 1504 году. Здание утрачено в годы Советской власти. Важно понимать, что медресе Самарканда были не только и не столько религиозными школами; скорее их можно сравнить с университетскими центрами.

² Мирзо Улугбек (1394–1449) — правитель державы Тимуридов, внук Амира Тимура, но в первую очередь выдающийся ученый и просветитель. Автор точнейших для своего времени астрономических таблиц, строитель передовой обсерватории и трех медресе — в Самарканде, Гиджуване и Бухаре. На портале последнего надпись из хадиса Мухаммеда: «Стремление к знанию есть обязанность каждого мусульманина и мусульманки».

медресе Шейбанидов, должно было заявить — слава Самарканда простирается не только в прошлое, но и в настоящее, и в будущее: и при новой династии город остоится жемчужиной изящества и просвещения¹.

Ах, Самарканд! Эти купола мечетей небесного цвета, огромные площади и похожие друг на друга, как две капли воды, великолепные здания! Снаружи они были расписаны так искусно и изящно, что утонченные линии и оригинальные узоры казались почти живыми.

— Потрогай их, все гости так делают, — сказал мне вельможа, назвавшийся Абдулатифом², и, не спрашивая, провел моей рукой по стене.

Я ласкал холодную поверхность, ощущая легкие изгибы линий. Но здесь чувствовалось и нечто большее — эти камни были согреты талантом сотен архитекторов, каменщиков, художников и надсмотрщиков над ними. Хромой Тимур полмира залил кровью. Он

¹ Бабур (тимурид, основатель империи Великих Моголов, поэт) с иронией отзывался о просвещенности Мухаммеда Шейбани и писал, что при захвате Герата безграмотный хан взялся учить знаменитых богословов толковать Коран и даже стал править рисунки Бехзада. Впрочем, это высказывание могло быть продиктовано личной неприязнью: Шейбани-хан был политическим противником Бабура; в частности, он отобрал у него Самарканд и вынудил покинуть родину, отправившись на завоевание Афганистана и Индии. Цитата: «...После того, как Шейбани Хан взял Герат, он очень дурно обошелся с женами и детьми (обоих) государей, не только с ними, но со всем народом. Ради преходящих благ нашей краткой жизни он учинил всевозможные грубости и непристойности... Всех поэтов и даровитых людей Шейбани Хан отдал во власть мулле Беннаи... Несмотря на свою безграмотность, учил Кази Ихтиара и Мухаммед Мир Юсуфа — знаменитых и даровитых гератских учёных — толковать Коран; взяв в руки перо, он исправлял писания и рисунки Султанф Али-и Мешхеда и художника Бехзада...»

² Абдулатифом звали одного из сыновей Кучкунджи-хана.

не щадил никого, считаясь одним из самых жестоких правителей, каких знала история. Но при одном взгляде на мавзолей Тимура и постройки рядом язык не поворачивался назвать его тираном и кровопийцей¹.

— Почему краска этих расписных стен не померкла с годами? — спросил я вельможу.

— Здесь использовалось все самое лучшее! Для получения такой чудесной красной краски в наших горах собирают кошенильного червеца, причем берут только самок. Затем их сотнями варят в больших казанах. Если варить долго, то получается темно-красный цвет, а если хотят получить приятный алый, то варят полдня. Такая краска не теряет яркости веками, — похвастался вельможа.

— Их ведь также используют для окраски ковров?

— Да, этим раствором можно красить все что угодно — даже фрукты, яйца, животных. Мы так и делаем на Навруз и Рамадан.

Внутреннее убранство медресе также оказалось восхитительным — полы застелены огромными коврами, а наверху божественно расписанный купол. По краям он был обведен золотыми узорами, которые уносили за пределы воображения. Не дано человеку без помощи Аллаха создать такое совершенство, — сказал я себе.

Как только мой взгляд зацепил купол, словно земля ушла из-под ног, а по телу пробежала холодная дрожь. Откуда-то слышались детские голоса. Я подумал, что начинается помутнение рассудка, как бывает после курения гашиша. Но нет; в этот момент в зал,

¹ Мавзолей Гур-Эмир на улице Регистан, в котором похоронены Тимур и его потомки, в том числе мирзо Улугбек.

что-то напевая, из множества дверей стали выходить девочки и выстраиваться перед нами. Все они имели прямую осанку, были одного роста и одеты в одинаковые наряды. Даже волосы были заплетены совершенно одинаково — во множество тонких косичек. Девочек становилось все больше и больше. Скоро их собралось человек сорок, и они запели хором.

Их голоса будто сливались в одну бурную реку. Она то поднималась, переворачивая большие камни, снося аулы, сметая все на своем пути, то превращалась в звонкое чириканье маленьких птиц. Все это звучало красиво и гармонично.

— Как эти дети умудряются так слаженно петь? — поинтересовался я.

— У них есть учитель из далеких краев, что за синими морями. Это он их воспитывает, учит искусству, целый день с ними возится, — ответил Абдулатиф.

Девочки продолжали петь, а я в наслаждении взглянул вверх. Все повторилось, как в том храме на совсем другом конце света, где я искал змеиное яблоко. Такое же ощущение божественности и оторванности от мира. Если и был рай, то он непременно напоминал то, что я сейчас видел, слышал и, самое главное, испытывал.

Мгновение — и все смолкло. Дети так же быстро исчезли, как и появились. Они ушли, но ощущение откровения долго не покидало меня.

Оглянувшись вокруг, я увидел, что Абдулатиф исчез. Рядом с нами стояли несколько человек его свиты, а вскоре в зал вошел еще один вельможа. Он извинился, объяснив, что эмир находится за пределами города и потому не может принять гостей лично. Зато сейчас нас проведут ко второму человеку после

правителя ханства. Им оказался мужчина на склоне лет в накидке черного цвета. Он добродушно принял наши подарки.

— Я передам ваше послание, — тихим голосом начал он. — Вы проделали долгий путь и оказали нам большую честь своим визитом. Мы исполним все ваши пожелания.

— У нас нет никаких пожеланий, великий сардар. Мы радуемся вашему счастью, ибо оно и наше тоже, — произнес я.

Вельможа внимательно посмотрел на меня. Его узкие глаза говорили то, что скрывали губы, и я понял, что допустил ошибку. Они знали, что мы всегда считались если не самыми умными, то уж точно самыми хитрыми на Востоке. Наверняка старик уже начал задавать себе сложные вопросы: только ли ради поздравления приехал к нам этот гонец из Дома Сефевидов? Сдается, он слишком важная птица для такой простой процедуры!..

— Как вам понравился наш хор?

— Это пение так же красиво, как и ваш город. Мне сказали, что их наставник чужеземец.

— Вам сказали неправду. Много веков назад у нас появилась такая традиция: когда юные мастерицы ткут ковры, девочки поют именно эту песню. Странно, что Бехзад вам ничего не рассказывал про нее.

Бехзад! Это имя всплыло неспроста. Наш разговор перешел на зыбкую почву. Быстро уходи оттуда, где произносят имя Бехзада, — вспомнилось мне наставление Казвини. Ведь мастер долго был гордостью Тимуридов и Шейбанидов, служил в Бухаре, а уже потом оттуда сбежал к Шахиншаху Исмаилу, отцу моего

Повелителя. Конечно, можно просто притвориться человеком несведущим, сказав, что я с ним никогда не встречался и вообще знать его не знаю. Но было уже поздно: собеседник определил, что я себе на уме, как тот иблис¹, который свел с ума царя Зохака².

— Мне не раз доводилось слышать при дворе моего Повелителя о том, как велики знания, которые Бехзад получил здесь. О том, что именно Бухара и Самарканд помогли этому человеку стать великим³. Потому первое, что я собираюсь сделать сразу же по возвращении домой, великий сардар, — непременно рассказать, каким чудом является Самарканд.

— Это хорошее желание, мой друг. Однако славе наших городов многие столетия. Ты не откроешь ничего нового, — мягко осадил меня вельможа.

Он что-то почувствовал, — еще раз сказал я себе.

— «Коль кипарис поднимет к небу стан, то на кустарник не глядит фазан», — так говорил Фирдоуси. То, что я увидел здесь, никто мне так не описывал. Я передам все так, как узрел собственными глазами.

— Смотри же! Сумей сделать это так, чтобы твой Повелитель не захотел завладеть этой красотой. Такое бывает сплошь и рядом, — усмехнулся старик.

¹ Иблис — имя дива, который из-за гордыни был низвергнут с небес.

² Зохака или Заххак — легендарный «змеинный царь» из «Авесты», соблазненный дивом Иблисом, убивший своего отца, а затем захвативший персидский престол. Также упоминается у Фирдоуси в «Шахнаме». Из плеч Зохака росли две змеи, которых он кормил человеческим мозгом.

³ Неприкрытая лесть! Бехзад — крупнейший представитель гератской школы миниатюры, в Бухарском ханстве он провел всего несколько лет.

Еще одна ошибка — и они нас вырежут, — подумал я. Мне не привыкать к опасности; в бою всякое случиться может — иной раз ты даже не успеешь толком испугаться, как уже рубишься с врагом. Но когда с тебя тихо и медленно сдирают кожу, да еще и сверху посыпают рану солью, — это совсем другое дело! Это другой ад.

Повисла пауза. Я догадывался, что моя следующая реплика станет решающей. От нее зависело, какими мы отсюда выйдем — живыми или мертвыми. Такое часто бывало в наших краях: подозрительных гонцов резали без пощады. Тем более что местные эмиры натерпелись от Шаха Исмаила. Он вторгался в эти земли не раз и в последнем походе убил отца-основателя династии Шейбанидов, Мухаммеда Шейбани-хана. С тех пор Шейбаниды дружили со всеми врагами Дома Сефевидов. Особенно тесные связи были у них с османами, такими же суннитами, как и они.

За светскими любезностями стояло желание хозяев узнать, в чем состоит настоящая причина нашего визита. Не готовим ли мы очередное вторжение?

Вдобавок при разговоре я допустил серьезную ошибку. Ведь Фирдоуси — это символ борьбы персов с тюрками. А я надумал его цитировать человеку, который откровенно ненавидит все персидское. Конечно, герои поэмы «Шахнаме» отчасти легендарны, сплошь и рядом они борются с потусторонними, волшебными существами — дивами, но не могучий ли Рустам поверг турка Афрасиаба?¹

¹ Афрасиаб — правитель туранцев в «Авесте» и в «Шахнаме» Фирдоуси.

— Сардар, не мне принимать такие решения. Но если кто-то спросит моего мнения, то мой ответ будет однозначным, — как можно более спокойно ответил я, стараясь не выдать внутреннего напряжения.

— Сколь однозначным? — прищурившись, спросил вельможа.

— Я не могу это с вами обсуждать. Но ангельское пение не услышишь на войне, а если мы все разрушим, то никогда не сможем насладиться дивными голосами вашего хора.

Тонкая улыбка вельможи слегка разрядила атмосферу. Он поднялся и, проходя мимо, в знак уважения похлопал меня по плечу.

— Позже вас угостят любимым блюдом Чингисхана, — на прощание сказал он.

Холодная дрожь пробежала у меня по спине — что еще за любимое блюдо Чингиза? Надеюсь, он не имеет в виду, что нас самих сварят заживо?.. Вельможа весело рассмеялся и дал знак проводить нас к выходу.

Лишь поздно вечером, когда я остался наедине с собой, еще раз пришло осознание того, насколько мы были близки к смерти. От пришедшей мысли меня всего затрясло. Тело покрылось холодным потом, зубы начали часто постукивать друг о друга, а ноги словно окаменели. Боясь к ним прикоснуться, я, собрав последние силы, свернулся в комочек на теплой постели и с головой укутался одеялом. Так и заснул.

Глава 12

Лишь разуму дано тьму воинов смести.

Мечом ты их сметишь не больше десяти.

Поскольку любимым блюдом Чингисхана мы все-таки не стали, то у меня есть возможность вам о нем рассказать. Оно, несомненно, заслуживает особого внимания, так как в нем, как и вообще в жизни, присутствуют сразу две стороны — прекрасная и ужасная.

Итак, на дно больших казанов выкладывают очищенные речные камни, а сверху помещают куски свежей баранины и лук, нарезанный дольками. Затем все это покрывают еще одним слоем камней, на этот раз смазанных соусом из черешни или сливы. Следом кладут мясо, опять слой камней — и так до самого верха. После этого казаны до середины наполняют речной водой и ставят на огонь. Варка мяса продолжается до тех пор, пока не испарится вода. Трудно сказать, что за магия совершается внутри, но баранина после этого становится нежной и тонкой, как лепесток ландыша.

Хабибулло — провожатый, которого нам выделили после встречи с ханским вельможей, рассказал, как однажды на Руси Чингисхан долго осаждал один из городов. Когда он наконец-то смог его взять, то приказал некоторым пленным лечь на землю, после чего завалил их огромными булыжниками. Стоны и моль-

бы о помощи только подогревали его разыгравшийся азарт. Он распорядился привести еще пленников, и их всех постигла та же участь. От раза к разу гора становилась все больше и больше. Она напоминала одну гниющую рану — со всех сторон текли реки крови невинных людей.

Чингисхан нисколько не сожалел о содеянном злодеянии. Напротив, эта жуткая картина успокаивала его пыл и даже ублажала. Один Аллах знал, какой цели он хотел достичь в этот день. Наверное, сам Иблис завладел его душой. А может, в этот самый миг бесчеловечной жестокости, глядя на гору умирающих людей, он осознал свою истинную сущность и возгордился ею? Напоследок завоеватель велел добить всех, кто еще подавал признаки жизни, после чего покинул страшное место казни.

Именно с тех самых пор Чингисхан и повелел готовить мясо на камнях. Оно придавало ему силу. Он верил, что многочисленные любовницы, непременно девственные, извращенная пища и колдовство сделают его по-настоящему бессмертным.

Если бы не красиво накрытый дастархан, за которым мы сидели, мне бы стало худо после рассказа Хабибулло. В том-то и заключается парадокс жизни — запредельная дикость и искренняя человечность пересекаются, братаются и уживаются вместе, как чистые горные реки с пугающим бурным морем, куда они впадают. Стол, на который было подано мясо по рецепту Чингиза, был заполнен еще и десятками других лакомств. Такие богатые приемы мне раньше приходилось встречать только у нас в Тегеране. Здесь можно было испробовать, наверное, все на свете фрукты — крупный кишмиш, курага, персик и их не

менее вкусные подоби́я. Зелень, пряности — язык мог ощутить любые вкусовые оттенки!..

Как бы то ни было, мы покидали Самарканд с приятным чувством. Но Восток есть Восток, и в душе оставалось ощущение недосказанности. Во всем этом визите было что-то, о чем я не знал; эта тайна будто витала вокруг нас.

В Маргилан мы решили двигаться, сделав большой крюк: поднялись вверх по берегу Каспия, чтобы не привлекать к себе внимания, а дальше углубились внутрь континента по кыпчакским степям.

Этим маршрутом идти было намного дольше и далеко небезопасно, поэтому мы редко пользовались им. Однако не мешало изучить эту дорогу в деталях, узнать все подробности. Мне все было интересно: какие города нам встретятся на пути, чем промышляют их жители, каким традициям здесь следуют и по каким законам живут. И самое главное — мне хотелось увидеть родину Мунизы.

Холод, дичайший холод — вот каким было первое впечатление от этих краев. И безграничные степи, которые давали ощущение странной умиротворенности. На второй день пути нам пришлось познать все трудности борьбы с природой — холод, безводие, высокие, малопроходимые горы, бесплодные земли и бесправие людей окружали нас. Как, вы спросите, я смог узнать все это в течение двух дней? Да очень просто — степь простиралась во все стороны и казалась поистине бескрайней, а людей здесь проживало очень мало. Тем легче было их притеснять, запугивать и подчинять своей воле.

Но сначала был все-таки холод. Наши кони выдыхали горячий пар, и мы сами были в поту из-за быстрой,

непрекращающейся езды. Одежда на нас покрылась льдом. С моего камзола из медвежьего меха свисали чуть ли не сотни сосулек. Так мы проскакали несколько дней, пока не повстречали пару хижин округлой формы, жители которых при нашем приближении тут же начали прятаться.

Глубокой ночью холод просто рассвирепел. Пришлось разжечь огромный костер, привязать лошадей рядом, накрыв их тем, что попало под руки, а самим прилечь отдохнуть. Спали мы по очереди. Однако все это почти не помогало. Как бы тепло ты ни был одет и обут, все равно ветер пробирал тебя насквозь.

Радовало одно: мясо в такую непогоду не теряло своего вкуса, и мы смогли наесться досыта. Испокон веков в наших краях существовал собственный метод заготовки еды в дальнюю дорогу. Используя копченые бараньи хвосты для получения сала, мы зажаривали мясо в больших емкостях, добавляя туда из пряностей чеснок или душицу. Все это складывали в глиняные кувшины и плотно закрывали их, туго обвязывая всю поверхность крепкой веревкой. После такой упаковки можно было не опасаться, что кувшин разобьется. Правда, мясо иногда слегка пахло, но другой еды в пути у нас не было. Благодаря этим запасам можно было хоть как-то поддерживать здоровье и силы в дороге.

Находясь вдали от дома, по старой привычке я предавался размышлениям. Оставшись без ласковых объятий Мунизы, чаще всего я думал именно о ней. Многие вещи, которые казались мне странными в ее поведении, теперь находили объяснение. Я вдруг понял, что причиной скрытности характера Мунизы была сама

жизнь местных племен, дома которых могли находиться на расстоянии нескольких дней пути друг от друга. Эта отдаленность делала ее сородичей замкнутыми, жесткими и очень выносливыми. По-другому здесь было просто не выжить. Местные ничего не выращивали — лишь перегоняли скот с одних пастбищ на другие, порой жертвуя своей жизнью в борьбе с природой. Здесь не было, пожалуй, самого главного, что придает глубину смысла всей жизни, — потребности думать наперед, строить планы на будущее, созидать. Мы не увидели здесь ни красивых домов, ни изящных мечетей — ведь прежде, чем создать что-то подобное, нужно было вообразить будущее здание, затем так же красиво нарисовать его на бумаге, после чего подсчитать расходы на строительство, привлечь лучших мастеров и привезти качественные материалы со всех концов мира, чтобы завершить начатое дело. Процесс созидания сложен от начала до самого конца. Сотни, если не тысячи людей различных сословий и профессий становились частью великих замыслов, — вспомнить хотя бы медресе Улугбека или новый шахский дворец Голестан, — их умения, мысли и даже чувства воплощались в результате коллективного труда. А тут, в бескрайних степях, для людей сам смысл подобных усилий был неочевиден.

Наверное, именно поэтому Мунизе так и не удалось полностью понять Тегеран. Ее способностей хватало только на то, чтобы каждый раз по-новому ублажать своего хозяина. Но она не могла, да и не хотела понять, что меня нельзя околдовать глупыми заклинаниями и снадобьями, чтобы после женить на себе и родить мне детей. До этой женщины никак не доходило, что

я не имею права иметь от нее потомство. Вовсе не потому, что Муниза была рабыней, нет. Просто она принадлежала к совершенно другому миру.

В чем заключается величие тюркской женщины? Завладев ею, ты овладеваешь целой империей — она умна, обладает чувством собственного достоинства, знает себе цену. Я не встречал такой стати, такого искусства обольщения у женщин других народов. Только у нас, на огромных просторах Турана, сохранились все те знания, которые были накоплены веками, и в особенности — понимание особой значимости представительниц слабого пола. Как говорил один мудрец: женщина — это воздух, нет ее — нет и жизни. Вспомнить одну только Сару-хатун¹, которая своей дипломатией стоила нескольких армий. Иначе обстояло дело в соседних странах, где женщина считалась лишь средством для продолжения рода, что являлось корнем всех бед и несчастий.

Пока мы добирались до Маргилана, было заметно, как меняется климат. Когда мы с северных, полностью продуваемых предгорий спустились в Ферганскую долину, то увидели картину прекрасных зеленых лугов. На пути в город нам в обилии встречались тутовые сады. Шелковицу выращивали в огромных количествах и у нас в Тегеране; мы любили ее сладкие белые и терпкие черные плоды. Еще был так называемый хар-тут, самый ранний тут густого черного цвета, крупный и удивительно сочный. Я обожал его больше всего.

¹ Мать вождя туркоманской конфедерации Ак-Коюнлу Узун Гасана, деда Шахиншаха Исмаила по материнской линии. 1450–1460 годах была руководителем делегаций в переговорах с османами, мамлюками и тимуридами.

Местные жители работали прямо на деревьях. Срубали ветки с большими листьями, отвозили их в двухэтажные сараи и раскладывали наверху. Сама толстая гусеница с черными пятнами была удивительно прожорливым созданием. Днем и ночью она пожирала тутовые листья, наполняя свое ненасытное брюшко. Потом этот червь, набрав нужный вес, начинал замуровывать себя в кокон тоненькими, едва видимыми глазу шелковыми нитями, которые вытягивал из маленького отверстия в своих челюстях.

Внутри сараев стояла нестерпимая вонь. Она исходила от мертвых коконов шелкопряда, которые изменялись в цвете, становясь абсолютно черными и липкими. Вот из них-то и получали драгоценную шелковую нить, которая всем была так нужна.

Мы шли по полупустынной улице, как вдруг перед нами возник черный ишак. Он стоял в сторонке, в не приметном месте. Быть может, я и не обратил бы на это животное никакого внимания, но на его тонкой попоне меня случайно привлек вышитый тайный знак «бехишти афсар». Тот знак, которого я ждал. Теперь было необходимо как можно быстрее и незаметнее отделиться от своего сопровождения, а самое главное — скрыться от множества невидимых глаз, следящих за нами.

К счастью, ишак тронулся сам. Как будто кто-то незаметно дал ему хорошего пинка под зад, и он мирным шагом двинулся вперед.

— Расходитесь по сторонам, — сказал я своим сарбазам¹. — Джавад, Рази — вы двое, следуйте за мной. Как только заметите слежку, дайте знать.

¹ Удалец, рискующий головой (*фарси*).

Но ишак он и есть ишак. Как я ни старался его подгонять, глупое животное двигалось еле-еле. Временами он приостанавливался, что выводило меня из себя. Я ничего не мог поделаться и вынужден был переходить на медленный шаг.

Так мы перемещались где-то около часа, а затем свернули на узкую улицу. День был жаркий, пот с меня стекал ручьями.

Сначала я увидел даже не человека, а скорее тень, которая подала мне знак свернуть в нужный двор, где мы надолго не задержались. Вначале бродили по закоулкам, потом петляли между сараями и прядильными цехами, от которых также исходил неприятный запах.

— Здесь вас встретят, — наконец произнесла «тьень» на странном фарси и исчезла.

— Это диалект хазаров, — шепотом промолвил Рази.

Хазары были нашей опорой в этих краях. Хотя они и считались подданными Шейбанидов, но давно приняли шиизм. Именно поэтому суннитские правители не назначали их на высокие должности, не выделяли им хороших пастбищ и пахотных земель.

Вторая «тьень» появилась также внезапно. Этот второй подавал нам знак с крыши соседнего здания. Мы вошли внутрь, где встретили высокого мужчину лет пятидесяти или около. Рядом с ним, чуть позади, стоял еще один местный. Разглядеть лиц мы не смогли, так как оба предпочитали оставаться скрытыми в полутьме комнаты.

— Я знаю, для чего вы здесь, и хочу сообщить, что краски и шелк, которые ищите, были вывезены отсюда.

Мне показали остатки пряжи, которую использовали мастерицы для того самого ковра.

— Кто покупал эти товары? — поинтересовался я.

— Я скажу это только тебе одному, если ты здесь главный. Если нет, пусть останется тот, кто им является.

Мне было неловко смотреть на лица моих помощников. После стольких часов и дней, проведенных вместе в трудном пути, их выставляли на улицу в самый решающий момент, демонстрируя недоверие. Хотя по мне, это было совершенно правильно. Этот человек начинал нравиться мне своей осмотрительностью. Я распорядился, чтобы Джавад и Рази оставили нас. После этого хозяин знаком предложил мне сесть и сам опустился на ковер.

— Конечно, можно пойти традиционным путем — начать поиски торговцев, которые продали людям султана шелковую пряжу, красители, другие материалы, — продолжил мой неожиданный собеседник. — Но на это уйдет, полагаю, не меньше года. Ну и что, если они признаются, что продали кому-то товары на рынке? Весь мир покупает продукцию местных ремесленников и продает в нашем городе свою. Да, через некоторое время вы выйдете на нужных людей, они признаются, и часть картины станет явной...

— А нам большего и не надо. Нам необходимо только понять, кто и зачем затеял эту игру.

— Вот здесь ты не прав. Отчего не задаешь себя главного вопроса? Запомни: что бы ты ни думал, ты не прав.

Теперь я понял, что передо мной сидит очень влиятельный и могущественный человек. Он неспроста

произнес любимую фразу Казвини, и, наверное, также неспроста великий визирь попросил не забывать о его советах во время нашей последней встречи. Теперь у меня не оставалось никаких сомнений: мой собеседник был лично знаком с моим патроном. Скорее всего, он был неофициальным представителем моего Повелителя в этих землях.

— Султан Сулейман завершил свои дела в Европе. Пока все идет по его плану. Времени мало. Султан возвращается назад из Европы в Константинополь. Он захватил меньше, чем мог, но больше, чем ожидал. Сейчас его взоры будут устремлены на восток. Его агенты активизировались не только у нас, но, я думаю, и в других областях региона.

— Что вы советуете делать, сардар?

— Нужно постараться как можно быстрее раскрыть тайну, сокрытую в ковре. Как можно быстрее. Исчезновение Бехзада не должно нас останавливать. У меня есть люди, которые помогут разузнать все об этом полотне буквально за два дня. Завтра они будут ожидать вас на выходе из города. Бери их и скачи обратно. Времени у тебя нет.

От переполняющих мыслей моя голова сделалась тяжелой. Хотелось, чтобы эта история поскорее закончилась. Мне было уже все равно, кто победит. Интрига с ковром поглотила меня целиком, делая жизнь почти невыносимой. Скачки по степям, тайные встречи и непреходящее чувство неопределенности и страха — все это выматывало и лишало радости жизни.

— А что будет, если я послушаюсь вас и возвращусь назад с пустыми руками? Что я скажу господину? Ведь он не простит меня.

— Простит. Я направил в Тегеран гонцов, которые донесут мою позицию. Она довольно проста — секрет находится в самом ковре. Как только вы его раскроете, вся картина тут же проявится.

Я вышел на улицу и той же дорогой пошел обратно. Мы условились встретиться с моими сарбазами на рынке и, плотно поужинав, направиться на ночлег в ближайший караван-сарай. Настроение у меня было подавленное. Сколько я ни пытался отогнать мысли об этом проклятом подарке Сулеймана прочь, они все время возвращались к нему. Что же такого мы должны найти в этом злополучном подарке Сулеймана, чтобы все встало на свои места? В чем его секрет? В шелковых нитях, узорах, в узлах, из которых складывался рисунок, в толщине ковра или плотности сплетений? Аллах, сжался надо мной!

Меж тем ночь начинала вступать в свои права. Торговцы, продавцы, чайханщики, грузчики начали расходиться по домам. Кое-где еще слышалось, как продавцы выкрикивают: «Ахшам базары!»¹, и покупатели сбивают стоимость товара по так называемым вечерним расценкам. Нужно сказать, что скидка не менее одной пятой от первичной цены товара гарантировалась веками². Сарбазы о чем-то толковали меж собой, кто-то постукивал меня по плечу, всюду раздавались громкие голоса и звуки, в воздухе витали самые разные ароматы и вызывающие аппетит запахи, а я бы занят своими мыслями. «Что самое

¹ Вечерний рынок, вечерние цены.

² Традиция торговцев к концу дня делать скидки для поздних клиентов. Распространенное явление на всех базарах Востока.

главное в ковре?» — снова и снова задавал я себе вопрос.

И вот в какое-то мгновение среди роя темных мыслей будто вспыхнула яркая искра. Он происходил непонятно откуда, но слышался очень хорошо — этот звон хрустальных сосудов, которые пронесли мимо меня и направились с ними далее по рядам. Звук божественной красоты, который они издавали, соприкасаясь друг с другом при движении. Порой он поднимался как волна над морской поверхностью, набирая силу, и именно чего-то такого — чистого и мелодичного, недоставало мне сейчас.

В толпе людей, собравшихся на базаре, меня часто настигало чувство чего-то недостающего. И я долго не мог объяснить себе этого чувства. Мне порой даже трудно было понять, почему я себя об этом спрашиваю. Как глупо пытаться найти то, чего ты даже до конца не осознаешь! И вот сейчас это произошло. Грузчик в лохмотьях провез в тележке те самые сосуды, которые, сталкиваясь друг с другом, издавали волшебный перезвон. Везде, где он проходил, чудесный голос хрусталя вливался в гущу разговоров и криков, делая мир вокруг другим — многообразным и непривычным. Словно это был божий знак, который советовал мне выделить главное из тысячи мелочей и пойти за ним, а не плутать в ложном направлении. Мне необходимо было найти свой звук хрусталя, непривычный и яркий, среди тысячи узлов ковра — именно он выведет меня на верную дорогу.

Глава 13

*Создатель, направь мой путь к победам,
Дай сладкий мне удел, дай отрешенье — бедам.*

Наш путь назад был долог. Видади, так звали мастера по коврам, присланного моим таинственным собеседником, оказался довольно общительным малым. Несмотря на то, что на вид ему можно было дать не более пятидесяти, его голова уже успела покрыться седыми волосами, а количество зубов во рту заметно уменьшилось. По всему видно, что человек он простой, домашний и ему не очень-то хочется совершать длительное путешествие в Тегеран. Подручный мастера Видади относился к категории людей, которые зарабатывают на жизнь ногами, а не головой — может, человек и неплохой, но в разговоре скучный, а на вид унылый. У меня совершенно не было ни времени, ни особого желания выпытывать у него какие-либо секреты. Гораздо интереснее было болтать с Видади — то, о чем он говорил, заставляло задуматься.

— Проблема в том, что мы сами создаем богов, а потом не можем избавиться от их оков, — начал философствовать мастер на второй день нашего следования, когда мы продвигались по очередному глубокому ущелью. — Вот и ковер стал нашим негласным богом.

Мы рождаемся на нем, и в нем же нас провожают в мир иной¹. Ковер встречается на всем нашем жизненном пути в самых разных формах. Я даже подсчитал, сколько всего изделий создано по форме и узорам ковра. Теперь постарайся догадаться сколько?

— Думаю, десять или двадцать, — ответил я наугад.

— Ты прав, просто умножь последнюю цифру на десять.

— Да нет, такого просто не может быть, — усомнился я.

— Видишь, и я о том же. Зачем нам двести разных изделий из ковра, наподобие ковра, по мотивам ковра? Зачем нам носки, затканые узорами ковра, попоны для лошадей, хурджуны² для долгих путешествий, кисеты для пороха и золотых монет, не говоря уже о специальном чехольчике для того, чтобы держать усы в форме, когда мы ложимся спать! Вот почему я устал от своего дела. Раньше мне нравилось сидеть целыми днями в дафтархане, искать оригинальные узоры, рассматривать старинные рисунки и миниатюры, заказывать новые и привозить их со всех концов света. Но жизнь сказала свое слово, и я сдался. И все почему? Потому что это все продолжается и продолжается. Ты не сможешь усвоить все знания о ковро ткачестве за одну жизнь, ее попросту не хватит. А если однажды удастся и ты научишься делать что-либо на самом высоком уровне, то и этого окажется недостаточно.

¹ Во многих странах мусульманского мира покойников также укладывают в ковер, перед тем как похоронить.

² Сумка для переноски товаров и продуктов, сотканная ковровой техникой, состоит из двух мешков.

— Ну, и что теперь делать, мастер? Ведь все диктуется временем.

— Нет, мой друг, все это диктуется ненасытными людьми, сумасшедшими владыками и армией льстецов, которые постоянно околачиваются возле них.

— Ты не прав. Смотри, каких успехов мы добились, развивая технику ковротачества: сколько нового и великого сотворено нашими мастерами!

— Не спорю, все это было создано, но не без крови и насилия, — смешно подпрыгивая в седле с непривычки, отвечал мой спутник.

Я всегда останавливал разговор, когда он переходил в область, где сложно было определить — кто прав, а кто нет. Для Видади, обычного мастера, многое казалось непонятным не потому, что он был глупым или наивным человеком. Он попросту не мог знать всей картины. Ему были неведомы жар больших страстей и азарт власти, он не испытывал ощущения всемогущества и исключительности — того, чем болели все правители. Сильные мира сего желали всего самого лучшего, дорогого и невиданного — на зависть ли врагам и друзьям или в качестве бесценного дара близким.

Всего этого мастер не осознавал в полной мере — он нес иное бремя. Пройти через муки творчества, страдание, страх и даже унижение, создать исключительный товар и в конечном итоге не иметь на него никакого права! Это ли не самое страшное наказание в жизни?

Каждый ковер был его ребенком, отобранном для счастья и потех других людей, созданием, насладиться красотой которого ему не давали... Вероятно, поэтому мастер и разочаровался в жизни так отчаянно.

К вечеру мы наконец-то выбрались из ущелья. Предстояло найти убежище и немного отдохнуть. Вскоре мы наткнулись на чабанов-отшельников, которые приняли нас радушно, а под вечер разожгли большой костер, и все вместе мы неплохо поужинали. Все небо было усыпано яркими звездами. Горный воздух пьянил.

Видади присел рядом со мной. В руках он держал цветок с пурпурно-красными лепестками. В свете костра было видно, насколько он ярок и красив. Протянув его мне, мастер нежно, с какой-то особой интонацией, произнес:

— Это индиго.

Я не мог не обратить внимания на его тон, так ласков он был. Значит, не все чувства мастера были убиты годами тяжелого труда!

— Я сотни раз варил его в чане с шерстью. Это очень капризный цветок. Из него получается прекрасный синий цвет. Нужно варить трижды, с утра до полудня. Если процесс затянуть, то цвет станет темнее, а если недодержать, то на шерсти останутся пятна. Такую пряжу нельзя будет использовать для изготовления ковра. Только истинные мастера могут приготовить хорошую краску из этого растения.

— А много ли таких цветков нужно? — с интересом спросил я и, понюхав цветок, громко чихнул.

— Индиго — это еще самое простое!... Красители для ковров делают из кожуры граната, зеленого ореха, ромашки, коры тополя и крушины, ягод черники, брусники и еще тридцати различных трав и лепестков. Из всего этого можно приготовить краску, которая не померкнет веками. А теперь представь, что только

в твоей Империи более пятидесяти провинций и в каждой — свои узоры, краски, своя школа и своя техника.

— Мастер, как же разобраться во всех этих деталях и при этом не сойти с ума? — озадаченно поинтересовался я.

— Не льсти мне, молодой человек! Это еще не конец истории. Только в Тебризе, столице Сефевидов, десять видов ковров — Тебриз, Гореван, Герис, Башхайыш, Лачагтурундж, Афсахан, Гараджа, Четыре сезона... В одном Ардебиле — семь видов — Занджан, Мир, Шейх Шафи, Шараби...

— Полагаю, что это не предел.

— Правильно думаешь, — впервые усмехнулся мастер. — Теперь помысли о том, что в каждом ковре бывает тысяча, а то и больше узелков. К примеру, мой последний ковер был соткан из четырехсот тысяч. И что, как тебе кажется, самое-самое интересное? Ты никогда не поверишь в то, что я хочу до тебя донести. А скажу я тебе, что особого секрета в ковре и нет. Даже смысленный малыш способен догадаться, где скрыта его тайна.

При этих словах у меня словно голову снесло. Я вскочил со своего места и завопил:

— Что?! Что ты сейчас сказал, старик?! Ты, видно, держишь меня совсем за глупца?! Я едва рассудок не потерял из-за этого ковра, и ты мне сейчас такое говоришь? Выходит, я зря рисковал своей жизнью, жизнями своих людей, чтобы услышать вот это признание? И где? В этом Аллахом проклятом, забытом месте?!

Аллах всемогущий, не дай мне сойти с ума!.. Я кричал и в бешенстве бегал вокруг костра. Испугавшись

моих криков, из своих укрытий стали вылезать чабаны. Мне же было все равно. Плевать я хотел на все и всех! Не только голову, но и все мое тело трясло. Господи, дай мне сил, чтобы не сойти с ума! Что этот убогий мне говорит?.. Если все так просто, если даже маленький ребенок может разгадать секрет ковра, тогда что же у меня за мозги? А я ведь считал себя очень умным и способным!

Итак, я не находил себе места. Вскочив на неоседланную лошадь, я помчался, куда глаза глядят. Я безжалостно хлестал бедное животное какой-то палкой и бил его пятками в бока. Сзади слышался топот; вся свита кинулась вдогонку. Мне было безразлично, упаду ли я в пропасть, сверну ли шею, грохнусь ли вместе с лошадью и переломаю все кости. Хотелось исчезнуть, чтобы все про меня забыли. Как одержимый я продолжал скакать неизвестно куда, пока сарбазы не окружили меня и не сбросили с лошади на землю. Но и тогда им не удалось успокоить меня, так неистов был мой гнев. Вцепившись зубами в густую траву, я стал рвать и жевать ее. То, что я уже не владею собой, стало ясно всем. Набросившись на меня скопом, сарбазы крепко связали меня по рукам и ногам. Но и это не помогло. Даже когда меня с трудом усадили на коня, я, выплевывая траву изо рта, проклинал тот день, когда появился на свет, и поносил всех вокруг бранными словами. В конце концов меня довели до стоянки и уложили рядом с погасшим костром. Обессиленный, я забылся тяжелым сном.

Наступившее утро оказалось еще более мрачным, чем вечер предыдущего дня.

Видади и его помощник исчезли. Пропали той же ночью, когда я жевал в бешенстве траву — шейтан его знает где! Сарбазы не знали, куда подевались наши спутники; когда они вернулись вместе со мной, мастеров на стоянке уже не было. Мы сразу же пошли по еще свежим следам, но вскоре и они исчезли в густой и высокой степной траве.

— Сардар, нельзя сдаваться. Нужно все вокруг тщательно обыскать. Они не могли далеко уйти, — сказал мне Керман.

— А я и не думал сдаваться! Не на того напали! Разбиваемся на четыре отряда и тотчас отправляемся на поиски! Ищем до полудня. Если ничего не найдем, возвращаемся, на это место. Если разминемся, встречаемся через три дня в Мерве, в центральной мечети. Айда!

Расставшись, мы отправились в путь по нескончаемой степи предгорий Тянь-Шаня. Я повел свой отряд в сторону ущелья, где было много укромных мест для того, чтобы надежно спрятаться. Две мысли бились в голове: великий визирь перед выполнением задания говорил — если что, нужно разбиться на группы и постараться вернуться домой живыми. Вот мы и разделились. А что, если возникнут обстоятельства, при которых нам придется сражаться за жизнь? Может, Казвини что-то знал, а мне не сказал? И второе — что я скажу в Тегеране? Самый важный источник информации потерян. Это же настоящий провал! Другого слова для произошедшего подобрать попросту невозможно...

Наши лошади широкой рысью неслись по ущелью, а мы искали глазами любую примету, любой знак

и одновременно оглядывались по сторонам, опасаясь внезапного нападения.

Так и не обнаружив ни мастеров, ни их следов или следов похитителей, через пять часов мы повернули назад. На месте сбора никого не было. Оставалась маленькая надежда на то, что пропавших нашли наши соратники.

— В Мерв! — приказал я. — Через сто двадцать фарсахов¹ уже будем там.

Через три дня мы увидели высокие белокаменные башни древнего Мерва. Великий Абу Джафар аль-Марвазӣ², который прожил астрономически долгую жизнь, равную целому веку, был рожден в этих краях.

Когда мы подошли к главным воротам и собирались заплатить за вход в город, с верхней башни в нашу сторону сбросили тяжелый черный мешок. Он угодил прямо в плечо Керману, отчего тот свалился с коня, здорово себя поранив. Раскрыв мешок, мы в ужасе увидели отрезанные головы Видади и его помощника.

— Здесь нас ждут большие неприятности, — сразу же понял я. — Надо как можно быстрее возвращаться в Тегеран.

Это был плевок в лицо. Мы бежали как трусы, с поджатыми хвостами.

— Хватит глупых ошибок! — говорил я сам себе. — Ты уже совершил самую непоправимую, наивно оста-

¹ Персидская мера длины, равная 5549 м.

² Более известен под прозвищем Хаббаш аль-Хасиб (Хаббаш — абиссинец; вероятно, был темнокожим), видный математик и астроном раннего мусульманского мира, участвовал в определении длины градуса меридиана.

вив Видади одного. В результате он исчез, после чего ты не смог его найти. И вот тебе, получай — кто-то жестоко казнил обоих мастеров, и враги даже не захотели этого скрывать!..

Еще одна глупость могла стоять нам всем жизни.

В дороге я долго думал над тем, что со мной происходит, почему все катится к позору и поражению. Ведь раньше у меня всегда получалось обойти все препоны!.. Трудное дело со змеиным яблоком я выполнил на высшем уровне. Итак, сомнения в собственных силах терзали меня всю дорогу.

По приезде в Тегеран меня удивило то, что Бабуджан уже обо всем осведомлен. Как только я появился во дворце, он поймал меня на одном из айвонов и тотчас сообщил, что Казвини очень зол на меня.

— Как ты додумался отправиться в логово союзников Шейбанидов, наших заклятых врагов? Неужели ты думаешь, они забыли, как отец Шахиншаха хитростью разбил войска основателя династии Шейбанидов при Мерве?¹ Одно дело официальная поездка в Самарканд... Но так, во время секретного задания — собраться прогуляться в Мерв на глазах у всех! Это не просто глупость. У меня язык не может подобрать правильное слово, так я поражен!

Великий визирь, действительно, выглядел разгневанным. Я же был не только возмущен, но и озадачен. Кто донес ему информацию о провале тайной операции? И ведь не только донес, а еще и представил все

¹ Сражение при Мерве, когда в 1510 году Шах Исмаил I, притворившись, что отступает от города, выманил Мухаммеда Шейбани из крепости и, окружив его войска, полностью разбил. Сам Шейбани также был убит в этом бою.

наши действия не в лучшем свете. Интересно, кому это было на руку?..

Да, я хотел увидеть древний Мерв во всем его великолепии, полюбоваться прекрасными площадями, дворцами и мечетями. К тому же не мешало изучить незнакомый город для выполнения будущих поручений, посмотреть и разведать его чайханы, курильни и дома удовольствий. Да и обратная дорога через Мерв считалась самой короткой! Но признаться в этом Казвини означало еще больше вывести старика из состояния равновесия. Да, приводить какие-либо аргументы в свое оправдание сейчас было явно неуместно.

— Где те два мастера, которых прислал мой человек, и как могло случиться, что ты их упустил? Почему враги опередили вас и что Видади мог им рассказать? И ты хоть понимаешь, чем все это тебе грозит?..

Я не поднимал головы. Мне в кои-то веки действительно было очень стыдно. О, лучше бы меня сейчас сбросили с той известной горы в аду, с которой ты летишь вниз семьдесят лет и все равно не видишь дна. Великий визирь был убежден, что всему виной чье-то предательство. Ведь такая череда неудач не могла произойти без зловердных происков извне и поддержки среди своих! Казвини уже нисколько не сомневался в том, что лазутчик — один из нас, а я не раскрыл его по причине близорукости, неподготовленности и самовлюбленности.

— Повелителю уже сообщили о произошедшем. Сейчас отправляйся домой и попытайся вспомнить все подозрительные детали вашей поездки. Может быть, тогда ты сможешь понять, кто продал нас врагам, и так оправдаться перед Шахиншахом.

Это означало, что с сегодняшнего дня я под домашним арестом. Совершенно разбитый, я вышел из дворца. Бабу, который всегда встречал меня возле комнаты визиря, на этот раз куда-то пропал. Я напоминал себе подбитого аиста, который стремительно падает на землю, где его уже поджидает стая голодных шакалов.

Домашние ничего не знали о моих злоключениях и как всегда радостно встретили возвратившегося хозяина. Мунизе не терпелось поскорее уединиться. Наверное, эта ненасытная опять придумала испытать на мне какую-нибудь новинку сладострастия. Повар поставил на стол мои любимые блюда. Это меня насторожило. Неужели им все же было известно о моем возвращении? Откуда?

Итак, сначала мне подали богатый суп аш-е реште с длинной лапшой, луком и фасолью, посыпанный сверху свежей зеленью. Если его вдобавок слегка поперчить, получается гремучая смесь, которая очень полезна после долгого путешествия и способствует быстрому восстановлению сил. Далее был фесенджан — блюдо из утиного мяса в орехово-гранатовом кислом соусе, который я тоже съел с превеликим удовольствием.

Пока топили баню, мне вздумалось поиграть с Алабаем. Однако мой верный друг выглядел очень слабым. На вопрос слугам, почему собака так похудела, я услышал, что Алабай плохо ел в мое отсутствие.

— Если, спаси вас Аллах, я узнаю, что вы за ним плохо присматривали, всем достанется, — предупредил я челядь.

— Хозяин! Мы давно хотели сказать, что Алабай был самым главным существом в доме, пока ваша милость отсутствовали. Мы все тоже к нему очень привязались! — важно произнес старший лакей.

— И поэтому он такой худой?

— Как только вы уезжаете, пес тихо садится возле двери вашей комнаты и никуда от нее не отходит. И мы заметили еще одну интересную деталь в его поведении: ровно за день до вашего возвращения собака располагается прямо у ворот и начинает водить по земле хвостом. Сначала мы думали, что это просто совпадение. Но потом поняли, что Алабай вас чувствует! Вот и вчера он также сел у ворот и стал ожидать вашего прихода. Мы последовали его примеру и решили подготовиться к неожиданному приезду.

Рассказанная история тронула меня. Я обнял своего пса и принялся его целовать. Все-таки моему любимому и гордому Алабаю не было равных среди зверей.

Дождавшись, пока я немного отдохнул после сытного обеда, Муниза поманила меня в баню. Споро раздевшись, рабыня прыгнула в воду вместе со мной. Ох, ее страсть невозможно остановить! Казалось бы, после долгой разлуки мне должно хотеться того же, но вот странность — я больше не чувствовал былой страсти, того огня, что охватывал раньше нас обоих. Муниза стонала и прикасалась, но все мои мысли были сосредоточены на другом. Не найдя взаимности, она повернулась ко мне спиной и в новой интересной позе, все-таки заставила меня достигнуть удовольствия.

Тянулись дни. Ужасная жизнь в заточении тяготила меня. Я даже начал худеть, а настроение падало еще быстрее, чем вес. Ничто не могло развеселить меня. Только сейчас, будучи не у дел, я понял, что для меня главное в жизни. Это были даже не женщины или деньги, а чувство успеха, его чарующий аромат, ощущение избранности. Отняв главное, меня лишили и других, менее значимых и приятных удовольствий. Спасибо Бабуджану: несмотря ни на что, мой товарищ не порвал со мной окончательно. Он навещал меня время от времени, и мы, накурившись опиума, забывали обо всем на свете. А иногда шли к танцовщицам, одна из которых начала меня сильно привлекать. Ее звали Фарах. Вскоре мне уже не терпелось уложить ее в постель. Но пока эта хитрая тварь только и делала, что выводила меня из себя! От денег она отказывалась, подарки не принимала и лишь страстно танцевала передо мной во время наших с Бабу тайных визитов. Как я ни ломал голову, не мог придумать способа овладеть этой бестией.

И все же мои личные переживания казались пустым звоном по сравнению с тем, что ожидало нас впереди. Некоторые из связных, с которыми я продолжал общаться, сообщали о растущей активности османских агентов. От них я узнал, что неудачная осада Вены не сказалась на результатах похода Сулеймана на Балканы и в Европу. Десятки тысяч заложников, сотни тысяч в золотых и серебряных монетах, награбленное добро, вывезенное на сотнях запряженных телег, множество известных мастеров, астрономов, врачей, захваченных в плен, и самое главное — секретные библиотеки церквей и монахи, которые смогут перевести их на

арабский язык¹ с латыни, — все это было доставлено в Константинополь.

Также большим достижением для османов стало то, что австрийцы вынужденно признали власть турок над всеми Балканами. Венецианцы, немцы, испанцы, Святая Католическая церковь и многие другие, позорно проиграв, не осмелятся в ближайшее время что-то затевать против османов. Было ясно, что теперь Сулейман, поистине Великолепный, готовится напасть на Персию. Почему? Да потому, что больше просто уже не на кого. Как только войска Сулеймана придут в себя и восстановят силы, он сразу же начнет поход на Дом Сефевидов.

В свете последних событий раскрытие тайны ковра становилось вопросом жизни и смерти.

¹ Арабский был общепринятым языком учености в исламском мире того времени — впрочем, как и фарси.

Глава 14

*Когда покинешь всех, столь обреченных бедам,
Тебе и твой состав, и путь твой будет ведом.*

Беда пришла откуда не ждали.

Возвращаясь домой, мне захотелось сушеных слив и абрикосов, и я остановился около лавки сухофруктов. В это время мимо прошла возбужденная толпа. Люди были вооружены вилами, дубинками, чем попало. Впереди взрослых, визжа, бежали дети.

— Представляешь, — сказал продавец, выпучив глаза, — на улице средь бела дня откуда-то появилась собака.

— Какая здесь может быть собака? О чем ты говоришь? — отшутился я, обмерев. Сердце у меня упало. Ноги стали тяжелыми, как стволы чинар, но я заставил себя прибавить шаг. Крики толпы становились все громче и яростнее. Двинувшись за нею, я вскоре оказался на месте, где эти нелюди добивали моего Алабая.

Толпа была такой многочисленной, что пробиться к месту расправы не представлялось возможным. Мой верный пес, загнанный в угол, стонал, рычал, бросался на тех, кто хотел приблизиться к нему, а толпа швыряла в него тяжелые камни. Несколько выродков пытались достать моего Алабая палками.

Его голова и передние лапы были залиты кровью. А морда — злая и свирепая. Таким рассвирепевшим я своего пса не видел никогда. Даже избитый до полусмерти, он все еще оборонялся, пуская в ход свои огромные клыки.

— Пойдем, хозяин, — услышал я голос непонятно откуда появившегося слуги. — Вы уже ничем ему не поможете.

Я с силой оттолкнул слугу и в этот миг увидел, как Алабай смотрит на меня. Он узнал своего хозяина среди десятков лиц. На мои глаза навернулись слезы. Да, я не мог ему помочь, но и уйти я тоже не мог. Откуда-то сверху, со стены, к которой был прижат пес, прямо ему на спину скинули огромный камень. Алабай громко заревел и бросился на толпу, да так стремительно, что озверевшие люди разбежались в разные стороны. Однако нападавшие быстро сгруппировались и, окружив собаку, пустили в ход свое оружие. Если бы не тяжкие раны, возможно, пес еще попытался бы убежать... Но вскоре все было кончено — Алабай лежал на земле, и только тяжелое дыхание выдавало в нем последние мгновения жизни. А люди все не могли успокоиться и продолжали бить и терзать моего любимого пса.

Проклятая толпа! Вместе с нею ты можешь творить беззаконие, истреблять, насиловать и убивать, потому что это делают многие. Кто внушил людям, что все их преступления, совершенные вместе, не считаются грехом?.. Когда и как человек установил себе эту истину?.. Увидев обезумевшую свору людей в действии, ты вдруг начинаешь понимать, как безобразен род человеческий. Да, нигде не предусмотрено наказание

за деяния, совершенные в толпе; ты должен держать ответ только за собственные грехи. Но поневоле я возненавидел Человека. Теперь я понимал, что он заслуживает всего плохого, что с ним случается. Будь он трижды проклят, неважно — в толпе или в одиночку совершает он свое очередное злодеяние!..

Постепенно свора угомонилась. Два молодых парня, схватив за хвост мертвого пса, потащили его по улицам на радость таким же живодерам, как и они сами. Кто-то пытался спрятаться при виде столь жуткой картины, но многие радостно выбегали навстречу. Даже женщины, закрыв лица, вышли посмотреть на бездыханное тело Алабая.

Когда я зашел домой, никто из домашних не хотел показываться мне на глаза. Робко приблизился тот самый слуга, что находился в толпе. Сказал, что он может проследить, где бросят труп собаки и, выкрав ночью, похоронить ее. Мне уже было все равно. Сердце рыдало без остановки. Я присел возле чинар, где мы с Алабаем частенько любили отдыхать. Слуга понял, что я хочу знать правду. Что ложь я сейчас не приму.

— Это Муниза, — сказал он. — Она не разрешала нам кормить его и приучила к себе. А сегодня, взяв кусок мяса, вышла на середину безлюдной улицы, и Алабай выбежал за ней. После она шмыгнула во двор, плотно закрыв ворота. Мы даже не поняли что к чему, так быстро это произошло.

Повар рассказал мне ту же историю. Хоть он и не видел происшествия собственными глазами, но при слуга только и шептала о том, что сотворила Муниза.

— Где эта тварь? — тихо спросил я.

— В вашей комнате, — ответил слуга.

— Готовьте упряжку, соберите все ее вещи, возьмите припасы в долгий путь.

Муниза ожидала меня, сжавшись в углу комнаты. Она знала, что ей будет больно, но как сильно, даже не предполагала. Я ударил ее наотмашь, а потом стал колотить везде, совершенно не разбирая, по каким частям тела наношу удары. Схватил ее за волосы и таскал туда-сюда. Она же кричала одно: что я любил Алабая больше, чем ее.

— Ты столько времени проводил с ним! Ты чаще ласкал и тешил его! Ты не позволил мне сделать тебя счастливым, родить тебе наследника!

Так вопила она.

— Такая деревня, как ты, не может зачать от меня ребенка, — свирепо ответил я, продолжая избивать наложницу.

В эти минуты я выговорил ей все, что накопилось в душе. В сердцах я кричал, что она неблагодарная тварь, развратная шлюха, которую я купил и, пожалев, сделал своей главной женщиной.

— И так ты ответила на мое добро?!

Ее лицо уже превратилось в кровавое месиво, но я никак не мог успокоиться. Устав бить, начал бросать в нее всем, что попадалось под руки.

Наконец я выволок ее из комнаты за волосы, бросил на землю и приказал слугам усадить ее в упряжку и увезти прочь.

Муниза ничего не ответила. На ее разбитом лице застыла безысходность.

Вот как закончилась моя многолетняя история с этой девкой, которая так и не смогла понять, что занимала в моей жизни довольно скромное место.

Судьба вновь испытывала меня. Она словно охотилась за мной, забирая те лучшие части моего мира, что были мне дороги. Да так, что я не мог этому противиться. Почему я не заступился за Алабая? Что меня сдержало? Ведь он знал, что я рядом, и, наверное, ждал от меня помощи. Он отдал бы жизнь ради меня, не раздумывая ни секунды. Может, я подлец? И сам того не осознаю? Ведь сталкиваясь в последнее время с трудностями, я постоянно отступаю.

Я знал, что образ моего верного Алабая, которого я не рискнул защитить от гнева разъяренной толпы, будет часто напоминать о себе. Я никогда не смогу забыть, как отобрал его у матери-псицы с поразительно грустными глазами, что сидела на цепи в высокогорном трабзонском лесу, недалеко от селения Айдер. Как прятал его всю дорогу в мешке и кормил молоком верблюдицы, как он стал символом моего неприятия всех этих нелепых запретов религии. Теперь никто не сможет заполнить образовавшуюся пустоту.

Слуга, посланный отвезти Мунизу, возвратился скорее, чем я ожидал. Он так и не довез отставленную наложницу до ее родных степей. Как только Муниза увидела знакомые юрты, она украдкой приняла сулеманийский яд, который я всегда держал при себе, и тихо, без мучений, отдала душу Аллаху. Слуга похоронил ее на обочине у дороги. Вернее, он просто выкопал яму и бросил туда тело Мунизы.

Я долго находился в странном оцепенении. Все никак не мог успокоиться и найти себе места, постоянно задаваясь вопросом, правильно ли я поступил с нею. Ведь она была обычной деревенской девушкой, и ожидать от нее чего-то большего с самого начала было

неправильным. Но зачем же тогда нужно было так близко подпускать ее к себе, делать главной наложницей, потакать ее капризам? Мысль о том, что я сам довел все до крайней точки, не покидала меня. Иногда поздними вечерами, стараясь заснуть, я задумывался над событиями последних лет и все больше винил себя за попустительство, приведшее к столь трагической развязке. А иногда очень желал Мунизу. О, если бы она была сейчас рядом, я крепко прижал бы ее к себе...

Чтобы хоть как-то развеяться, я нашел себе двух новых наложниц. Но с первой расстался почти сразу. Она постоянно чего-то просила и без устали болтала языком, нахваливая свою красоту и любовные таланты. А мне всего лишь требовалась ласка. Проведя с ней одну ночь, я совершенно разочаровался. История этой девушки напомнила мне рассказ о Ходже Насреддине, который на старости лет, уже дряхлый и слепой, решил жениться в последний раз. Ему сосватали девушку, что целыми днями нахваливала себя — я и красива, и нежна, и в ласках знаю толк. Устав от этого, Насреддин ответил: «Если ты так прекрасна, как хвастаешься, почему тогда согласилась стать женой дряхлого старика?»

Вторая девушка оказалась действительно хороша. Красивое лицо, чуть раскосые глаза и маленькие нежные губы. Лишь талия и бедра у нее были широковаты. Она сразу поняла, что привлекла меня. Одно плохо — когда наложница поворачивалась ко мне своим крупным задом, враз пропадало желание продолжать нашу близость.

Пришлось обратить мои взоры на танцовщицу Фарах, эту кучерявую бестию, которая решила, что может

играть мною. В одном из закрытых заведений я и Бабу пригласили ее исполнить танец. Девушка пришла со своими музыкантами, умеющими неплохо играть на зурне и барбете, и вдобавок с молодым поэтом.

Исполнитель на барбете взял низкую ноту и начал медленно набирать высоту. Зурна была на подхвате. Переливающиеся звуки барбета уже смешались с тихим и протяжным звуком зурны, когда поэт грустно вымолвил:

*Пустыня — земной наш случайный приют,
Где горе и радость бок о бок живут.*

В эту минуту появилась Фарах и в танце тихо взлетела над землей, будто кипарис расцвел.

*Отсчитан судьбою здесь каждый наш час,
Что дарит, сама похищает у нас.
Но дрогнет земля, и раскатится гром,
Поднимутся вопли и стоны кругом.*

Фарах плавно изгибалась, изображая волны, и казалось, в нашей комнате вот-вот поднимется буря.

*И прерван в пустыне упорный наш труд.
Нас снова к обители горней зовут.
Плод наших трудов кто-то новый пожнет,
Пожнет, но и сам он уйдет в свой черед.*

Как много смысла было в этих строчках! Будто поэт говорил о моей печальной судьбе, а также завидных уделах тех, кто пожинал плоды моих успехов. Вдруг

музыкант ударил по струнам, и барбет заревел. Поэт крикнул:

*Доблесть — достояние стремящихся к высокой цели.
И радость, и скорбь — все минует, как сон.
Жить вечно никто на земле не рожден.*

Фарах уже стояла передо мной. Сняв с талии шарф, она повязала его мне на шею и, повернувшись спиной, начала вращать бедрами. В это время поэт произнес:

*Когда ты прославился доблестью дел,
Будь царь или раб, — твой бессмертен удел.*

Закончила четверостишие сама Фарах, произнеся:

*Так было с тех пор, как живет человек.
И этот закон не состарится ввек¹.*

И музыканты, и поэт быстро покинули комнату. Бабу тоже вышел вслед за ними. До меня только донесся его громкий одобрительный крик в сторону Фарах; он обещал, что в один прекрасный день она станет наложницей царей. Эти красивые слова не могли отвлечь нас от главного. Я принялся целовать танцовщицу, а она, скинув с себя одежду, отвечала мне. Давно у меня не было ничего подобного. Фарах помогла мне забыть о моих печалях.

¹ Все стихотворные фрагменты взяты из «Шахнаме» Фирдоуси в переводе на русский Ц. Б. Бану.

Бабу тоже не остался без подарка. Этот безобразник положил глаз на поэта и поэтому быстро последовал за ним, а затем уговорил на короткую связь. Я не мог понять эту склонность друга к юношам, но он свое увлечение воспринимал как должное.

С тех пор я стал чаще встречаться с Фарах и ее музыкантами везде, даже у себя дома. Она оказалась разумной женщиной со множеством граней, которые мне были интересны, к тому же была мастерицей придумывать различные изысканные забавы — то она приводила мастера по керамике с рассказом о том, как лепить узоры на различных кувшинах, то астрологов, которые предсказывали судьбу, то алхимиков, что объясняли нам свойства веществ. Артисты, с которыми Фарах водила дружбу, проигрывали перед нами коротенькие сценки по мотивам произведений Фирдоуси, Низами и Рудаки. А после просмотра мы отдыхали и курили гашиш, рассуждая об искусстве и слушая богемные сплетни. Я и сам не заметил, как мой дом превратился в маленький караван-сарай, где день и ночь шныряли непонятные люди, что-то готовили и разбрасывали, спорили и разбегались, чтобы появиться вновь. Все они были друзьями Фарах, и мне порой казалось, что они получали от нее не только душевную поддержку. Весь этот сброд крутился вокруг нее, как цыплята возле курицы.

Однажды к нам пришел молодой художник странного облика. Он походил на персидских воинов времен Дария III, сражавшихся с Александром Великим, — накрашенные глаза и губы, длинные волосы, худощавое тело, покрытое рисунками. Фарах представила своего друга как художника совершенно

новой школы. Что сие означало, осталось для меня непроясненным.

О рисовании я знал лишь то, что Пророк (салляллаху ‘алейхи уа саллям) и хадисы говорили об этом неоднозначно. Так, сказано было, что каждому созданию художника, будь то человек или животное, будет дана душа, которая после смерти своего создателя примется мучить его в Аду — за дерзость, с которой он посягнул на то, что доступно лишь Аллаху, то есть на Творение. При этом изображения неодушевленных предметов — например, растений, а также декоративные изображения существ на подушке или том же ковре, которые не могли служить объектами поклонения, не содержали искушения ширка — многобожия и считались скорее относящимися к миру предметов, нежели существ, бывали разрешены. Так или иначе, даже в периоды расцвета этого вида искусства им разрешалось заниматься с оговорками.

Впрочем, моя подруга весело сообщила, что все это было необходимым в прежние века. Новые же художники, такие как протеже моей Фарах, рисовали совсем по-другому.

Пригласив нас в темную комнату, мне помогли раздеться, уложили на постель и накрыли тонким полотном. Фарах тоже сняла с себя всю одежду и заняла место рядом, но тела наши при этом совершенно не касались друг друга. За ширмой тихо наигрывал дудук, неподалеку раздавалось журчание небольшого водопада. Эти два звука сливались и создавали умиротворяющий фон. В воздухе витал аромат благовоний, который нагонял сон.

— Что ты видишь чаще всего в своих снах? — задал мне вопрос художник.

— Как рано утром собака царапает мое плечо, пока я сплю в постели, и просится на улицу.

— У тебя была собака?

— Нет, она мне просто снится.

— Что еще?

— Еще она иногда обижается, если долго не обращают на нее внимания. Не приведи Аллах, если собачке дадут плохую косточку. Она сразу же начинает чихать и фыркать.

— А родители? Они снятся тебе?

— Нет, никогда. Я довольно смутно помню своего отца, однако знаю, что он был добрым и веселым человеком, много смеялся и часто носил меня на руках. Потом он исчез.

— Какие самые яркие для тебя воспоминания?

— Они перемешаны. Вижу, как я стою посреди большого поля, которому не видно конца. Поле придает мне силы, мы с ним связаны. Еще я лежу в храме, на кирпичном полу, и мне очень хорошо. Вокруг спокойно и прохладно.

Неожиданно меня разбудила Фарах — похоже, я незаметно для себя задремал. Она предупредила, что это еще не все.

— Какие деревья ты любишь, высокие или низкие?

— Высокие и стройные.

— Ты хотел бы увидеть мать или отца?

— Обоих. Я знаю, как мой отец любил ее, и хочу видеть их только вместе.

— Тебе снятся рай и девственницы?

— Да, иногда я наблюдаю во сне врата рая. Я вижу как вхожу туда и как там прохладно и ярко. Все везде белое, небо голубое, облака пушистые, текут реки, и воздух напоен мускусом. Я уверен, что там есть и обнаженные девственницы, но я их никогда не вижу.

На этом расспросы закончились. Я не успел ничего понять, как снова провалился в сон. Но тут художник постучал двумя медными пластинами одна об другую, и ко мне вернулся разум.

Ровно через пятнадцать дней он принес картину, на которой был изображен маленький светлый ребенок, стоящий спиной к зрителям. Возле него сидел крошечный щенок. Мальчик указывал собаке на большой дом, окна которого были плотно закрыты ставнями. Дрожью в спине отозвалась грусть этого одинокого мальчика, которому не к кому обратиться или прижаться, кроме щенка. А когда я увидел тени от больших чинар, причем только тени, самих деревьев на картине не было, слезы навернулись мне на глаза. Эта картина так тронула меня! Она напомнила одинокое детство, холодные зимы, которые я коротал, оставаясь в больших комнатах нашего дома, как я боялся сильного ветра за окном и уродливых теней от деревьев в саду. Только сейчас я понял, что моими неизменными спутниками в то время были одиночество и забвение.

Глава 15

*Забывший, как текла над ним белая ночь,
Не вспомнит, какова земная злая ночь.*

Давненько великий визирь не призывал меня к себе. Но я отлично понимал — что бы там ни произошло, Шахиншаха я не предавал, а все остальное со временем прощалось. И в тот день, когда мне наконец было приказано явиться, спокойно отправился к нему для беседы.

— Ты совсем распустился, — грозно начал Казвини. — Только плохие новости от тебя и слышим. Что это за собака, которая была у тебя дома? Кто тебе разрешил держать то, что считается мерзким и богопротивным?..

Я хотел ответить, что знаю только одно действительно мерзкое существо, и это — Человек. Однако промолчал из присущего мне чувства самоуважения и нежелания спорить.

— А у себя дома ты завел настоящий фаишахана¹. Вся городская шваль стекается туда, как нечистоты Тегерана стекаются в Рей² после проливного дождя.

¹ Публичный дом на турецком языке.

² Пригород Тегерана.

Ты, должно быть, забыл, чьим потомком являешься, забыл свое положение и свой род занятий!

Я ничего не отвечал и, опустив голову, смиренно смотрел вниз. Казвини перешел к главному вопросу.

— Нападение османов на нас — всего лишь вопрос времени. Думаю, что ранней весной войска противника выдвинутся к нашим землям. Эта война станет бедствием похлеще опустошения Тимуром обширных территорий двести лет тому назад. Тогда еще не было пушек, а сейчас они есть, и притом только у османов. Те орудия, что пообещали проклятые и во всех смыслах неверные венецианцы, так до нас и не дошли. Даже доверенные люди, которые отправились на Кипр изучать пушечное дело — все они бесследно исчезли.

Меня, признаться, все это интересовало мало. Сами же отстранили от дел своего лучшего человека, — если кто не понял, речь идет обо мне, — а теперь великий визирь жалуется на многочисленные неудачи.

— Удалось ли раскрыть секрет ковра?

— Нет, и в этом деле наши поиски не увенчались успехом...

— Позвольте мне еще раз взглянуть на подарок Сулеймана... Находясь дома, я приглашал для совета знающих людей — именно они приходили в мой дом днем, иногда и ночью. Возможно, теперь мне удастся приблизиться к разгадке.

Визирь утвердительно кивнул и приказал вынести ковер в айвон. Я начал внутренне готовиться к встрече с шедевром, понимая, что сильно рискую и, пожалуй, многовато на себя беру. Но, надо отметить, теперь

я действительно совсем по-другому смотрел на это великолепное изделие. Ведь я представлял сотни людей, которые участвовали в его создании, видел их всех будто въяве — начиная от сборщиков листьев тута и изготовителей красок до художников, чьи рисунки оживали в сплетении нитей, и заканчивая женщинами, работавшими на ткацких станках. У каждого из них была своя история, и каждая из них воплотилась в ковре. Просто нужно суметь уловить все эти истории, а затем объединить их в главное послание. Теперь загадочное полотно казалось мне живым существом, с которым можно поговорить, понять сказанное им и пропустить все узнанное через себя.

О, этот ковер действительно был уникальным творением. Поистине, его создавали великие люди, обладавшие большим талантом и умением любить. Сейчас для меня в нем было важно все — небольшие узоры в форме форели, пчелы по краям, яркие нити, расходящиеся сверху вниз, как мощные струи воды, а также россыпь белых пятен — словно маленькие белые камушки, рассыпанные по их берегам. Они напоминали о реках Трабзона, чистых и пенистых, на берегах которых было разбросано множество таких сверкающих камней.

Мои взгляд так и стремился вверх, чтобы объять центральную композицию, главный сюжет, но сердце не отпускало, душа боролась с разумом. «Ответ очевиден, даже ребенок сможет увидеть его», вспоминались мне слова Видади. Я пытался смотреть на изделие сердцем, ведь разум мог дать мне неверное направление, а сердце — сердце не обманет. «Нужно смотреть сердцем», — так говорил я себе.

Определив для себя главное, я снова посетил великого визиря. Его приемная была заполнена людьми, и мне пришлось некоторое время подождать. О, сказать всегда намного легче, чем сделать... Признаться, я был сильно встревожен. Сложив руки за спиной, я нервно прохаживался из угла в угол. Визирь смог принять меня только ближе к вечеру.

— Сардар, на этот раз я найду секрет этого ковра...

— Да, но уже будет поздно или даже слишком поздно. Говори яснее, у меня времени в обрез.

— Мы неверно пытались отыскать ключ к разгадке тайны ковра Сулеймана. Здесь не как в алгебре — два плюс два будет четыре. Здесь битва двух философий — суннизма и шиизма. Тайный код ковра нужно искать именно там. Все ответы лежат на поверхности, но нужно знать, как их читать.

— Так читай же, в чем тогда вопрос? Что ты не-сешь чушь? Мы готовимся к войне, а у тебя какая-то философия! Даю тебе на разгадку не более трех месяцев. После чего ты начнешь готовиться к отражению возможного нападения на нас этих варваров наравне с рядовыми воинами Шахиншаха.

— Я завершу работу намного раньше. Сейчас мне необходимо как можно быстрее посетить одно место в окрестностях Трабзона. Имеются ли там надежные люди?

— Да, но они заняты куда более важными делами, в данный момент их нежелательно отвлекать. К тому же я не хотел бы рисковать своими агентами на османской территории накануне войны.

— Что ж, тогда буду рассчитывать на себя... Я непременно вернусь с хорошими новостями, сардар!

Только... дайте мне несколько помощников! — уверенно выкрикнул я.

— Что ж, сынок... Будем надеяться, что ты успеешь. Тогда мы будем располагать новыми сведениями, ведь противник нападет — рано или поздно, и тогда нам точно будет не до загадочных ковров.

Итак, мне в очередной раз оказали высокое доверие. Теперь у меня был выбор — или двинуться через Карабах и Сакартвело¹ и оттуда выйти к берегам Черного моря, или направиться в сторону Багдада, выйти сразу к морю Средиземному и, пройдя Босфор и Дарданеллы, прямо под носом у османов зайти в Трабзон. Второй вариант казался более рискованным.

Оценив риски, мы переоделись торговцами и двинулись через красивейший Карабах. Этот край веками считался лакомым куском для больших империй. Пройдя Карабах, вышли к грузинским княжествам. Начиная с города Хопы² перед нами предстала природа прекрасной страны, стонущей под властью османов.

Во время моей прошлой поездки в Трабзон голова была занята только одним поручением — как можно быстрее привезти порох. Тот самый порох, который на нашей территории будет иметь совсем иное предназначение, нежели то, которое ему отводилось в безбожной Европе. Это изобретение китайцев изменит ход истории и приведет к быстрому расширению нашей великой империи. В то же время мы хотели понять природу пороха. Эти задачи были

¹ Одно из старинных названий Грузии.

² Городок в 20 км от нынешней грузинско-турецкой границы.

так важны, что на другое времени у меня попросту не оставалось!..

Зато на этот раз перед нами стояли, пожалуй, даже более серьезные вопросы — так или иначе, в ходе их разрешения необходимо было обращать внимание на мельчайшие детали. Любой на первый взгляд несущественный штрих мог явиться ключом к разгадке.

Первой мыслью, пришедшей мне на ум, когда мы прибыли в Трабзон, было то, что на этот раз турки нас попросту разорвут на части. Причем не только прожуют и выплюнут, а, скорее всего, проглотят. И дальше сделают то, что мусанг вытворял с зернами кофе. Этот некогда заброшенный порт с небольшой крепостью сейчас напоминал шумный и многоликий багдадский базар. Здесь все было в движении. Во-первых, укреплялась сама крепость. На ней мы заметили множество новых пушек. Во-вторых, море по всей длине берега было разделено на сектора, в которых через определенное расстояние расположились искусственные насыпные острова, соединенные между собой узкими дамбами. Это были своего рода маленькие форты, под защиту которых при необходимости могли зайти османские корабли и уже оттуда свободно палить по врагам.

А сами эти хозяева морей?! Двух- и трехпалубные парусные суда, оцетинившиеся орудиями. Даже проклятые венецианцы, с которыми мы плавали к Странам Темных морей, не имели такого мощного флота.

— Надо, чтобы великий визирь увидел это своими глазами. А то лишь только раздает команды направо и налево из своих прохладных покоев, — сказал

я своим помощникам. — Если этот флот выйдет к Бендер-Аббасу, нам несдобровать. Там нет ничего, что могло бы противостоять турецкой флотилии.

— Мне кажется, османы скорее готовятся отразить нападение, нежели сами собираются начать бой. Почему мой господин так уверен, что мы сможем наблюдать за тем, как они пойдут в атаку? — спросил у меня Рази.

— Безусловно, они собираются напасть! — уверенно ответил я. — На их месте я бы сделал то же самое. Просто пока их главная задача — укрепление собственных берегов.

Все говорило о том, что нам противостоит очень сильный, очень изощренный противник, какими бы глупыми словами его ни поносил великий визирь. Ведь османы захватили не какие-то козы лужайки с двумя-тремя кустиками и лужами вокруг них!.. Черноморское побережье поистине было одним из самых красивых мест, которые я видел в жизни. Только очень сильное и дальновидное племя могло подчинить себе эти территории. И еще больше дальновидности и ума требовалось для того, чтобы не просто разграбить, но, как и их предшественники, греки и римляне, продолжать застраивать и развивать край.

Дороги у османов были отличные — расчищенные и довольно широкие. Скорее всего, прежние выглядели намного хуже, а привели их в надлежащий вид сравнительно недавно¹. Это сразу бросалось в глаза.

¹ На всей территории Малоазийского полуострова задолго до осман существовала развитая дорожная сеть Восточной Римской империи.

Новыми казались и огромные туннели, прорубленные сквозь скалы. Со стороны моря они смотрелись чарующе.

Сам Трабзон был как картинка — чистые и ухоженные улицы, мечети из белого камня с четырьмя минаретами. Они располагались по окраинам города, время от времени оттуда доносились звуки азана¹. Возле мечетей постоянно крутились мелкие торговцы с тележками. Как я понял, не все из них были османами, слышалась разная речь. Они предлагали зажаренные и просоленные каштаны, а также зелень, фрукты, мед и чай, который собирали здесь же, в горах.

Наш небольшой караван остановился около базарчика, что раскинулся прямо на берегу моря. В центре торговой площади мы увидели женскую статую римского или даже греческого периода. Странно было видеть этот древний монумент сохранившимся с тех лет. Как он смог устоять во времена тюркских нашествий и владычества осман?.. Самое удивительное было в том, что теперь в самом людном месте мусульманского города находилась статуя полуобнаженной женщины. У нас ее снесли бы в мгновение ока.

— Кому поставлен этот монумент? — спросил мой помощник Рази у разносчика еды.

— Это Медея, уважаемый гость.

Рази посмотрел на меня, я — на него, и мы оба — на разносчика.

— Аргонавты, золотое руно, Ясон... не слышали про такое?

¹ Призыв к обязательной молитве с минарета.

— Да, доводилось, но сейчас с трудом припоминается эта история, — ответил я.

— А слово «медицина»?

— Да, — практически в один голос ответили мы, кивнув головой.

— Ну вот, это слово и произошло от имени возлюбленной Ясона. Она обладала волшебным даром и излечивала всех подряд: белых, черных, желтых...

Разносчик многозначительно и шутливо подмигнул. Этот знак на Востоке обычно подразумевал очень многое. Но мог говорить и о том, что наш собеседник просто недалекий, а то и умственно отсталый человек.

— Приходите через два дня на рынок рабов, там будет много медей, самых красивых и стройных, — добавил он.

Я тут же загорелся желанием оценить красоту невольниц. Молва о красоте трабзонских девушек шла далеко за пределами этих мест. К примеру, прабабушка Шахиншаха, Деспина-хатун, или Феодора¹, славилась особенной, царственной красотой. Неудивительно — ведь она была внебрачной дочерью трабзонского императора Иоанна IV Комнина, правившего этим последним осколком Византии перед тем, как османы захватили портовый город. По миру проносилось: «Красота Византии — Сердце Трапезунда». Руки Феодоры Комнины добивались многие, но досталась она Узун Гасану, наследнику кочевого государства Ак-Коюнлу, поддержки которого искал Иоанн в борьбе против османов.

¹ См. комментарий к странице 38.

Весь вечер я провел возле моря. Нам принесли черный напиток, который называли кахве¹. Лежа около костра, с чашечкой кахве в руках, я смотрел, как на небольших парусных лодках приближались рыбаки, как выбрасывали на берег свой богатый улов и разбирали рыбу.

Люди казались веселыми и счастливыми. Никто их не трогал, не беспокоил. Так же вели себя и чужеземные, и местные торговцы на рынке. Даже на нас эта атмосфера действовала благотворно — мы полностью расслабились, чувствуя себя в обманчивой безопасности. Не только люди вокруг, но и животные вели себя вольготно. Везде по городу разгуливали собаки и кошки. В жаркую погоду огромные псы темного или рыжеватого окраса лежали прямо на улицах, и никто их не прогонял. Собаки держались независимо и были сыты. Все они выглядели как питомцы богатых домов неверных.

— Что будем делать утром, сардар? — нарушил мой покой Рази.

— Будем продавать привезенный с собой товар и под этим прикрытием осторожно расспрашивать торгашей про местных художников и мастеров ковероткачества.

Разумеется, я не сказал сарбазу самого главного. Мне нужно было сравнить орнамент местных изделий с рисунком подарка султана Сулеймана. Если обнаружатся общие узоры, значит, ковер был соткан именно здесь. Тогда нужно будет найти ту мастерскую, где его создавали, и выкрасть эскиз рисунка, ибо любое

¹ Кофе по-турецки.

полотно ткut, глядя на образец. А еще лучше вместе с образцом разыскать того мастера, что его придумал. Вот тогда, если повезет, и станет ясно, кто заказал столь редкое изделие и какая тайна скрывается за сюжетной линией ковра.

Утром нам принесли любопытный завтрак. Он состоял из одного только что испеченного длинного хлеба, в середину которого положили сыр, взбитое яйцо и зелень. Ты отрывал кусочек хлеба, смаковал его и съедал. Это было и интересно, и вкусно одновременно.

В ковровых рядах нашим взорам предстал богатый выбор изделий. Сам базар отличался от тех, что мне доводилось встречать в персидских землях и городах Средней Азии. Он состоял примерно из двух десятков двухэтажных строений круглой формы, в каждом могли продавать свой товар сразу трое или четверо торговцев. Самым интересным нам показалось то, что огромные и красивые полотна свешивали со второго этажа, чтобы их можно было увидеть во всю длину. Я вспомнил, как точно так же рассматривал подаренный ему ковер Шахиншах. Перед посетителями рынка были выставлены ковры всех видов из разных регионов — тебризские, ардебильские, ширазские, карабахские, дагестанские, туркменские. Здесь можно найти все, какие угодно. Мы узнали, что города Трабзон и Эрзурум, находящиеся отсюда в одном дне ходьбы, считаются новыми центрами ковроткачества. Однако само искусство пока недоступно для местных жителей. В основном этим ремеслом занимаются пригнанные со всех сторон османами мастера-невольники.

Чтобы заставить бедного Бехзада работать на одну десятую своих возможностей, мы у себя в государстве испробовали все мыслимые и немыслимые уловки — угрожали, оскорбляли, иногда поощряли деньгами и общением с юношами и женщинами легкого поведения, но все было напрасно. А здесь какие-то оборванцы и юнцы научились ткать ковры, перед которыми пасовал даже сам великий Бехзад!..

Торговаться с купцами было ох как непросто. Они расхваливали свои изделия и непременно хотели продать шерстяные как шелковые. Но чисто шелковых ковров в природе не бывает. Шелковые нити обязательно смешивали с шерстью. Для нас сейчас все имело значение: качество шелка и шерсти, из каких краев пряжа и каково соотношение в ковре этих двух материалов.

— Готов купить у тебя это изделие, — сказал я одному из торговцев, который заявил, что ковер его местный, — если сможешь доказать, что он был соткан именно здесь.

— А где же еще? Это настоящий трабзонский ковер, — ответил высокий лаз¹ с рыжей бородой.

— Я сам продаю туркменские ковры, но нам понадобились сотни лет, чтобы сплести такие узоры!.. Как получилось, что вы так быстро усвоили все эти тонкости? — произнес я, заговорщицки подмигнув.

— Вы лучше спросите, как мы вообще жили пятьдесят лет назад! Шерстяные ковры были в двух-трех

¹ Лазы, или чаны, — одна из самых больших народностей Трабзона, говорят на языке картвельской языковой семьи, родственны мегрелам (один из народов Грузии).

домах на всем побережье. В лучшем случае, ткали тонкие коврики, чтобы прикрывать ими двери и ставни, а на пол начали стелить только с приходом османов. Они принесли и новые станки — большие, деревянные и довольно прочные. Более того, для тех, кто не мог позволить себе приобрести чересчур дорогое оборудование, покупали станки на деньги османских правителей и на деньги вакфов¹.

— А не сможешь ли показать ваши мастерские? Тогда я точно куплю у тебя ковер! Может, даже и не один.

Лаз засомневался. Что-то его насторожило.

— Если мне суждено продать тебе ковер, я сделаю это в любом случае. А если нет, то, что бы я ни показал, ты все равно его не купишь.

Если продолжать настаивать, то он вряд ли согласится пойти мне навстречу. Поэтому, взяв короткую паузу, я ответил продавцу так:

— Мудрость твоя мне нравится. Да и человек ты хороший, ибо, как и я, веришь в судьбу. Так что я покупаю твой ковер.

...— Необходимо найти мастерские, — сказал я своим помощникам после визита в лавку рыжего лаза. — Думаю, что они находятся в больших зданиях. В какой-нибудь конуре, тем более на открытом воздухе, большой ковер изготовить невозможно. Ищите возвышающиеся здания вокруг или, может, даже пещеры, где обитали люди еще до греческих времен.

¹ Религиозные общины.

Наказав так, я пошел бродить по так называемому Фыртына Вадиси¹ в деревне Айдер, местечке, где когда-то давно встретил моего Алабая. Красота здесь была неописуемая — большие ели и каштаны, бурная горная река и такие высокие водопады, каких мне до первого приезда сюда нигде не приходилось видеть. Дома находились друг от друга на расстоянии в несколько стадий².

Вдали, у одного из строений, я разглядел человека с обнаженным торсом. Подошел ближе и был несказанно удивлен: вокруг него кружили сотни пчел, а он стоял так, будто все это ему нипочем. Он доставал голыми руками из больших ульев деревянные рамки, покрытые медом, и оценивающе смотрел на результат упорного труда своих питомцев, которые сидели не только на руках и на плечах, но даже и на его голове. В воздухе стоял звенящий гул. Это была ужасающая картина. Опасным казалось подойти к нему ближе. К тому же не было никакой возможности пробиться сквозь плотный рой жужжащих насекомых.

Чувствуя мой интерес к происходящему, он вышел сам, как Искандер Великий выходил из Страны Мрака³.

¹ Долина бурь (*турецк.*).

² Античная единица измерений расстояния, впервые введенная в Вавилоне и затем принятая в Древней Элладе, Персии и Риме. Равна расстоянию, которое человек проходит спокойным шагом за время от появления первого луча солнца до полного восхода солнечного диска над горизонтом. Это примерно 185–195 метров, олимпийский стадий принято считать равным 192,27 метра.

³ В мистическом произведении Низами Гянджеви «Искандер-наме» (Сказание об Александре Великом) главный герой путешествует в Страну Мрака, чтобы обрести бессмертие.

— Мир твоему дому, хозяин! — улыбнулся я.

— И твоему дому мир, уважаемый! — учтиво ответил он.

— Как тебе удастся оставаться таким спокойным в этом кошмаре?

— Наверное, только потому, что это вовсе не является кошмаром. Если тебе интересно, почему они меня не жалят, ответ прост — я их не раздражаю. Пчелы кусают суетливых и нервных. Вот, смотри, — сказал он и нырнул в самую гущу скопления насекомых. Подойдя к одному из ульев, снял крышку и спокойно просунул руку между рамками. И действительно, ничего страшного не произошло. А его лицо сияло от радости, присущей абсолютно счастливым людям.

— Жизнь у пчел устроена так же, как и у людей, то есть у нас полное совпадение. Они поселяются там, где много растений и воды, у них есть свой властелин — королева-матка, которая царит над тысячами своих детей-насекомых. Вход в улей стерегут пчелы-солдаты, чужая особь не сможет туда залететь. Хотя иногда пчелы-охранники хитрят. Если видят, что чужая пчела хорошо нагружена пыльцой, то делают исключение и пускают ее в свой улей. А в основном на пасеке полный порядок, установленный веками.

— И что? Не бывает интриг и козней? Никто не свергает королеву-мать?

— Ну почему же. Свергают, и тогда они тоже ведут себя, как люди. Часть улья остается верна прежней королеве, а часть преклоняется перед новой. Несчастье в том, что в любом случае создается проблема для нас. Отвергнутая королева со своим двором улетает

к близлежащим деревьям. И уже хозяину-человеку приходится оттуда вылавливать главную зачинщицу и бросать ее в мешок. Этого бывает достаточно. Все ее потомство, как по мановению волшебной палочки, бросается за нею.

— Странные существа. С виду кажутся грозными, а на самом деле мы просто не знаем, как к ним подойти. Точно так же и с огромным количеством других животных. А можно похожим образом приручить медведей или волков?

— Нет. Этого сделать невозможно. Есть одна большая разница между пчелами и другими дикими существами. В святом Коране про пчел написано, что они приносят людям исцеление с разных цветов. Воистину, в этом — знамение для людей размышляющих. Исходя из строк Святой книги люди получили ориентир, что и как делать. А теперь скажи мне, что написано в Коране про медведей и волков?

— Насколько я помню — ничего.

— Вот и результат. Хочешь совет? Если есть желание проверить, насколько ты внутренне силен, то разденься по пояс и следуй за мной. Главное — не паникуй. Даже если они сядут тебе на глаза, ужалят, все равно соблюдай полное спокойствие.

Я читал, как войска Искандера шаг за шагом вступали в Страну Мрака, как боялись идти вперед. Пройдя десятки фарсахов, они впали в панику. Ведь, кроме сгущающейся с каждым шагом темноты, впереди и наполняющего их следы мрака ничего больше не было: ни дороги, ни деревьев вокруг, ни реки, ни гор, ни птиц. Куда смотреть, в чем искать уверенности, что они вернутся назад? Созвал тогда Искандер совет

и спросил своих военачальников, что делать. Молчали старые и мудрые, молчали зрелые и опытные, молчали все. И только один совсем молодой воин осмелился дать совет.

— Великий сардар, — произнес он. — Я знаю, как найти путь назад. Прикажи привести сюда корову, которая должна отелиться через несколько часов. И как только плод выйдет из утробы, прикажи убить теленка и положить его голову на тропу. Как бы далеко мы ни зашли по пути мрака, корова отыщет свое убиенное дитя по запаху.

Так и случилось. Корова вывела войско из этого страшного места.

Но меня сейчас некому было спасать. Чем ближе я подходил к пасеке, тем сильнее тряслось мое тело.

— Успокойся, успокойся и дай мне руку, — сказал пасечник.

Не успел я открыть ладонь, как он положил туда пчелу и в мгновение ока чем-то смазал ее. Пчела превратилась в маленький комок грязи. Она не укусила, и это меня успокоило. Осмелившись, я подошел прямо к улью. Хозяин открыл крышку и медленно сунул мою руку внутрь.

— Если почувствуешь сильный укус, не отдергивай руку резко. Значит, ты задел пчелу. Но они стараются не жалить, потому что после этого сразу умирают. То есть без причины никто из них не нападет на тебя.

Я внутренне собрался. Сделал глубокий вдох, но все равно по телу побежали мурашки. Когда, наконец, почувствовал, как десятки пчел облюбовали мою руку и, слегка щекоча, стали ползать по ней, напряжение прошло. Хозяин, сунув руку в другой улей,

просто игрался с пчелами. Он водил рукой то вверх, то вниз, иногда вынимал ее и второй рукой гладил насекомых. Все это сопровождалось громким, задорным смехом. Магия этого заразительного хохота взяла в плен и меня. Я уже был частью удивительного мира пчел, их жужжания, безостановочного толкания в маленькой коробке, гула, витавшего в воздухе над пасекой. Испытание закончилось. Было ощущение, что я переродился. Все мои внутренности, голова, другие части тела стали иными, словно бы освободившимися от каких-то пут.

После пережитого мне хотелось только хорошей сытной еды. Пройдя вверх по реке, я вышел к тому караван-сараю, где отведал алабалык¹ в мой последний приезд сюда. Тогда на цепи около сидела белая собака, теперь же ее не было. Я стал расспрашивать, и мне сказали, что чабаны давно увели собаку в горы. Скорее всего, она уже мертва. Как только у нее стали выпадать зубы, пастухи забрали ее с собой. По старому обычаю этих огромных овчарок хоронили там, где они родились, а мать моего Алабая была с местных высокогорных пастбищ. Я представил себе, как она, полуживая, еле плетется меж отвесных гор в окрестностях Трабзона. А может даже, чабаны везут ее на своих лошадях. Полудикие кочевники признавали право животного умереть в родных местах.

Я увез Алабая отсюда, чтобы он смог обрести новую, более достойную жизнь. А вышло все наоборот. Ведь и там, и здесь жили мусульмане, верившие в

¹ Форель (турецк.).

Аллаха, чтившие одних пророков. Но каково было их отношение к его творениям? Алабай, который мог бы жить спокойно в доме одного из главных солдат Империи, был растерзан обезумевшей от злости толпой. А его мать-псица, окруженная полунищими пастухами, умерла с почестями. Какая непостижимая ирония судьбы!.. Я сидел у окна караван-сарая, глядя на горы, и мне совершенно не хотелось возвращаться обратно. Не было больше сил терпеть все эти интриги, игры тщеславия, игру в большую империю, погоню за злополучным секретом ковра. Величие государства измеряется счастьем его подданных, созданными для них возможностями свободно торговать, одеваться, жениться. Сейчас мне казалось, что если не все, то часть этих благ была дана народам именно османами, потому-то они и продолжали завоевывать мир.

Глава 16

*В мир пришедший не может из мира души унести,
Ведь никто не узнал о безмерном, о тайном пути.*

Утром помощники явились ко мне с одинаковыми новостями. Они осмотрели все местные достопримечательности — крепость Зил, что находилась посередине большого ущелья, красивые дома вокруг озера Узун Гель¹, где проживали богатые вельможи, монастырь Сумела, даже прошли по горным пещерам, но, кроме человеческих нечистот в пещерах, им ничего не встретилось.

— И все? Неужели вы не обнаружили ничего подозрительного и необычного? — спросил я.

— Нет, сардар. Мы все обыскали, но ничего не нашли, — едва ли не хором ответили мои люди.

Я пожалел, что доверил им выполнение такого сложного задания. Нужно было самому все проверить. Потратить несколько дней, но пройти по особо подозрительным местам. Решил, что непременно займусь этим лично, как только побываю на рынке рабов, на торгах невольниц, о которых мне говорил разносчик.

Рынок был разбит на две части. В одной, общей, устраивали торги по продаже разнообразной при-

¹ Длинное озеро (турецк.).

слуги — от необученных мальчишек до мастеров своего дела и даже учителей. Тут было шумно,людно, грязно.

Однако была еще и другая часть, открытая лишь для владельцев толстых кошельков. Здесь все проходило тихо, чинно, с некоторыми удобствами. С десятков человек сидели на бархатных подушках вокруг импровизированной сцены. За сценой были расположены комнатки, о предназначении которых можно было только догадываться. Нам подали полотенца, пропитанные розовой водой. Протерев лицо и руки, я приказал подать мне холодного питья. Мне принесли дынного сока. Я пробовал как-то арбузный сок на тегеранском рынке; здешний казался интереснее, хотя лучше бы они смешали дыню с чем-либо еще — например, с гранатом или кизилом. Кто нас ограничивает в наших фантазиях?..

Я начал наблюдать за тем, что творилось на сцене. Сперва появился толстый евнух, одетый в красиво расшитый атласный наряд пурпурного цвета. От его тела исходил чарующий аромат розы, довольно популярный в моем городе. Он и представился как Роза, отчего мне стало немного не по себе. Ехидный хохот пробежал по рядам богачей. Роза был из активных евнухов, которые и сами не прочь лечь в постель, чтобы угодить хозяину.

Потом начали показывать девушек, и о каждом товаре Роза сообщал краткие сведения: место рождения, возраст, девственница ли рабыня или нет, из кафиров¹ или смешанных кровей. Невольниц выво-

¹ Иноверцев.

дили в самый центр, куда больше падало солнечного света. Все они были накрыты легкими материями. По уже установленной процедуре сначала рабыня открывала свое лицо. Если публика заводилась, то после невольница продолжала выставлять напоказ все свои прелести, и цена товара, соответственно, вырастала.

Первой представили брюнетку из Сербии. У нее было довольно милое личико, красивая грудь и осиная талия. Словом, выглядела она недурно, однако в ожидании того, что за ней последуют другие, которые могут оказаться намного интереснее, покупатели осторожничали, желая увидеть всех. Эти торгошники были слеплены из одного теста — хитрые и ловкие.

Некоторые девушки казались веселыми, но были и те, что своим печальным и подавленным видом портили публике весь настрой. Одни уже давно смирились со своей участью, а другие все еще надеялись на счастливый случай. Мне больше всех глянулась юная боснийка с каштановыми волосами и упругой грудью. Высокая и стройная, как газель. Но, едва вспыхнув, мой интерес к ней стал угасать. Всеми виновой был ее взгляд, брошенный невзначай — печальный, но одновременно вызывающий. Взгляд только в мою сторону. Почти так же по ночам на меня смотрела Муниза, когда хотела близости. Теперь все, что было связано с моей бывшей, вызывало раздражение. Я избегал воспоминаний об этой женщине. Пару раз мне пришлось поднять руку, набивая цену за рабыню, но только лишь для того, чтобы не вызвать подозрений. Нельзя было, чтобы кто-нибудь

из присутствующих догадался, что я пришел сюда совсем с другой целью.

Боснийку купил оманский торговец за сорок голов барана. Он не стал дожидаться возвращения домой и тут же увел наложницу в одну из комнат, где познакомился с ней поближе. Вскоре и другие покупатели заполнили свободные апартаменты, из которых начали доноситься стоны. Это тоже являлось частью ритуала. Кто-то из невольниц сразу признавал право хозяина на собственность, а иные пытались сопротивляться, и тогда новые господа просто избивали и насиловали девушек.

— Доложите мне обо всем, что вы видели, подробно, в деталях, — приказал я помощникам, как только покинул рынок насильников, как теперь называл его, и встретился с Джавадом, Рашхдатом, Керманом и Рази в близлежащей чайхане. Кроме четырех моих старых наперсников также присутствовали еще двое, имен которых я никак не мог запомнить. Назову их Абдулла и Ахмет.

— Не забудьте всех нюансов, даже тех, которые могли показаться вам на первый взгляд незначительными! — строго наказал я, прихлебывая чай из тонкостенного армуду¹.

И вот, представьте себе: вместо того чтобы скрупулезно рассказать обо всем подозрительном, эти недоумки начали расхваливать мне красивые дома, построенные из речных камней и красной черепицы.

¹ Стакан для чая грушевидной формы, распространенный как в Азербайджане, так и в Турции.

Джавад признался, что теперь он понял, какими вообще должны быть религиозные деятели.

— У нас они больше похожи на отпетых мошенников, а здесь одеты во все белое и вообще выглядят как самые настоящие люди праведной жизни.

Керман рассказал, что при мечетях есть красивые внутренние дворики, куда может зайти любой.

— Я даже видел, как там отдыхают местные крестьяне.

Рази поделился воспоминанием о том, как его угощали местным каймаком¹, приправляя им блюдо из слегка поджаренной кукурузной муки с сыром и растопленным сливочным маслом. Рашхдат пробовал местную форель, Абдулла слушал сказочно красивый детский хор, Ахмет купил у местных торгашей высушенную хамсу, рыбу, которая огромными косяками плавает в здешних водах.

— Еще раз, где ты видел детский хор? — вдруг резко спросил я.

— Я не видел, сардар, а слышал. Дивное пение доносилось из-за высоких стен Сумелы.

— И что? Тебе понравилось?

— Да, хор был великолепный. По меньшей мере десятки голосов очень слаженно исполняли старинные песни.

Я вдруг вспомнил Самарканд, песню прелестных маленьких девочек во время приема и то, что сказали мне тогда, — что песня эта звучит всегда, когда ткут

¹ Каймак считается национальным блюдом у многих тюркских народов. Делается из снятых с цельного молока сливок, подается обычно с горячим хлебом и другими мучными изделиями.

большой, изысканный ковер. О Аллах всемогущий! Разве это не Твой знак, посланный с небес? Неужели мы близки к разгадке?

Разбившись на две группы, мы выдвинулись в сторону Сумелы.

Керман и Рази, которые шли позади, должны были притаиться в лесу, у самого подножия монастыря, и наблюдать, не крадется ли следом враг. Нам же предстояло осторожно пробраться внутрь здания и как следует изучить его.

Неприступный старинный греческий монастырь Панагия Сумела¹ был выстроен на отрогах горы на высоте более тысячи метров над уровнем моря. Похоже, что строителями явились те самые первые монахи-отшельники, что когда-то проживали в его кельях. Монастырь выглядел сказочно красиво не только днем, но даже ночью.

Обитель, состоявшая из нескольких соединенных между собой четырехэтажных строений, возвышалась над бурной рекой. Мне стало не по себе, когда я увидел горящие окна Сумелы. Точно так же светились окна в моем родном Дербенте.

Кругом стояла тишина. Всего одна тропинка вела к монастырю. Мы поднялись по высокому обрыву вверх, описали большой круг и осторожно спустились

¹ Панагия Сумела — Всесвятая с горы Мела — древний православный монастырь близ Трабзона, основанный в конце IV века н.э. В монастыре хранилась чудотворная икона Богородицы, написанная, по преданию, апостолом Лукой. В описанные времена монастырь действовал и даже по решению османских султанов сохранял все свои привилегии. Монахи покинули Панагию Сумелу в годы Первой мировой войны, после чего он был разграблен турками. Легендарная икона была вывезена в Грецию.

во внутренний дворик. Из оружия у нас при себе имелись только небольшие кинжалы.

Вся территория двора была завалена какими-то бочками, досками и многочисленными доспехами. Мы еле-еле прошли. Напрашивался вопрос: для чего все это монахам? Однако сейчас главным было не наткнуться на кого-либо из обитателей. Заглянув осторожно в одну из комнат, мы сразу же догадались, что перед нами склад для пшеницы и кукурузы; в другой стояли кузнечные станки. Наверняка чтобы делать домашнюю утварь, а заодно и оружие. Лишь в третьей нам повезло найти то, что мы так долго искали. Это было довольно просторное помещение с высоким потолком. Центральная часть зала была заполнена многочисленными стеллажами с рукописями, рисунками и планами, а вдоль стен красовались огромные станки для изготовления ковров. Высота их была в четыре человеческих роста и в два раза больше они были в длину. Нам стало понятно, почему здесь успешно создавали такие красивые ковры.

Ткать начинали сверху. Девушки взбирались на станок, усаживались на бревно и под свои любимые песни, поглядывая на эскиз, быстро и ловко завязывали узелки, из которых складывался неповторимый орнамент, единственный в своем роде.

Наконец-то я точно знал, откуда пришел подарок Сулеймана. Найти самих мастеров и заставить их заговорить — дело нескольких дней. Я твердо решил, что, пока не докопаюсь до сути, никуда отсюда не уеду. Мы также незаметно покинули обитель, как и проникли на ее территорию. Было холодно и темно, как бывает только высоко в горах.

Отойдя от монастыря на достаточное расстояние, мы разбили лагерь у реки. Я назначил Ахмета в караул, чтобы глядел в оба. Ночью и у горной реки запросто можно было неслышно подобраться к лагерю. Между тем нам не помешало бы отдохнуть и набраться сил. Перед тем как заснуть, я заметил, как на землю опускается крошечная тьма — Луна зашла, и лишь большущие звезды сияли на небе. Меня сморил сон.

Вскоре откуда-то появился свет. Он исходил от удивительно красивых узоров ковра Сулеймана. Точно лучи пронизывали его, и ковер блистал, как горит рубин на ярком солнце. Персонажи, изображенные на полотне, вдруг стали оживать и в бешеном танце кружиться над моей головой, словно все происходит именно здесь и сейчас: Хосров поражает прекрасную косулю стрелой, я даже слышу стон подбитого животного. Затем Шахиншах поднимается на старинный трон, который со временем изменяется, становясь то золотым, то покрытым дорогими самоцветами. Преображается и его дворец, превратившись в крепость из белого мрамора; наложницы всех рас сменяют друг друга, и среди них красавица Райхана. Вот Хосров женится по расчету на Марьям, но это не приносит ему счастья. Тогда он находит Ширин в горах Кавказа. Их семейная идиллия продолжается недолго. В небесах раздается гром, и начинается потоп. Под конец сын Марьям, Шируйе, вонзает меч в спину Хосрова, и тот понимает, что ему больше не жить. Вот Ширин плачет, а человек в белом читает Коран. Я слышу его речь на арабском языке, но в то же время не смолкают раскаты грома и шум воды. Эти звуки сливаются в одну бурную реку и несутся в мою сторону. После меня

заливает водой, и я всем телом чувствую эту влагу. Я насквозь промок, меня трясет от холода, и тут вдруг из воды всплывает нагая Райхана.

— Полна и горечи, и страстного огня, Райхана торопит бег прекрасного коня, — говорит она и начинает целовать мои глаза, щеки, губы.

Это как вино, которое ты жаждешь испить, чтобы понять, как быть дальше. Райхана разрешает мне погладить свои упругие груди, которые пахнут магнолиями. Но я до них не дотрагиваюсь, а просто вдыхаю дивный аромат. Боже, какой блаженный момент!

— Люби меня, Хосров, великий и бессмертный. Только у великого сардара может быть такая Ширин, как я. Прикажи мне, шахиншах, и я все сделаю для тебя, — страстно шепчет Райхана, прижимая мою голову к груди.

Но мне хочется скользить по телу, трогать ее всю. Я мечтаю лишь о том, чтобы наслаждение продолжалось и продолжалось.

Райхане передается мое желание, и она ложится на меня спиной, так, чтобы я мог провести рукой по ее ногам. При этом она извивается, как змея. Я утопаю в свежем запахе ее волос. Руки нежно ласкают ее груди и бедра.

— Мое тело дрожит, как лунный луч в струистой влаге, Хосров, — сказав это, она резко поворачивается ко мне лицом и, застонав, сжимает руками мое тело. — Возьми меня, я чистый снег вершин, Хосров, — стонет она, как и я, крича от удовольствия и страсти.

Настал момент в нее проникнуть, и я вонзаюсь в жаждущее тело. Вмиг меня орошает влага, изошедшая из ее внутренностей.

— В мире все игра, Хосров, что вне игры любовной, — произносит танцовщица.

Кажется, что сердце вот-вот выпрыгнет наружу, и я умру.

— Все игра, что вне игры любовной! — кричу я изо всех сил, и в моей голове взрываются миллионы белых тонких пузырьков.

Когда я проснулся, сердце мое еще продолжало бешено колотиться, а на шальвары излилось семя. Однако никакого беспокойства это не доставило. Ведь меня посетило озарение, и я наконец-то раскрыл секрет ковра.

Глава 17

*Ты избран меж людьми! Творец, тебя любя,
Весь мир сверкающий раскинул для тебя.*

Покойный Видади оказался прав. Все это время секрет ковра был у всех на виду. Райхана не случайно обращалась ко мне как Ширин к Хосрову. Все те слова, которые она произносила во дворце и шептала мне на ухо во сне, были из поэмы Низами «Хосров и Ширин». То, что я их не заметил, вовсе не означало, что они ничего не значили... И это еще не все. Человека в белом, стоящего рядом с Ширин у смертного одра Хосрова, тоже в книге нет. Кто он и когда успел появиться в этой великой истории о любви и власти?

Понять все это можно было только в одном городе — Багдаде, где хранились древние рукописи всего исламского мира. Знаменитая библиотека, созданная еще Аббасидами¹, — вот то место, где мы прятали оригиналы всех великих произведений. Багдад считался предпочтительным еще и потому что сейчас он находился под нашим влиянием.

¹ Арабская династия, правившее странами Ближнего Востока с VIII по XIII век (в дальнейшем до середины XVI века Аббасиды были халифами Каира, но не имели реальной власти). Период владычества династии считается эпохой расцвета мусульманского мира.

Но времени на то, чтобы успеть вернуться ко двору Шахиншаха, доложить обстановку и ожидать разрешения для поручения мне еще одного задания, — катастрофически не было. Иначе это задание, действительно станет моим последним путешествием. Ведь если я не найду ответа в ближайшее время — считай, миссия провалена.

— Здесь наши пути расходятся, — сказал я своим помощникам утром. — Мы разделимся, вы вернетесь домой.

— А как же Сумела и ковры, которые там ткут? — спросил озадаченный Рази.

— Этим, скорее всего, будут заниматься уже совсем другие люди. Наша задача была в том, чтобы найти место, где был создан подаренный нашему Повелителю ковер, и мы это сделали. Все остальное не наша забота, — твердо ответил я ему.

Сарбазы смотрели на меня ошарашенно. Они все еще не понимали, что происходит на самом деле. Как за одну ночь все могло так резко измениться? Еще вечером мы планировали похитить кого-нибудь из монастыря и пытаться, чтобы вытянуть из него как можно больше сведений. А сейчас пятимся, как раки, назад? Мои люди не хотели сдаваться, когда мы находились так близко от цели.

Но, чтобы достичь ее, мне придется пойти в сторону Средиземного моря и через остров Кипр добираться до Багдада. Наверное, часть армии султана Сулеймана начнет наступать именно в этом направлении. Так что меня ждала очередная интрига — встреча со Средиземным морем и секретами его побережья. Когда-то его большие города Смирна, Эфес, Аспендос, Иерапо-

лис, Лаодикия и другие были носителями передовых идей греко-римской цивилизации, которая так быстро пала под мощным натиском тюркских воинов.

Первым городом Средиземноморья на моем пути стал Алайе¹. Город походил на скромное тихое поселение, в котором завоеватели неплохо прижились. В честь своей победы они построили на берегу моря высокое фортификационное сооружение из красного кирпича. Крепость имела шестиугольную форму со множеством широких проемов, откуда удобно было палить из пушек по кораблям противника².

Земли вокруг Алайе здорово напоминали мне те теплые заморские края, куда я однажды плывал за змеиным яблоком. Здесь тоже росли пальмы, протекали полноводные реки, и было очень много солнца. Все поля орошались и засеивались подсолнухами, кукурузой, а в садах встречались гранаты и оливковые деревья. Люди были одеты во все чистое. Даже деревья они вырубали очень бережно и затем складывали бревна друг на друга. Все говорило о высокой культуре местных жителей. Вот бы сейчас удивился великий визирь, увидев жизнь османских подданных, которых он бесцеремонно называл неграмотными варварами.

¹ Алайе город был назван сельджуками в XIII веке, после завоевания бывших византийских земель в честь султана Ала-ад Дина Кей-Кубада. Впервые же город на этом месте стал известен в пору Хеттского царства под греческим именем Коракесион, происходящим, впрочем, из лувийского языка. После крушения Западной Римской империи, в византийский период, город носил название Калонорос («прекрасная гора» — *др. греч.*). Современное название Аланья город получил в 1935 году.

² Красную башню и большую часть крепости в Алайе построили при владычестве сельджуков, а не осман.

Для меня большой неожиданностью стало то, каким образом полудикое племя смогло отвоевать этот город у неверных. Оказалось, что их полководец долго не мог взять боем крепость, расположенную на высокой скале. Тогда он пошел на хитрость, приказав своим воинам привести всех коз и другой рогатый скот из соседних поселений. Ночью воины привязали к их рогам маленькие горящие факелы, и это стадо погнало в сторону крепости. Когда защитники крепости увидели, сколько солдат у османов, они сдались без промедления.

На берегу моря, усыпанном миллионами маленьких камушков, мне предложили попробовать рыбу с чудным названием — чупра¹. Она обладала нежным мясом, которое готовилось на слабом огне и подавалось с лимоном.

— А вот вам и наше последнее местное угощение — райское яблоко², — сказал в конце обеда разносчик, принеся сладкое.

Услышав знакомое слово, я невольно приподнялся. У меня была непоколебимая вера в то, что там, где есть яблоки, я повторю свой успех, как это случилось однажды со змеиными фруктами. Сердце мое забилося, а лицо залилось краской.

— Откуда такое необычное название для прекрасной хурмы? — возбужденно спросил я.

Лицо разносчика выражало изумление.

— Так ведь все понятно: райское — значит в раю растет. А яблоко потому, что... — здесь мальчуган

¹ Рыба вида *Sparus aurata*, в Европе известная как дорада.

² Райским яблоком здесь называли хурму.

задумался, но через секунду, засмеявшись, ответил: — Если честно, не знаю.

— А какое еще интересное яблоко ты можешь предложить?

— Кактусовое, — быстро ответил он. — Оно по вкусу чем-то похоже на хурму.

— Да, нет, такого не может быть! У кактусов не бывает плодов, — полагаясь на свои неплохие познания в этой области, ответил я.

— В ваших краях не бывает, а у нас все возможно.

Мальчик быстро удалился и вскоре вернулся с тремя большими фруктами красного цвета. Они действительно были размером с яблоко и покрыты крупной чешуей. Сделав тонкий разрез сверху, он раздвинул кожуру и дал мне полакомиться вывалившимся плодом. Тот и правда оказался очень сочным, а вкусом напоминал смесь дыни, груши и спелой хурмы.

Здесь все места пахли по-особенному. В местной бане меня и оставшегося со мной слугу поместили в нечто похожее на огромные коконы. Не успел я досчитать до тридцати, как с тела уже ручьями потек пот, смешанный с пылью дорог, по которым мы долгое время путешествовали. Потом, совсем не дав опомниться, уложили на большую и теплую мраморную плиту. Банщик облил меня водой и, взяв из чаши густую грязь, начал обмазывать ею тело.

— Это кофе, сардар, — обернулся ко мне слуга.

— Да, это турецкий кофе, — понял банщик. — Сейчас я нанесу гущу и оставлю на короткое время, затем добавлю мазь из жасмина и бергамота.

После каждой обмазки банщик с большими усами обливал нас теплой водой, и я ощущал себя в реках

рая, спрятанных между холмами из мускуса. Потом он взял теплый чан и заполнил его пеной, которая была легкой, как перышко. Банщик тер нас тряпкой, переворачивая то на живот, то на спину, драил ноги и руки. В конце, усадив на плиту, положил на голову огромную пену, которая походила на уродливо большую корону.

— Со вторым рождением вас обоих, — произнес, улыбаясь, банщик в конце процедуры.

Такого приятного ощущения легкости у меня не было еще никогда. Казалось, что я такой же невесомый, как и пена в этой бане.

И везде, куда бы ни попали, нас ожидал какой-нибудь сюрприз. В древней местности, названной османами Памуккале¹, мы увидели изумительные каскады в несколько уступов, по которым низвергалась вода, а все это огромное пространство было покрыто солью. Я никогда не видел ничего более захватывающего. Сняв одежду, вошел в одно из маленьких озер. Вода оказалась чистой и, как ни странно, холодной, хотя вокруг стояла невыносимая жара. Внизу же простиралась огромная долина, и открывался вид на много стадий вперед.

Не менее зрелищным оказался город за озерами. В свое время он являлся одним из центров Римской империи и назывался Иераполис². Перед входом

¹ Хлопковая башня (турецк.).

² Иераполис — античный город, известный со II тысячелетия до н.э. В 190 г. до н. э. царь Пергама Евмен II отстроил его заново и дал имя Иераполис — священный город. Иераполис находился в зоне тектонической активности и не раз страдал от землетрясений, в 1354 г. крупнейшее Фракийское землетрясение разрушило его до основания. В Иераполисе находился храм подземного бога Плутона, также в 80 г. н. э. здесь был распят вниз головой апостол Филипп.

в главные ворота перед нами предстала огромная статуя бога подземелья Плутона. Здесь действительно было много подземных ходов и вырытых каналов, но и сам город представлял немалый интерес. Огромные бассейны под открытым небом, где римская знать убивала время, широкая главная улица, обставленная высокими колоннами, и огромный амфитеатр создавали образ старинного и богатого города.

Римский амфитеатр был построен рядом со старым греческим и, только увидев и сравнив эти два одинаковых по предназначению сооружения, можно было понять, какими разными были эти две цивилизации. В греческом амфитеатре собиралось максимум две тысячи зрителей, а римский мог вместить не менее двенадцати — то есть все население города. Греческий имел только малую сцену, а римский был застроен специальной стеной прямо за сценой, там же красовались величественные статуи их богов. Было ясно, что римляне придавали амфитеатрам важное значение — скорее всего потому, что здесь проводились какие-то церемониальные мероприятия.

Римляне оставили в этих краях огромный след. Чего только стоил остров Клеопатры в Эгейском море. Его воды и волны были голубыми и блестящими, а берег усыпан ярко, белым и нежным песком. Легенда гласила, что песок сюда привезли на сорока кораблях по приказу Антония специально для Клеопатры и что она любила здесь отдыхать, сбежав со своим любовником подальше от интриг двора. Только походив по этому песку, можно было понять, какой красавицей была царица Египта. Он совершенно не обжигал кожу, даже если вокруг все горело от жары.

Наоборот, в него можно было закопаться и часами лежать под солнцем.

На острове Клеопатры я ощутил еще кое-что в первый раз, и это была страсть к плаванию. Конечно, я любил иногда поплескаться в Каспийском или Черном море, но тут я почувствовал себя великаном Рустамом из «Шахнаме». Чистое, синее море манило тебя, ты мог плавать часами и почти не ощущать при этом усталости. Я заплывал так далеко, что терял очертания берега. Когда же приятная усталость все-таки накатывала на меня, ложился лицом к солнцу и отдыхал. Вода в здешних краях была настолько соленой, что ты просто не мог утонуть. Я бы никогда не посмел заплывать так далеко в наших водах. Здесь же море придавало тебе сил и словно говорило: «Я твой друг». И в этом было что-то великое. Лазурные волны ласкали тело, маленькие черные рыбки кружились вокруг, словно свита, и всюду расстилались огромные, бесконечные просторы, которые манили тебя в дальние плаванья, к новым, еще не открытым землям.

Когда я нырнул в последний раз, то увидел пещеру, уходящую под воду. Мне показалось, что она была искусственной. Ее арка немного походила на те, что я видел на развалинах Иераполиса. Я хотел заглянуть внутрь, но в последний момент передумал. Почему-то вспомнил статую бога преисподней у входа в этот странный город и испугался. Показалось, будто какой-нибудь морской черт из его подручных схватит меня и утащит за собой.

— Я видел пещеру у берега, — сказал я слуге, выйдя из воды.

— По легенде, там спрятаны сокровища Клеопатры, — быстро ответил мой спутник.

— А ты откуда знаешь, что там есть пещера, да еще и с сокровищами?

Слуга засмеялся:

— Не обижайтесь, сардар. Но я наблюдал с берега за вами, и как только вы начали нырять, местный старик, стоявший рядом, громко засмеялся. Когда я поинтересовался причиной его веселья, он сказал: «Вот, еще один глупец пришел за сокровищами Клеопатры». Оказывается, веками до нас чужеземцы и местный люд искали в этой пещере драгоценности. Говорят, иногда рядом с этим местом стояло до десятка кораблей. Ныряльщики с факелами, которые освещали им путь под водой, тщательно осматривали пещеру, раскапывали все вокруг, но так ничего и не находили.

— Думаю, что такая умная женщина, как Клеопатра, никогда бы не припрятала свои драгоценности вдали от дома. Этот старик прав, — теперь уже засмеялся и я.

Последним местом, которое я посетил в этих краях, оказался древний Аспендос¹. Это единственный город, сведения о котором я смог вычитать в наших источниках. До того как Александр Македонский отбил его у Дария III, он считался частью великой империи персов. Аспендос, открывшийся моему взору, выглядел большим поселением с богатыми домами. Все земли вокруг города были усажены айвовыми деревьями. Людей у главных ворот толпилось — яблоку негде

¹ Древнейший город Ликий, затем входивший в состав Персидской империи, Афинского морского союза, Римской империи.

упасть. Здесь торговали едой и тканями, ремесленники предлагали кувшины и чаны, огромные караваны верблюдов стояли в тени стен, прячась от палящих лучей солнца.

После длительных походов эти выючные животные так жутко воняли, что к ним не хотелось приближаться. Но мне понравилось, что под хвост им привязывали небольшие подсумки, куда животные испражнялись. Сначала я подумал, что это показатель высокой культуры и опрятности местных народов, но потом выяснилось, что так здесь собирают навоз, который затем продают землевладельцам. В отличие от них самих, испражнения верблюдов почти не имели запаха. Ими удобряли посевные поля, обогащая почву минеральными солями. Смешивая навоз с саманной массой глины и соломы, делали кирпичи, которые использовали в строительстве домов, а подсушенные на солнце лепешки из помета применяли в качестве горючего материала при приготовлении пищи и для обогрева жилищ.

Перед тем как зайти внутрь городских стен, я уловил знакомый запах гашиша. О, как же я соскучился по нему! Группа бродячих дервишей играла на сантуре¹ и дафе². Они прыгали и плясали, как дети, выпрашивая милостыню. Несмотря на то что нищие были в лохмотьях, босые и грязные, выглядели они необычайно счастливыми.

Главной достопримечательностью Аспендоса был огромный амфитеатр. Построенный из белых каменных глыб огромного размера, он был такой мону-

¹ Струнный ударный музыкальный инструмент, род цимбал.

² Ударный инструмент, разновидность бубна.

ментальный, словно одним своим видом говорил, что стоял здесь много столетий и простоит еще столько же. Я поднялся на верхний уровень, где находились лавки торговцев. Всего насчитал около шестидесяти лавок, в которых продавались разные безделушки. Отсюда открывался прекраснейший вид на окраины города, обширные посевные поля и бурную реку, протекающую рядом.

Но меня поразило другое — здесь дул тот же самый прохладный ветер, который я ощутил в Стране Темных морей и который трепал листья высоких чинар моего Дербента. Ветер всегда сильно действовал на меня. Я всегда встречал его в особенных местах, словно старого друга, и впоследствии всегда оказывалось, что моменты его появления связаны с величественными тайнами. Иногда думалось, что мы очень похожи с ветром, ведь он такой же невидимый и независимый, как и я. Поэтому присутствие ветра в жарком амфитатре Аспендоса заставило меня присмотреться к месту и людям пристальнее. Если те, кто строил древний город, смогли заманить сюда неутихающий ветер, значит, они являлись носителями немалых знаний и многих секретов.

В амфитатре сегодня намечалось важное событие: казнь.

Присмотревшись, я увидел возле сцены цвет местного общества. В трех первых рядах сидели чиновники, вельможи и зажиточные купцы. Мы со слугой скромно расположились посередине. Между рядами бегали мальчишки и продавали фрукты и безделушки — дешевые браслеты, бусы, платки. Другие предлагали зрителям родниковую воду.

Вскоре толпа загудела, и на сцену вывели сильно избитого арестанта. Он стоял со связанными руками за спиной и выглядел жалко и убого. Правое ухо заключенного было перевязано, но все равно продолжало кровоточить. Городской сановник принялся зачитывать список его прегрешений, где главным пунктом значилось воровство быка, предназначенного для жертвоприношения во время празднования Курбан-Рашхдата, который по иронии судьбы османы еще называли сладким праздником. Приговор был суровым — смерть через удушение.

— Смерть за воровство какого-то быка? Не слишком ли жестоко? — возмутился я.

— Это же жертвенное животное, значит, и тяжесть кражи возрастает в разы, — предположил мой слуга.

— Это всего лишь бык, как ни крути...

Толпа ликовала. Эта была та же самая толпа, которая глумилась над трупом моего Алабая. Нахлынувшие воспоминания омрачили мое и без того не очень хорошее настроение. Все эти твари были сделаны из одного теста.

Приговоренный к смерти бился головой о землю, вымаливая себе прощение. Его рыдания отзывались у меня в ушах так громко, будто я находился рядом с несчастным. Обреченный усердствовал, но это не помогло. На сцену вышли еще двое конвоиров и, подвесив его за руки, начали запихивать при помощи тонкого железного прута в рот длинную и склизкую материю. Бедняга дергался во все стороны, но ничего не помогало. Материю проталкивали все дальше и дальше, заставляя арестанта жутко краснеть и выпучивать глаза от дикой боли.

Когда им стало ясно, что арестант вот-вот отдаст концы, материю потянули назад. И затем жуткую процедуру повторили еще дважды. Казалось, вор уже окончательно задохнулся. Когда вынули материю в последний раз, я облегченно вздохнул, наивно думая, что его страдания наконец-то закончились. Но, оказывается, железный прут зацепился за что-то внутри, и это стало началом самой извращенной пытки. На конце прута был приделан крючок; палач, прихватив им внутренности казнимого, начал медленно извлекать их наружу. Через мгновение из рта у того потекла струйка крови, превратившись вскоре в кровавый поток со сгустками плоти и слизи. Вокруг завоняло. Спасибо ветру, который слегка развеял смрад.

Меня начало мутить. Кое-как вырвавшись из рядов, я поднялся наверх, где находились лавки торговцев. Стало подкатывать к горлу, но вдруг все стихло. Когда я вернулся, мертвое тело вора уже уносили со сцены. Это была ужасающая картина. Мой лоб моментально покрылся липким потом, а тело затряслось. Слуга сказал, что я не должен так переживать за какого-то бездомного вора, которого наказали по справедливости.

— Ты не понимаешь, — захлебываясь от слез, ответил я. — То же самое будет и с нами, когда они нападут на Персию. Пленников точно так же будут развозить по древним городам Империи, пытать и умерщвлять на потеху разъяренной толпе.

Мой спутник задумался и враз помрачнел. Он понял, что я хотел сказать. Наверное, у него была семья. А в назревающей войне, ему, как авангарду имперской

армии, предстояло первым встретить врага. Мы ни о чем не говорили целый день, не ели и практически не пили, пока не добрались до маленького портового города Агкале — Белая скала. По пути я много думал о том, что увидел. Истина открылась мне во всей неприглядности — самое страшное, когда твой враг умный, целеустремленный и жестокий. Османы понимают, что должны победить нас любой ценой, ибо мы разделили некогда единый мусульманский мир на суннитов и шиитов. Предстоящая победа определит их господство над всем мусульманским миром на грядущие века. А эта задача стоит того, чтобы вести себя подобно жестоким варварам. Бедные дети и жены моей земли, неужели вам придется пережить такое?

Небольшой корабль отплывал от Белой скалы на Кипр. Вода здесь была чистой и бирюзовой, как покрытие из дорогого камня. Дно хотелось разглядывать часами. Сам город застроен деревянными домами разной формы. В некоторых из них имелись большие балконы, заставленные яркими и красивыми цветами. В тени богатых домов спокойно лежали большие собаки, будто они их хозяева. На секунду я подумал, что если внимательно присмотреться, то можно найти и щенков. А что, если выкрасть одного из них и увезти в Тегеран? Но мысль о том, что с ним может приключиться то же, что и с моим любимым Алабаем, сразу же отбила охоту затевать новую авантюру. В одной из лавок возле самого причала мне в глаза бросилась надпись на арабском языке: «Даром отдаю хлеб неимущим».

Если бы мне довелось увидеть эту надпись месяц назад, я был бы несказанно удивлен. Но сейчас она

показалась такой обыденной!.. За время путешествия по землям османов я кое-что понял про эту страну. Она была велика и обильна, но все хорошее и нужное, что имелось в ней, было только для своих. А железный прут с крюком на конце — для нас. Потерянным и раздавленным чувствовал я себя после столь долгого путешествия по древним городам, давшим когда-то жизнь православию.

Глава 18

*В стране, где черный дух во все проникнул тьмою,
Снежинки черными покажутся зимою.*

Кипр столетиями считался центром пиратства, вольности и разврата. Поэтому я здесь не задержался. Меня манил город «Тысячи и одной ночи», который многие считали частью арабской литературы, хотя история любви шаха Шахрияра и его жены Шахерезады имеет сугубо персидские корни.

Вопреки всем ожиданиям, Багдад оказался богом забытым местом. Глупая традиция возносить правителей и города до небес!.. Начинаешь жить в предвкушении долгожданной встречи, а оказавшись на месте, находишь грязь и трущобы. К тому же после османских берегов и гор эти полупустынные земли казались особенно унылыми. Как и во всей Империи Сефевидов, время здесь будто бы замерло. Не было того азарта и гомона, крика чаек и рыбаков, шума базара и волн, что делает город живым и интересным. От бывшего величия некогда сильной и могущественной империи Аббасидов сохранились лишь жалкие остатки.

Город, построенный из грязи, был разделен на две части рекой Тигр. Мостов через водную артерию не существовало. Вместо них берега соединяли десятки

маленьких лодочек со сложенными на них бревнами. Это нехитрое сооружение и служило переправой. Совсем нетрудно было догадаться, что происходило с городом весной во время половодья. Самыми эффектными ориентирами были три большие мечети с голубыми и синими куполами и позолоченными узорами на них.

Среди этих мечетей и располагался один из самых древних университетов мира — Медресе аль-Мустансирия,¹ названный в честь своего основателя, аббасидского халифа аль-Мустансира². Оно выглядело немногим лучше всех остальных построек в городе. Двухэтажное здание, в котором расположился университет, было возведено из твердого светлого камня. В сахне, внутреннем дворике, был разбит небольшой сад с маленьким фонтаном, который создавал легкую прохладу.

Но стоило покинуть это уютный тихий уголок, как я попал в мир, состоящий из грязи и торгашей. Люди брились прямо на улице, грузчики таскали на себе огромные мешки с финиками и хурмой, зерном и хлебом. Все товары лежали прямо на земле.

Я не знаю, что здесь происходило во времена династии Аббасидов и каким цветущим был тогда Багдад, но сейчас этот город представлял собой жалкое зрелище. «Почему турки захватывают прекрасные греческие города, а мы — никому не нужные трущобы Ближнего

¹ Самое прославленное медресе Ближнего востока, создано в 1227–1233 гг. Сейчас — Университет Аль-Мустансирия.

² Абú Джафар аль-Мансúр ибн аз-Захír аль-Мустансír Биллáх (1192–1242) — предпоследний багдадский халиф из династии Аббасидов, сын халифа аз-Захира.

Востока? В чем мы провинились перед Аллахом?» — спрашивал я себя.

Вернувшись в медресе, я представился отшельником из ордена шуубийа¹, которому необходимы редкие рукописи персидских писателей, и меня провели к главному мулле. Это был скорченный то ли полуживой, то ли полумертвый старик. Он сидел на ковре, склонившись, длинные волосы закрывали лицо, и мне трудно было разглядеть его черты.

— Я думал, что вас уже больше нет на Земле, мой друг, — еле слышно произнес мулла.

— Мы только начинаем свой путь, устад².

— И много ли у вас планов?

— Вот уже добрались до Багдада. А пятьсот лет назад нас начинали вытеснять именно отсюда. Аль Бируни, Рудаки, Фирдоуси и еще сотни других малоизвестных поэтов, философов, математиков, мобедов³ подвергались нападкам и гонениям. Их притесняют и сейчас. Особенно в Центральной Азии. Тимуриды не дают им и глаз сомкнуть.

Я говорил достаточно громко, ибо не был уверен, что собеседник хорошо меня слышит. А еще, наверное, потому, что хотел показаться наивным человеком, голова которого забита разными философскими учениями.

¹ Строго говоря — не орден, а политическое движение в Арабском халифате, отрицающее право арабов на главенство в умме. Было представлено в основном мусульманами персидского происхождения.

² Персидское слово, означающее высшую форму совершенства.

³ Мобед — потомственный священнослужитель в зороастризме, считается, что их предками были первые ученики Заратустры. Поскольку речь идет уже об исламской культуре, здесь употреблено в значении «мудрец».

— Мир — это переливающийся сосуд, — хриплым шепотом, едва слышно сказал старик. — Наш Дом мудрости¹ создал Аль-Хорезми² из Центральной Азии. В одно время под его руководством работало более ста ученых.

Тут он умолк. Видимо, заснул. На помощь пришел его молодой помощник. Он мне сразу понравился — веселый и дружелюбный. Звали его Агаи Амир.

— Так вот, — уже продолжал Амир, — здесь для мыслителей были построены обсерватория, больница, библиотека, музыкальная и картографическая комнаты и еще много чего. Студенты Хорезми по звездам описывали реки и моря, народности, жившие вдали от нас. Поэтому его называли «аль-маджуси»³, и все боялись.

— Только ведь все это затем пришло в упадок.

— Но мы выполнили свою главную миссию — не дали исчезнуть человеческой мысли, которая зародилась в Древнем Египте, перешла в Грецию, оттуда — в Римскую империю, потом — к нам, далее в Центральную Азию и теперь уже является яблоком раздора между османами и персами. В зависимости

¹ Первая исламская академия, созданная в IX в. в Багдаде халифом аль-Мамуном. Значительную роль в академии играли персидские ученые. Для библиотеки Дома мудрости собирались древнеиндийские и греческие рукописи, с этой целью было отправлено специальное посольство в Византию. Академия просуществовала до 1258 года, когда Багдад был захвачен монголами, Дом мудрости разрушен, а книги из его библиотеки выброшены в Тигр.

² Абú Абдулла́х (или Абу Джафар) Мухáммад ибн Мусá аль-Хорезми́ (примерно 783-850), знаменитый математик, а также астроном и географ родом из Хивы (Хорезм). По легенде, происходил из мобыдов.

³ Маг.

от того, кто сейчас победит, и будет решаться судьба ваших народов на грядущие пятьсот лет.

— Ох, и несладко же будет, — улыбнулся я.

— Однако у меня есть и хорошая новость. Приезжих, как вы, у нас практически нет. Комнат много и достаточно рукописей. Начинайте, с чего душа пожелает.

Предельная вежливость Амира насторожила меня. Да, чисто по-человечески он определенно мог мне нравиться. Но личные симпатии не берутся в расчет, когда речь идет о деле. Нужно было отвлечь его внимание каким-то незначительным, пустяковым, скажем так, вопросом. И я произнес:

— Меня интересуют самые последние трактаты известных ученых. Все остальное, думаю, мне худобно, но известно, — сказал я специально, чтобы отвести внимание от своей тайной цели. — Что вы можете посоветовать?

— Трактатов, орденов, секретных течений великое множество. Но самое главное в том, что сейчас это никому уже не нужно. Все эти знания имели смысл пятьсот лет назад, когда шла борьба идей, бурлила жизнь, когда происходил расцвет всех наук — математики, астрономии, медицины, музыки. Сегодня эти знания похожи на немощную бабушку, снисходительно ожидающую помощи от своих внуков.

Что-то не в ту сторону понесло Амира. Меня не покидали сомнения насчет истинных намерений ученого. Человеком он казался вроде неглупым. К чему тогда ему нужно было нести всякую ерунду, стараясь убедить меня в обратном? Даже такой далекий от науки человек, как я, понимал, насколько важны для

потомков сотни и тысячи свитков, покрытых вековой пылью и обветшавших от времени. Ведь проведя столько дней в пути, я пришел именно сюда.

— Знаешь, что было настоящим чудом этого медресе и уже никогда не повторится в будущем?

— Нет, — очнувшись от тяжелых мыслей, ответил я.

— Наложницы Дома мудрости. Эта история не имеет повторения нигде в мире. Они слыли не только самыми красивыми, но и самыми умными женщинами своего времени. Первым их заметил Аль-Кинди¹, когда молодые девушки танцевали под его музыку. Одна из них, Нурида, — кстати, из ваших краев родом, — сказала, что музыка у Аль-Кинди неблагозвучна. Это обидело эгоистичного исследователя, и он, насмехаясь, предложил чтобы она переделала написанное им сочинение по своему усмотрению. Нурида не только заново переписала, но и превосходно сыграла мелодию на уде². Так ученые наложницы стали главным открытием Дома мудрости.

Затем Амир рассказал про астронома Басму, лекаршу Джавахир, Издахару, которая спорила с самыми

¹ Аль-Кинди — философ, астроном и теоретик музыки, живший в Багдаде в 801–873 гг. Первый из исследователей Аристотеля в исламской культуре, автор многочисленных трактатов, в том числе «О лучах», «О зажигательных зеркалах», «О причине голубого цвета неба», «О причине приливов и отливов», «О причине снега, града, молнии, гроз, грома», «О дождях, ливнях и ветрах», «О различных видах мечей и железе хороших клинков и местностях, по которым они называются», «О применении индийской арифметики», «О гармонии чисел», «Об определении расстояния до Луны», «О небесных явлениях», «О движении планет» и др.

² Древний струнный инструмент, прообраз гитары.

смелыми мыслителями. Сейчас уже об этом никто и не вспоминает, но красавица Джавахир была настолько влиятельна, что сама решала, с кем лечь в постель.

— А что сейчас? Нам приходится любоваться танцовщицами, которые даже не могут плавно и ритмично покачивать бедрами, — грустно подытожил Амир.

Мы беседовали так долго и живо, что совсем забыли про устада. Старик пребывал в своей стихии: он или тихо, себе под нос, что-то бормотал, или просто храпел. Вежливо попрощавшись, я собрался уходить, но тут Амир громко вскрикнул:

— Веками здесь существовало правило. На ночь учитель задавал вопрос, чтобы ученики думали над ответом перед сном. Вот тебе вопрос на ночь: что является главной бедой нашего сегодняшнего отставания? Мне не нужен длинный ответ, потому что состоит он из одного простого слова.

— Я вас понял, Агаи Амир. Постараюсь до утра найти ответ.

Но в эту ночь я не мог думать о чем-то серьезном. У меня давно не было женщины, и, если мне чего-то и хотелось, то только страстной танцовщицы с пышными формами. Почему-то после долгих походов я стал предпочитать полных женщин, подобно тому, как голодный скиталец желает не в меру много блюд. Но города я не знал, а просто так бродить по грязным улицам в поисках дома удовольствий не было никакого желания.

Рано утром я отправился в первую попавшуюся забегаловку, где мне приготовили хороший кофе. Как

ни странно, это оказался кофе по-турецки. Напиток подали в маленькой чашечке, а на блюде положили кусочек сладости, которую называли рахат-лукум. Принесли также маленький глиняный кувшин с водой. Кофе был действительно очень вкусным. Кто-то подсказал, что рахат-лукум нужно, прежде чем пробовать, смочить в кофе и потом запить водой. Проблема в том, что жгучий черный напиток был слишком вкусным, чтобы смешивать его с чем-то еще, и я вежливо отказался от последнего предложения.

Жареные баклажаны, в середину которых положили яйца, и свежий хлеб сделали мой завтрак еще более запоминающимся. Подкрепившись, я отправился в библиотеку, чтобы припасть к источнику мудрости.

Из всего огромного количества залов я попросил показать мне тот, где хранились старинные рукописи.

— Нет, не папирусы, мне нужны свитки, — сообщил я проводнику, который провел меня по темному коридору в самый конец хранилища. Коридор хотя и был широкий, но по обе его стороны стояли большие деревянные сундуки. На каждом из них висели огромные замки, которые, наверное, были тяжелее самих этих сундуков.

— Какой период вам нужен и кто из авторов?

— Вся литература на фарси от Фирдоуси до Физули¹.

¹ Физули — «дерзкий», «нахальный» (фарси). Тахаллус (псевдоним) поэта Мухаммеда ибн Сулеймана, поэта первой половины XVI века. Помимо персидского, Физули писал на арабском, а так же родном ему азербайджанском языке. На 1530-е годы Физули находится в расцвете творческой формы, вскоре (1536–1537) он напишет свою поэтическую версию истории про Лейли и Меджнуна.

— Это не здесь, а в центральном зале, в самом сердце библиотеки. Там море рукописей — как оригиналы самих произведений, так и тазкире¹.

Большой сундук, наверное самый большой в зале, с арабской надписью «Райский поэт»² содержал в себе такие тазкире, что я пожалел о том, что ознакомился с ними.

Чутье подсказывало мне, что нужно начать с «Шахнаме» Фирдоуси. Несовпадения там будут такие же, как и в других произведениях великих писателей Средневековья. Что бы ни задумали шуубийцы, они должны были начать именно с этого поэта. Так и произошло. К вечеру, когда я прочел лишь одну десятую часть тазкире, мне уже не хотелось жить. Вся невидимая и позорная часть великого произведения здесь была расписана детально.

Оказывается, «Шахнаме» существовал еще до Фирдоуси, это был сборник мифов, преданий и сказок разных иранских народов, собранных со времен Дария I. Когда Персию захватили арабы, великий визирь государства Саманидов³ призвал талантливого Дакики⁴ написать историю борьбы персов с арабами. Но вскоре

¹ Рукописи, где содержались краткие биографии авторов и комментарии к их произведениям.

² Фирдоуси на фарси означает «райский».

³ Таджикско-персидская династия, правившая в Средней Азии в IX-X веках. Саманиды воевали в основном с тюркскими кочевникам, а с арабами скорее конкурировали — тем более что до конца IX века их земли находились в зависимости от арабского халифата.

⁴ Дакики или Абу Мансур Мухаммад ибн Ахмад — крупнейший персидско-таджикский поэт второй половины X в. Начал писать «Шахнаме» до Фирдоуси, но был убит своим рабом в возрасте около 30 лет и не закончил работу. Фирдоуси включил 5 тысяч бейтов Дакики в свое сочинение.

Дакики был странным образом убит своим слугой, после чего придворные принялись подыскивать ему замену. Фирдоуси не был в числе главных претендентов — он пил много вина, богохульствовал и вел беспорядочный образ жизни. Поручать столь важный труд человеку сомнительных достоинств никак не хотели. За Фирдоуси заступился Шахиншах, сказав, что именно такой человек, отвергнутый и злой, должен писать книгу о врагах. «Его злости хватит на всех, для него она будет главным источником вдохновения», — пошутил Повелитель.

И что, как вы думаете, сделал Фирдоуси, когда закончил произведение? Он попытался продать его союзникам арабов, то есть врагам Саманидов, только потому, что ему не заплатили обещанные золотые. Беда в том, что и союзники арабов из династии Газневи⁵ не захотели купить «Шахнаме», ибо этот труд был явно написан против них. Так и скитался Фирдоуси по дворам, стараясь найти защиту и покровительство.

В течение последующих пятисот лет, содержание «Шахнаме» менялось не единожды, и каждый раз — в угоду местным правителям. Мы также не остались в стороне. В последних изменениях, внесенных нашими поэтами, уже великий Рустам, главный персонаж «Шахнаме», воюет с туранцами как мусульманин-шиит. Только ведь во времена мифического Рустама не то что суннитов и шиитов, вообще ислама не существовало!

⁵ Династия тюркского происхождения, правившая в Южном Афганистане в X-XII веках.

Все прочитанное меня здорово раздосадовало. Черт бы побрал этот странный мир. Каждый Повелитель, который считал себя великим из великих, непременно совал свой нос в «Шахнаме» и вносил в текст изменения, необходимые ему лично. И как дальше жить?.. У людей должны быть святые идеалы, ценности, цели — ибо только это спасет нас от алчности и низости падения. Трудно пребывать в мире, где рушатся моральные устои. Последнее открытие стало для меня самым сильным разочарованием.

— Итак, что является главной причиной нашего отставания, мой друг шуубиец? — спросил меня утром Амир — веселый и жизнерадостный, как и всегда.

Сейчас меньше всего я был настроен на то, чтобы отвечать на его глупые вопросы. К тому же, увлеченный чтением рукописей, совершенно не заметил, как центральный зал заполнили такие же искатели истины, как и я. Они принадлежали к разным народностям с соответствующим цветом кожи. Но даже у тех, кто носил похожую одежду, были различные метки на платьях и головных уборах. Видимо, они относились к представителям определенного народа или течения. На одних была обычная белая чалма, другие носили разноцветные повязки. У одного юноши голова была повязана платком с узором из маленьких черных квадратиков.

— Агаи Амир, я раньше не обращал внимания, но вроде эти люди одного племени. Так почему же их головные уборы разные?

— Все они арабы, но из разных краев. Для персов, может, мы все на одно лицо. Вот те, что с обычными

белыми повязками, — местные, те что с разноцветными — оманцы; есть еще курайшиты — родное племя Пророка, влиятельные аназы, а также йемениты и много других. Так мы отличаемся друг от друга.

— И что они здесь делают?

— То же, что и ты, — ищут. В основном это сторонники учения фалсафа¹.

— Я слышал про них. Это те, кто верит в идеи Аристотеля и Платона.

— Да, но после них в арабском мире появились знаменитые ученики, и самым известным из них был Абу Али Ибн-Сина.

— А он каким образом оказался под их влиянием?

— Не знаю, но с тех пор сторонники фалсафа часто бывают здесь. Для бедных стран Аравии фалсафа — лучший способ держать племена под контролем. Эти мудрецы учат смирению и скромности. А что еще нужно Повелителям для того, чтобы подчинить соплеменников своей воле?

— Даже самые высокие идеи служат интересам правителей, а уже потом народа, — с грустью сказал я.

Мои слова не произвели на Агаи Амира особого впечатления. Его не интересовали мои умозаключения. Наверное, он был слишком взрослым для идеализации мира и прошел стадию наивности лет двадцать назад.

¹ Фалсафа, или восточный перипатетизм, — философское течение в средневековом исламе, опиравшееся на идеи Аристотеля. Основные постулаты — несотворенность материи, отрицание личностного начала в Боге, скептическое отношение к бессмертию души, но вера в то, что душа обладает некой силой (куат). Основные представители — Аль-Кинди, Аль-Фараби, Ибн Сина.

— Так что же является главной причиной нашего отставания? — лукаво спросил Амир.

Когда, наконец, этот человек оставит меня в покое, — подумал я, испытывая раздражение.

— Женщины?

— Нет, но ты близок. Подумай еще.

Я почувствовал, как мое лицо начало заливаться краской.

— Не знаю, уважаемый Амир, — скромно ответил я.

— Хорошо, принимаю твой ответ как правильный. Ибо ты практически угадал.

Амир улыбнулся и развел руками, словно давая понять, что готов услышать от меня правильный ответ. Но я промолчал.

— Это любовь. Да, любовь. Мы знаем границы зла — это когда в человеке просыпается зверь, и ты приблизительно понимаешь, на что он способен пойти — убить, ранить, жестоко мучить. А теперь вообрази себе границы силы любви. Их нет, и самым ярким примером тому является любовь между Низами и Афэг¹.

— А причем тут Афэг? Она была красавицей из Дагестана.

— Положим, что из Дагестана. Думаешь, ее случайно подарили Низами? Теперь просто представь, какой была бы жизнь поэта без Афэг. Оставил бы он нам такое богатое наследие? А ты читал ту часть из «Лейли и Междун», в которой львы и тигры окружают и защищают несчастного юношу?

¹ Любимая жена Низами, которой он посвятил множество касыд и бейтов.

— О да, — уже по-настоящему оживился я. — Это моя любимая сцена. Даже львы и тигры чувствуют его безрассудную и великую любовь. А вы знаете, какое самое яркое высказывание Низами о любви? Оно в «Хосрове и Ширин».

Сейчас уже загорелся и, привлекая внимание окружающих, начал громко говорить Амир:

— Что значит, знаю ли я? Эти слова известны всем мастерам Дома мудрости, ибо его слова стали девизом сообщества на многие века!

И тут мы, не сговариваясь, вскрикнули:

*Нет, без любви ничьи не прорастают зерна.
Лишь в доме любящих спокойно и просторно.*

После этого крепко обнялись и начали плясать, как дети. Нас словно понесло по легким волнам восхитительного безумия — ощущение, которое временами дарят нам лучшие образцы искусства. Амир сказал, что мы должны хорошенько все обсудить за вкусной едой и лучшим гашишем Багдада.

В тот вечер наша беседа продолжалась до самого утра. Амир рассказал, как впервые индусы-проводники привезли в Багдад поэму «Хосров и Ширин» сорокалетнего Низами и как именно здесь он сделался самым популярным поэтом. Это было первое произведение Низами, и все поразились остроте его ума и законченности сюжетной линии поэмы. «Хосров и Ширин» читали на одном дыхании, но, приближаясь с каждым бейтом к развязке, никто не понимал, почему Шируйе — сын Хосрова от первого брака — убивает его. Все посчитали, что он хотел свергнуть отца из-за

жажды власти и любви Ширин. Однако в этой истории был и второй, и третий слой. Из Багдада, переведенная на многие языки, поэма «Хосров и Ширин» отправилась в Индию и Европу, сделав его пламенной звездой Востока наряду с Фирдоуси и Рудаки.

Утром следующего дня я в задумчивости читал оригинал поэмы, мысленно сопоставляя в уме сюжет ковра Сулеймана с бейтами¹ Низами.

¹ Двустилишие в поэзии народов Востока, Кавказа и Центральной Азии.

Глава 19

*Я царем царей в державе мудрых мыслей нынче стал,
Повелителем пространства, шахом времени я стал.*

Из огромного числа произведений, которые мне приходилось когда-либо читать, чаще всего запоминалась лишь одна сцена. Она могла быть как главной, так и второстепенной. Неважно какой, но непременно запоминающейся. В «Искандер-наме»¹ самым ярким эпизодом, запечатлевшимся в памяти, остался поход Александра в Страну Мрака за бессмертием. В «Лейли и Меджнун» мое воображение потрясла сцена, где обезумевшего от любви юношу окружают и охраняют львы и тигры. Даже цари зверей ощущают глубину его страданий.

В этом списке «Хосров и Ширин» тоже не была исключением. История большой любви одного из властелинов Персидской империи Хосрова Парвиза и красавицы Ширин² запомнилась последним актом. Хосров уже три дня как угасает на смертном одре. Ширин ухаживает за ним, обрабатывая раны, и не смыкает глаз. Когда Шахиншах чувствует, что его

¹ «Искандер-наме», или «Книга об Искандере». Искандером на Востоке называли Александра Македонского.

² Сладкая (турецк.).

время пришло, он хочет попрощаться со своей женой, но Ширин устала и заснула у его ложа. Хосров решает не будить ее и говорит: «Пусть тихо я умру, пусть тихо спит она».

Низами преподносит последний жест великого Хосрова как венец настоящей любви, когда на смертном одре покой Ширин значит для него больше, чем прощальные слова.

Но все равно в этом повествовании ощущалась какая-то недосказанность. Даже когда Ширин не отдавалась убийце Шахиншаха и убивала себя, чувство недоговоренности не покидало меня. И вот настал час истины. Когда я дошел до последних сцен, ладони мои резко вспотели, а по телу прошла холодная дрожь. Я чувствовал, как начинает мерзнуть моя спина.

За главой о смерти Хосрова и Ширин следовали две последние, которые я видел впервые. Они назывались: «Хосров видит во сне Пророка» и «Послание Пророка Хосрову». В них Пророк Мухаммед является Хосрову во сне и передает письмо, прося принять безграничное величие единого Бога. Но Шахиншах грубо, даже несмотря на настояния Ширин, отвергает его, тем самым навлекая на себя проклятие Пророка.

Вот она развязка! Эта молния над головой Хосрова — знак надвигающейся трагедии, и мулла в белых одеждах, читающий письмо Пророка Хосрову на смертном одре, словно приговор, напоминает ему о судьбоносной ошибке. Вот что является главным посланием ковра, которым султан Сулейман хотел сообщить нашему Шахиншаху, что знает даже те секреты, которые тот тщательно скрывает ото всех — своего народа, подданных, друзей и союзников.

И ведь письмо читает именно суннитский проповедник в традиционной османской одежде. Намек был более чем понятным — Пророк послал нашего, османского муллу читать письмо неверному Шахиншаху Персии.

Важно, что об этом написал Низами, который является одним от отцов-основателей персидской литературы и которого непререкаемо уважают и турки, и персы. Отталкиваясь от этих двух фактов, можно создать целую кампанию против наших правителей — объявить, к примеру, их врагами истинной религии, преподнести шиизм как происки сатаны. Эти опасения не были беспочвенны — отец Сулеймана Великого, Селим Грозный¹, задолго до этого подчинил себе Мекку и Медину и оттуда мог дать любую фетву². Никто не мог манипулировать историей и религией лучше чем османы — чему-чему, а этому они научились от завоеванных ими румулцев³.

Именно Селим первым разнес по миру весть о том, что он как Повелитель Константинополя является наследником Римской империи и все бывшие вассалы и их земли теперь принадлежат ему. Никакие аргументы наподобие тех, что эти два государства не имеют ничего общего друг с другом, на Селима не повлияли, и под предлогом «законного наследия земель Константинополя» он захватил святыни мусульманского

¹ Селим Грозный (1465–1520) — один из самых почитаемых султанов Турции, завоеватель больших территорий на Ближнем Востоке и в Европе.

² Решения высочайших религиозных деятелей по религиозным и бытовым вопросам, которые основываются на шариате.

³ Румулцами на Востоке также называли Византийцев.

мира, территории нашей Персии, земли мамелюков, венгров и славян.

Скорее всего, при дворе Сефевидов был какой-то секретный план, связанный с персами и их древней историей, наподобие того, который привели в действие османы, опираясь на славу Восточного Рима. Этот план был очень древним — если учесть, что редактирование книги Низами началось многие годы тому назад. Зная неторопливый характер всех действий при дворе, я мог полагать, что этот пока непонятный и неясный для меня план мог быть разработан главой суфийского ордена шейхом Сефи ад-Дином. Также я был уверен, что планов было несколько — как и на каких основаниях развивать могущество государства Сефевидов. Персидский путь явно был одним из них. Впрочем, об этом я мог только гадать — ведь даже нас, самых доверенных слуг Шахиншаха, не подпускали к секретам ордена.

Так или иначе, султан Сулейман сделал сильный ход. Он говорил: я знаю твои самые секретные планы, то, что твои люди прятали веками. Сулейман намекал на то, что если Шахиншах и его наследники, смешав свою кровь с персами, захотят объявить себя преемниками державы Ахеменидов, то у осман есть возможность разрушить эти дерзкие планы в мгновение ока.

Теперь, в преддверии войны, поэма «Хосров и Ширин» в умелых руках оценивалась на вес нескольких армий. Достаточно было распространить тайные главы поэмы с комментариями среди многочисленных племен, объявить членов Дома Сефевидов врагами истинного ислама, и наша Империя взорвалась бы изнутри. Во времена, когда люди верили во все, как

это было в случае с Маздаком¹, лучшего орудия войны и не придумаешь.

Теперь я был уверен, что шпионы нашего Повелителя изменили все произведения, которые могли вызвать недовольство в массах. Но почему тогда не спрятали в надежное место их оригиналы? Наверное, самонадеянно рассчитывали, что никому в этом мире неграмотных людей не придет в голову оспаривать труды великих творцов, искать какие-то нестыковки и различия. Какими же высокомерными мы были! Османы раскрыли наши секреты задолго до того, как нам стало понятно, что вообще произошло. Времени, чтобы все исправить, уже не оставалось. Наверное, после войны мы займемся этим — если останемся живы...

А пока мне нужно было спешить, чтобы доставить мою находку великому визирю. Хотя что-то подсказывало мне, что он уже давно обо всем осведомлен. Тогда зачем же они гнали меня во все концы света с этой миссией? Я даже боялся задавать себе этот вопрос.

Уже через неделю я ожидал в приемной Казвини, где, как обычно, было не протолкнуться. Маховик был запущен, Империя готовилась к войне. Когда я вошел к великому визирю, он внимательно осмотрел меня с головы до ног. Это была наша самая короткая и откровенная беседа. Его тяжелый взгляд подтвердил все мои подозрения. Великий визирь с самого начала знал все о секрете ковра и не позволял расследованию прерываться.

¹ Персидский жрец, который в V веке н. э. объявил себя святым и возглавил движение против персидского трона.

— Нужно спасти библиотеку в Багдаде, — через мгновение сказал я.

— Знаю, над этим уже работают.

— А мне что делать, сардар?

— Отдохни. Шахиншах на днях сам тебя примет.

Дома я расслабился. Фарах за мое отсутствие сильно похорошела. Последние дни она провела в высокогорьях Гилана, дыша свежим воздухом, принимая теплые чайные ванны с лепестками цветов. Ее кожа была золотистой и абсолютно гладкой, как мягкое место у младенцев. Вечером она пришла ко мне в тонкой, просвечивающей накидке, и от нее пахло такими благовониями, что я потерял голову. Никогда еще от моей любовницы не исходило такого восхитительного аромата экзотического цветка франжипани¹, что сочетал в себе оттенки дыни, жасмина, мандарина, утренних яблок и гардений.

Не дав Фарах опомниться, я раздел ее и уложил на воздушное ложе. Мне доставляло райское удовольствие наслаждаться запахом, цветом и упругостью ее сильного тела.

За то время, что провел дома, я успел хорошо отдохнуть, а заодно узнал от своей любовницы все сплетни двора. Пока меня не было, многое случилось. Но главной новостью стала ожидаемая война с османами. Все боялись, что турки захватят главные города Империи, как они сделали это двадцать лет назад, и поэтому спешно прятали членов своих семей и бо-

¹ Франжипани, или плюмерия, — вид тропических деревьев, произрастающих в Южной Америке и в тихоокеанских тропиках. Цветы обладают нежнейшим сложным ароматом.

гатство в труднодоступных местах. По словам Фарах, половина местной знати уже переселилась в Гилан, где отныне можно было увидеть почти всех представителей Дома Сефевидов.

Через два дня меня вызвали к Шихиншаху. Я принял ванну и надел чистую одежду. Фарах захотела намазать меня экстрактом того чарующего цветка, но я отказался. Не хватало мне еще благоухать при Правителе, несмотря на то что запах действительно одурманивающий.

Тахмасиб принял меня в своей летней резиденции. Мне посчастливилось снова пройти между рядами божественных кипарисов, которые стояли как десятки братьев-близнецов. Уже во второй раз я проходил между ними, и вновь их молодость и красота восхитили меня. Казалось, в этом дворце ты не мог думать ни о чем, кроме прекрасного и возвышенного.

Наверное, поэтому Тахмасиб был совершенно спокоен. Еще с прошлого раза я помнил слова о том, что на Шахиншаха нельзя смотреть, а отвечать на вопросы нужно коротко и ясно. Поэтому я лишь низко склонился перед Повелителем.

— Верный азат, ты продолжаешь радовать меня, — тихим голосом сказал он.

Я отвесил поклон в знак благодарности.

— Война неизбежна, и тебе известно, насколько сильны эти варвары. В их распоряжении парусный флот и артиллерия. В советниках у них ходят неверные. А у нас что?..

Повелитель сделал некоторую паузу и затем продолжил:

— У нас — вера. Вот что является нашим главным оружием. Эти варвары еще не знают, что такое быть прямым наследником Имама Али. Может, у нас нет флота и пушек, но есть великий ум, хитрость и дерзость. Ты поедешь в Стамбул и нанесешь удар прямо в сердце империи осман. У них никогда не хватит ума предугадать такое. Варвары не оправятся от нашего неожиданного сюрприза, и тогда войну мы выиграем.

Я ничего не спросил, лишь еще раз поклонился в знак согласия. У меня в голове крутились сотни вопросов, но их нельзя было задавать Повелителю.

— Все остальное узнаешь у великого визиря.

— Спасибо, великий сардар, — уважительно ответил я.

Услышав звук звенящих дирхамов, я по привычке раскрыл руки, и в мои ладони положили тяжелый мешок.

Я вышел, пятясь назад, не поворачиваясь к Повелителю спиной.

Увидев меня, великий визирь велел всем убраться из его комнаты.

— Встреча прошла хорошо, как я понял, — произнес он, улыбнувшись. — Не помню, когда я был так доволен в последний раз. С недавних пор одни плохие новости сменяют другие.

— Шахиншах уверен, что мы победим их, — ответил я.

— Никому не распространяйся о том, что тебе говорил Шахиншах, если не хочешь, чтобы по твоей нежной шее прошлись большим и очень острым мечом. Вот сундук, — показывая в угол комнаты, проговорил он.

В темном углу, действительно, стоял крупный предмет, накрытый войлоком. Визирь сказал, что сундук повезут другие люди и в нужном месте передадут мне.

— Наверное, вы хотите снова погонять меня по всему миру, как слепого котенка? — грубо спросил я.

Я не собирался еще раз дать себя одурачить.

— Ты все еще не понимаешь, что творится вокруг тебя, сынок, — тихо сказал мне Казвини. — Все намного глубже и темнее, темнее даже той пещеры, которую ты видел на острове Клеопатры.

«Все-то ты знаешь, хитрый лис», — подумал я.

Казвини подошел еще ближе и обнял меня. Мне стало не по себе. Визирь вдруг начал нашептывать мне на ухо, да так тихо, что даже самый способный шпион не услышал бы его слов.

— Точно так же я проводил твоего отца тридцать лет назад. Ты ведь не знал, что мы были друзьями, не так ли? А мне довелось бывать с ним во многих походах, говорить о многих важных делах, в том числе о тебе. Он очень любил тебя.

Чем дольше говорил великий визирь, тем больше я раскисал. Когда он произнес, что отец любил меня, я не сдержался и начал всхлипывать.

— У нас практически не было секретов друг от друга, — продолжал он. — Знаешь, я решил поделиться с тобой тем, о чем ни с кем еще никогда не говорил. А если вдруг меня спросят, я скажу, что это твои большие фантазии. Вот что, сынок... Ищи своего отца, и тогда ты выполнишь приказ Шахиншаха.

Сейчас уже я крепко обнял визиря.

— Мой отец мертв...

— Нет, он жив.

— Он никогда не оставил бы меня, если был бы жив.
— А откуда ты знаешь, что он не приходил к тебе?
— Он бы дал мне понять, — уже без стеснения рыдая, ответил я.

— Ты не прав и знаешь это. Ищи своего отца!

Я уже не мог остановиться. Слезы текли из глаз ручьями. Мне было стыдно выглядеть таким слабым, но овладеть собой я не мог. Отец не мог быть живым. Он просто не смог бы находиться вдали так долго. Ведь у него никого не было в этой жизни, кроме меня.

— Нет, господин, — сказал я, захлебываясь, — нет, мой отец не мог меня оставить одного. Я был смыслом всей его жизни. Он сам мне говорил это сотни раз. После смерти матери он жил ради меня.

— А что, если все это он делал ради тебя?

Я отвечал: нет, нет и еще раз нет. Но спорить с Казвини было бесполезно. У него на этот счет имелись свои веские соображения. Через некоторое время я устал плакать. Весь воротник дорогого кафтана великого визиря промок от моих слез.

Старик отошел и громко сказал:

— Подойди,ними войлок, взгляни на сундук в углу внимательно и запомни его. В следующий раз ты увезешь его в логово османов. Откроешь вот этим ключом. То, что будет внутри, нанесет поражение врагам Ахлибейта¹ и спасет нас от многих мучений.

— Ин ша Аллах! — ответил я и вышел из комнаты.

Через два месяца семидесятитысячная армия Султана Сулеймана без боя вошла в Багдад. Местный

¹ Ахль аль-Байт или, у шиитов — Ахль аль-киса («обладатели священного покрывала») — обозначение семейства пророка Мухаммеда.

гарнизон разбежался, и османы получили город, считай, в подарок. Но еще важнее было то, что под видом торговцев и мулл агенты завоевателей трудились в городе задолго до начала похода. Одной из первых они захватили библиотеку медресе Аль-Мустансира и закрылись там наглухо, пока не вошли основные войска. Все, что не увез я в своих седельных сумках, досталось врагам.

...А теперь, пока паша¹ османов обдумывал свои дальнейшие шаги, я подходил к крепостным стенам логова врага. Город этот казался самым красивым, но и самым укрепленным городом из тех, какие мне только приходилось видеть, — три ряда высоких крепостных стен, меж которыми текла непроходимая река. В свое время этот город пал в результате подлого предательства одних христиан другими — только потому, что братья по вере хотели уничтожить друг друга. Те же силы теперь вели османов против нас. Напрасно они полагали, что их поход пройдет тихо. У нас имелись свои задумки. Не зря на гербе Сефевидов был изображён лев — оскаленный и с поднятой саблей в могучей лапе.

¹ Генеральский титул в войсках османов.

Художественная литература

Гасанов Заур

ТАЙНИК В КОВРЕ

Ответственный редактор *Г. Пернавский*

Художественный редактор *М. Левыкин*

Технический редактор *Н. Атауллина*

Верстка *А. Григорьев*

Корректор *Д. Мельник*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».
Адрес: 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д.13, строение 1,
этаж 8 пом. I ком. 22 офис 835

Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

ISBN 978-5-9500937-3-9

Подписано к печати 14.07.2019.

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Charter». Печать офсетная.

Бум. офс. Усл. печ. л. 11,76. Зак. №

12+ | *Издание не рекомендуется детям младше 12 лет*